

9(121)
112

Р.М.МАГОМЕДОВ

ДАГЕСТАН

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЭТЮДЫ

9(121)
112

ПРОФ. Р. М. МАГОМЕДОВ

ДАГЕСТАН

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЭТЮДЫ

Дагестанское книжное издательство

Махачкала 1971

Посвящаю
Джуме Магомедовой —
умному моему помощнику,
критику и другу всей жизни

И. НАБРОСКИ К ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА

1. Об этногенезе дагестанских народов

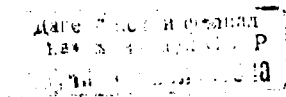
Вопрос об этногенезе дагестанских народов — одна из сложных проблем истории Дагестана. Окончательное решение этого вопроса, по-видимому, может быть достигнуто лишь в результате совместных, комплексных действий представителей разных наук: историков, археологов, этнографов, лингвистов, антропологов и даже биологов и географов. К слову сказать, эти отрасли знания уже накопили немалый материал для решения проблемы¹.

Почему в Дагестане на сравнительно небольшой территории проживает такое количество разноразличных народов?

Нельзя сказать, что такая картина является результатом миграции в Дагестан различных племен извне. Ведь горы Дагестана естественно не отличаются ни особым плодородием, ни особыми при-

¹ См. Е. И. Крупнов. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность. (К проблеме происхождения народов Кавказа). СА, 1964; его же. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; История Дагестана, т. I, М., 1967; А. С. Чикобава. О двух основных вопросах изучения иберийско-кавказских языков. Вопросы языкознания, № 6, 1955; А. Г. Гаджиев. Происхождение народов Дагестана (по данным антропологии). Махачкала, 1965; Р. М. Магомедов, В. П. Дзагурова. Народы Советского Дагестана. (Происхождение и расселение). Махачкала, 1966; Н. Н. Миклашевская. Некоторые данные по палеантропологии Дагестана. МАД, т. I, Махачкала, 1962; Р. М. Магомедов. Проблема происхождения дагестанских народов в дореволюционной историографии. Ученые записки Даггосуниверситета, т. VI, 1960; Р. М. Мунчаев. К вопросу о времени заселения горного Дагестана. «Дагестанская правда», 1954, 16 ноября.

60736

1—6—1
71

instituteofhistory.ru

родными богатствами, которые могли бы привлечь мигрантов. Напротив, в естественно-географическом отношении Дагестан отчасти даже уступает соседним областям Закавказья и Северного Кавказа.

Другой стороной этой проблемы является вопрос: почему народы, населяющие Дагестан, за несколько тысяч лет совместного существования бок о бок всё-таки не слились в единую этническую группу или не были поглощены какими-либо другими, более многочисленными народами, которые не раз в продолжение тысячелетий вторгались в пределы Страны гор? Вопрос этот тем более примечателен, что за то же время по соседству появлялись и исчезали гораздо более многочисленные народы и племена: скифы, сарматы, авары, хазары, кипчаки и т. п.

Пытаясь решить этот вопрос, исследователи указывали на множество причин этнической пестроты в Дагестане: сложный, весьма пересеченный рельеф, не благоприятствующий сообщениям внутри Страны гор; своеобразная отъединённость внутреннего, горного ядра Дагестана от прилегающих частей Северо-Восточного Кавказа и Закавказья; более медленные темпы социального развития в северо-восточной части Кавказа, в том числе межнациональных связей и интегрирующих процессов, и многие другие обстоятельства.

Действительно, все эти факторы способствовали сохранению этнической пестроты. Столь же верно и то, что ни один из них, взятый в отдельности, не может объяснить её возникновение и сохранение. Признавая важность всех этих факторов, отметим лишь, что все они либо сводятся к географическим особенностям Дагестана, либо являются производными от них.

Ко всему, что сделано по изучению этнической истории дагестанских народов, мы хотели бы обратить внимание еще на один — чисто социальный аспект этой проблемы: совокупность тех проявлений и особенностей социально-культурной организации дагестанских этнических групп, которые поддерживали сознание своей самобытности,

укрепляли и воспроизводили ее в каждом следующем поколении этноса, то есть сохраняли самостоятельность этноса и, следовательно, этническую пестроту Страны гор. Этот фактор постоянно оживлял и питал непрерывное состояние военной угрозы вследствие сначала племенных, а затем и феодальных междоусобиц, в особенности военного нажима ханств на вольные общества и нашествия внешних врагов. Это выработало в коллективной психологии каждого из дагестанских народов, а также в конкретных особенностях их социального и культурного быта черты сопротивляемости, упорства в защите себя не только как индивидуума, но и как членов какой-то этнической общности, то есть в защите всей совокупности тех черт их уклада, из которых складывалась их этническая самобытность. При этом условии даже в случае гибели значительной части представителей какого-либо этноса оставались гарантии его возрождения или по меньшей мере сохранения, если в сознании каждого из оставшихся в живых его членов оставалось представление об их принадлежности к какому-то единому этническому коллективу. Примером такой специфической этнической устойчивости могут служить одноязычные аулы Дагестана.

К сожалению, нам не известно ни одно научное исследование, посвященное этой теме. В исторических работах даже касаются её довольно редко. Мы надеемся, что исследователи уделят больше внимания ее разработке при изучении этнической истории Дагестана.

Однако, учитывая несомненное своеобразие, специфику в материальной и духовной культуре и в историческом пути каждого из дагестанских народов, не следует упускать из виду их общность и в известной мере даже единство.

В самом деле, почему, несмотря на очевидные национальные различия народов Дагестана, мы всё же с полным правом говорим о них как о «дагестанцах», то есть в каком-то смысле единой общности людей. Почему при сравнении между собой каких-то явлений социально-культурного бытия разных народов Дагестана в первую очередь

бросаются в глаза их различия и в то же время становится совершенно очевидной их несомненная общность и близость между собой при сравнении их с каким-либо аналогичным явлением за пределами республики?

Дело в том, что признаки общности в конкретном бытии народов Страны гор более многочисленны и более существенны, чем различия.

Существование дагестанских народов на всем протяжении их истории протекало в одних и тех же естественно-географических условиях, в пределах общей для них горной страны. При всей разнице языков совершенно несомненно сходство их грамматики и основного словарного фонда, что в свою очередь даёт нам право предполагать существование в прошлом более близкой восточнокавказской языковой общности¹ и хорошо согласуется с данными археологии; ведь язык — это реальное выражение мышления, и языковая близость — основа близости этнопсихологической. Общность происхождения и условий жизни ведет к общности материальной и духовной культуры — и в этой области можно без всякого преувеличения констатировать преобладание признаков общности над признаками различия. Наконец, несомненна общность исторических судеб народов Дагестана.

Важность исследования проблемы возникновения и развития этой общности во всех сторонах жизни дагестанских народов не нуждается в особой аргументации. Можно надеяться, что эта тема станет предметом плодотворных исторических исследований.

2. Место Дагестана в древней и средневековой истории Кавказа

Определить место Дагестана в древней и средневековой истории Кавказа означает увязать его историю с историей Кавказа. Рано или поздно та-

¹ И. Н. Джавахишвили. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. ВДИ, № 4, 1939.

кая история кавказских народов будет написана. Этого требует сама жизнь и конкретный исторический материал. Так, например, в древней истории Дагестана есть период общности культурных явлений у дагестанских народов и племен и у остальных народов и племен Кавказа, а также Передней и Малой Азии¹. Этот период истории менее всего изучен в литературе.

Между тем невозможно серьезно говорить об истории Дагестана вне связи с историей Азербайджана, Грузии, Армении и народов Северного Кавказа. Если судить по раскопкам в Дагестане², нет ни одного археологического памятника, который можно было бы рассматривать вне связи с синхронными памятниками материальной культуры Закавказья и Северного Кавказа. Особенно ощутимо это для памятников эпохи бронзы и железа. Во всех этих находках прослеживаются следы культурной общности кавказских народов. С эпохи меди и бронзы на территории Дагестана наблюдается непрерывный путь развития местной культуры, и эта культура связана с культурой других областей Кавказа и Востока. По этому поводу

¹ См. Е. И. Крупнов. О древних связях юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока. Вестн. истории мировой культуры, 1958, № 1; *его же*. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; *его же*. Кавказ в древнейшей истории нашей страны. ВИ, № 5, 1966; Р. М. Мунчаев. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. МИА, № 100, 1961; А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, № 68; А. А. Иессен. Кавказ и древний Восток в IV—III тысячелетиях до н. э. КСИА, 93, 1963; А. Ф. Назаревич. Азербайджанско-дагестанские культурно-исторические связи фольклора и поэзии Дагестана. Ученые записки АГУ им. С. М. Кирова, № 4, 1956; Б. А. Тураев. История древнего Востока. ОГИЗ, 1936, стр. 5; История Дагестана. Т. I, М., 1967.

² В. Г. Котович. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964; *его же*. О хозяйстве населения горного Дагестана в древности. СА, 1965, № 3; В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. Ученые записки ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, т. VIII, 1960; В. М. Котович. Верхнегунисское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965; Д. М. Атаев. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963; М. Г. Гаджиев. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э. КСИА, вып. 10В: М., 1966.

проф. Е. И. Крупнов писал: «Итоги последних археологических исследований на Кавказе все более убеждают в том, что весь древнекавказский мир уже в 3-м тысячелетии до н. э. развивался в общении с древневосточными народами, населявшими Иран, Месопотамию, Малую Азию, Восточное Средиземноморье и всю юго-восточную Европу»¹.

Об этом же свидетельствуют не только исторические, но и лингвистические данные,² говорящие об общности происхождения большинства современных кавказских языков, что не может не отражать былого единства. С глубокой древности на территории Кавказа проживало население, говорящее на множестве языков. Нет нигде другого места на Кавказе, где бы уцелело столь большое количество мелких языков, как в Дагестане. На долю Дагестана падает свыше половины всех известных в древности на Кавказе языков³. Дагестанские языки при их тщательном изучении могут пролить свет на многие неизвестные явления древней и средневековой истории народов Кавказа, а также на этногенетический процесс, протекавший в разных частях Кавказского края.

О том же свидетельствуют и общие черты дагестанской и кавказской топонимики.

Процесс заселения всего Северо-Восточного Кавказа проходил с юга, через армянское нагорье и Закавказье. В период возникновения и развития древнейшего государства Закавказья — Урарту — процесс освоения горного Дагестана был в основном закончен. Эта часть населения в какой-то мере находилась в соприкосновении с населением Урарту. Дагестанские племена, как и племена Восточной Грузии, поддерживали торговый обмен и культурную связь с Урарту. Не исключено, что в состав урартского населения входили племена, родствен-

ные дагестанским. Академик Н. Я. Марр, изучив языки современных народов Дагестана, пришел к заключению, что «дагестанские племена, в частности казикумухи и авары — один из аборигенов Ванского царства, имевших с возобладавшими там и вытеснившими их оттуда халдами много общего и сродного лингвистически, этнически, следовательно, и культурно»¹.

Земледельческие традиции (разновидности ишеницы, земледельческие орудия, зернотерки и т.д.) позволяют с какой-то стороны осветить вопрос и о древнейших культурно-исторических связях дагестанского населения с народами Кавказа и всего Востока.²

Некоторое подтверждение этого мы находим и в устном творчестве народов Дагестана, в наскальной живописи и в изделиях дагестанских ремесленников.

Одно из древних государств Кавказа — Кавказская Албания — сложилась на территории современных Азербайджана и Дагестана с V в. до н. э., то есть вскоре после гибели государства Урарту. Албания — страна, в которую до IV в. н. э. входил полностью Дагестан. Это давнишнее мнение проф. С. В. Юшкова³, с которым я полностью согласен. Дербент (Чор) являлся религиозным центром Албании (там жил албанский экзарх или патриарх). Как известно, религиозные центры возникают только в политических центрах. Если бы Дербент не был пограничным городом, этого не могло произойти.

¹ Н. Я. Марр. Непочатый источник кавказского мира. Петроград, 1917, стр. 317; П. Н. Ушаков. Проблема древнейшего населения Малой Азии, Кавказа и Эгейды. ВДИ, № 4, 1931.

² К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959; Н. Г. Шанидзе. Язык и письмо кавказских албанцев. Вестник отдел. обществ. наук АН Грузинской ССР, № 1, 1960; К. Алиев. К вопросу о племенах Кавказской Албании. Сб. «Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели». М.—Л., 1960; З. И. Ямпольский. Из истории древней Кавказской Албании. М., 1949.

³ С. В. Юшков. К вопросу о границах древней Албании. ИЗ, 1937, № 1.

¹ Е. И. Крупнов. Кавказ в древнейшей истории нашей страны, стр. 27.

² См. А. С. Чикобава. Введение в языкознание. Ч. I, М., 1952; Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.

³ См. Е. А. Бокарев. Краткие сведения о языках Дагестана. Махачкала, 1949.

У меня до сих пор сложилось и держится убеждение, что с древним Дербентом¹ не все ясно. Я все время думаю, что его судьба более интересна, чем мы это представляем себе. За обладание Дербентским проходом вели войны Византия, Сасанидский Иран, Хазария, Халифат, Золотая Орда, Хулаги-ды. Военное, культурное и торговое значение Дербента в истории Кавказа неоспоримо. Надо к Дербенту привлечь внимание археологов.

Ведущая роль албанцев в исторической жизни населения Восточного Закавказья сейчас никем не оспаривается. Опыт изучения древней истории Дагестана показал, что вопрос об Албании нельзя обойти. Но то, что писалось о ней у нас в Дагестане, совершенно недостаточно. Нужна капитальная работа об Албании, где бы была показана такая же историческая роль албанцев в Дагестане, как это сделали научные работники по Закавказью.

Проблема Албании интересна тем, что если связать Албанию с народами Дагестана, то тогда нам легче установить связи народов Дагестана с Ассирией, Урарту. В истории древнего Востока Масперо прямо говорится о взаимоотношениях албанцев с Ассирией. Имеются клинописи, где говорится о войнах Ассирии с албанцами. Об Албании много сведений сохранили греко-римские писатели античного мира. В «Очерках по истории и культуре Кавказской Албании» К. В. Тревера раскрывается роль албанских племен в борьбе за независимость народов Кавказа и выясняются истоки культурного развития кавказских народов.

Всестороннее изучение всех материалов об Албании может пролить свет на древнюю историю Дагестана. Я твердо убежден, что когда-то Дагестан играл особую роль в истории Кавказа. Ключ этому надо искать в Албании. Так, например, из источников нам хорошо известно, что в период существования Кавказской Албании Восточный Кавказ (в том числе и Южный Дагестан) находился в самых тесных и многосторонних отношениях с Арменией и ослабление наступило лишь в эпоху арабского

завоевания. Такое же сближение Албании имелось и с Иберией и Северным Кавказом.

С другой стороны, Дагестан находился на стыке Закавказья и Северного Кавказа, представляя собой один из удобнейших проходов через естественное препятствие — Главный Кавказский хребет. В силу географического положения страны дагестанским племенам вольно или невольно приходилось первыми вступать в столкновения со степными кочевниками, пытавшимися прорваться на юг, в Закавказье. Столкновения продолжались и в период племенных объединений киммерийцев. В этом смысле на Дагестане сказывались в той или иной степени важнейшие события, происходившие на юго-востоке нашей страны. Нельзя назвать случайностью заинтересованность римлян и персов в укреплении дагестанского побережья у Дербента. Длительный процесс миграции кочевников по каспийскому побережью был первопричиной укрепления Дербентского прохода. Географическое положение Дагестана определило ему одно из ведущих мест и роль на Кавказе. Тут скрещивались древнейшие пути из Восточной Европы на Восток.

Мы остановимся еще на одном таком событии. В III в. н. э. начинается продвижение Сасанидов в Закавказье. Хотя Дагестан был затронут этим не в столь сильной степени, как закавказские земли, однако источники свидетельствуют о самой активной роли его населения в этой поистине драматической эпохе в жизни народов Кавказа. Не менее активной была роль предков народов Дагестана в борьбе закавказских народов с римскими завоевателями.

Говорить о месте Дагестана в древней истории Кавказа в отрыве от истории хазар невозможно. Исследователи поступают неправильно, когда о хазарах и их государстве говорят вообще и попутно в связи с историей Дагестана¹. При этом не придается должного значения тому факту, что хазары создали обширное раннефеодальное государ-

¹ М. Н. Артамонов. Древний Дербент. СА, т. VIII, 1946.

¹ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962.

ство со столицей Семендер¹ в Приморском Дагестане. Отсюда в течение полутора веков, вплоть до вторжения войск халифата на Кавказ, хазарская знать осуществляла свое господство в покоренных землях. В Хазарском государстве перемалывались кочевые племена, двигавшиеся на юг. Хазары вместе с дагестанцами вели длительную борьбу с сасанидским господством в Южном Дагестане и Закавказье. Когда арабы попытались продвинуться на Северный Кавказ, хазары вместе с горскими народами вступили в ожесточенную борьбу с завоевателями и воспрепятствовали их продвижению на Северный Кавказ.

Наряду с Хазарией в предгорной и горной зонах сложился ряд политических образований (Хайдак, Лакз, Табасаран, Цахур, Маскут, Серир, Гумик и др.), игравших весьма активную роль в истории кавказского мира в VI—XI вв.²

Борьба против арабских захватчиков покрыла дагестанские народы неувыдаемой славой. Народы Дагестана и после переноса хазарами столицы своего государства на Волгу продолжали вести борьбу. Эта борьба была самой продолжительной на всем Кавказе. Своей борьбой дагестанские народы наносили серьезный удар по арабскому владычеству и тем самым содействовали распаду кавказского наместничества арабов.

Героическая борьба народов Дагестана за независимость в XIII—XVII вв. слилась с борьбой народов Закавказья и Северного Кавказа³. Монголам так и не удалось покорить горцев. По свидетельству современников, проходы, ведущие с гор на равнину, монголам приходилось охранять особыми военными отрядами. Тяжелые бои велись

¹ Б. Маллачиханов. К вопросу о хазарском городе Семендере в Дагестане. Ученые записки ИИЯЛ Даг. филнала АН СССР, т. XIV, серия историческая. Махачкала, 1965.

² В. М. Бейлис. Из истории Дагестана VI—XI вв. Серир. ИЗ, № 73, М., 1963.

³ Р. М. Магомедов. Из истории совместной борьбы дагестанского и азербайджанского народов против иноземных захватчиков. Ученые записки АГУ им. С. М. Кирова, № 4, 1956.

с Тимуром, турецкими и иранскими завоевателями. В тяжелой борьбе, в защите родной земли выковывалось боевое содружество между кавказскими народами.

Думаем, правильно будет, если мы скажем, что одним из разделов дагестанской истории должно стать изучение своеобразия путей развития совместной борьбы кавказских народов против иноземных поработителей и завоевателей.

Итак, судьбы дагестанских народов неотделимы от судеб народов Северного Кавказа и Закавказья. Очень много взаимосвязанных процессов древней и средневековой истории Кавказа ждут своих исследователей.

3. О роли мелких народностей и этнических групп в древней и средневековой истории Дагестана

В наших исторических исследованиях, как мне кажется, мало отражена история отдельных дагестанских народов, а о некоторых этнических группах вообще ничего не говорится. Чтобы как-то сгладить этот пробел, исследователи прибегают к употреблению выражения «горцы Дагестана» или «население дагестанских ханств». Нельзя говорить так недифференцированно — «горцы Дагестана». Так можно говорить в общем курсе истории СССР, а не в специальной истории народов Дагестана. Мы не должны забывать, что каждая народность будет интересоваться своей судьбой и будет очень огорчена, когда она не найдет указания на свою историю.

Ничего тут не поделаешь. Это желание вполне закономерно, и мы, научные работники, в своих исследованиях не должны упускать возможности отобразить историю Дагестана как можно полнее, с охватом всех его народностей и этнических групп.

Нельзя себе и представить историю Дагестана без активной роли в ней мелких народностей и этнических групп. Они начинают играть эту роль еще в Албанском государстве, представлявшем собой своего рода федерацию разноязычных пле-

менных союзов. Но, когда Дагестан не был объединен в рамках одного политического образования, их роль тоже была довольно значительной не только внутри страны, но и за ее границами. Во время обострения политической обстановки в разных частях Кавказа Дагестан, расколотый на отдельные независимые союзы сельских обществ и этнические группы, был удобным местом прибежища для потерпевшей неудачу политической стороны. В горных общинах пострадавшая сторона всегда имела возможность не только укрыться, но и собрать силы для попытки реванша. И в нём политические и военные силы мелких народностей нередко играли роль последней капли, наполняющей чашу, роль компонента, необходимого для достижения в данный конкретный момент военно-политического превосходства, часто решающего. Этим положением превосходно пользовались дагестанские, грузинские и азербайджанские феодалы.

Другой стороной такого положения было сохранение на более или менее длительный срок «равновесия сил». Гарантии от уничтожения, которые давали каждой из борющихся сторон мелкие политические и этнические единицы Дагестана, делали их своеобразным стабилизатором, регулирующим политическое равновесие в бурном феодальном мире Кавказа.

В свою очередь, лавируя во время политических обострений и мастерски используя противоречия между крупными феодальными хищниками как в Дагестане, так и за его пределами, мелкие этнические и политические единицы Дагестана благодаря такой тактике сохраняли себя как самостоятельные социальные организмы, чем в значительной степени и объясняется их стабильность и длительное существование в весьма беспокойный и бурный феодальный период.

Оборотной стороной такого положения был консерватизм, сохранение самых архаичных черт в хозяйстве, быту, общественной жизни в указанных социальных организмах, то есть в конечном счете замедление исторического прогресса в их собственном развитии, что не могло не задержать

и темпы общего исторического развития. Тут была налицо ограниченность кругозора и узкие возможности развития личности.

Попутно следует подчеркнуть, что мелкие политические образования — горские сельские общества в силу специфики своего экономического развития и географического положения сумели сохранить и самые древние земледельческие традиции. Для исследователя — археолога, этнографа, историка, изучающего данный вопрос, Дагестан дает много материала.

Следует также отметить особую роль мелких социальных организмов в сохранении целых традиционных ремесленных отраслей, а также в образовании своего рода ремесленных гнёзд с ярко выраженными стилевыми, художественными и техническими особенностями¹. Укажем на некоторые из них: Кубачи — общепризнанный центр декоративно-прикладного искусства; центры художественного серебра — Кубачи, Унцукуль, Унчукатль, Ботлих, Чох, Тиндал; оружейного дела — Кубачи, Амузга, Харбук, Унцукуль, Согратль, Куяда; художественной керамики — Балхар, Сулевкент, Испик, Кала; резных камней — Кубачи, Гидатль, Сутбук, Калакорейш, Ругуджа, Абдашка, Тураги, Тпиг, Хучни, Мулебки, Уллуая; ковроделия — Курах, Ахты, Микрах, Хив, Орта-Стал, Кабир, Икра, Рутул; производства широко известных дагестанских бурок — Анди. Производство гладких безворсовых ковров и узорчатых войлоков было налажено в Тлярате, Урме, в Карате — сукна.

Как об этом свидетельствует опыт изучения дагестанской истории, независимые мелкие этнические группы оказывались и наиболее упорными очагами сопротивления во время борьбы за неза-

¹ См. Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959; П. М. Дебиров. Резьба по камню в Дагестане, М., 1961; Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949; Э. В. Кильчевская. Декоративное искусство аула Кубачи. М., 1962; И. А. Орбели. Албанские рельефы и бронзовые котлы XII—XIII вв. Сб. «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938.

висимость. Так, например, известно, что ожесточенное сопротивление арабы встречали в горах, а не в огромной Хазарии (с первой четверти VIII в. хазары прекратили борьбу с арабами); татаро-монголы также так и не смогли достичь полного и стабильного господства в горных частях Дагестана, состоявших из таких этнических единиц; эти последние также оказали успешное сопротивление Тамерлану.

В истории зафиксировано, что в центре горных обществ потерпел поражение Надир-шах. Известно также, что для Шамиля эти общества были главной опорой в его освободительной борьбе.

Роль мелких народов и этнических групп в истории Дагестана была бы обрисована неполно, если бы мы не указали на то место, какое они играли в культурной жизни Страны гор. Прежде всего укажем на чрезвычайно ценный вклад, который внесли кубачинцы в историю и культуру кавказских народов, сохранив для потомства многие подлинные творения культуры албанского периода и традиционно развивая их в своем художественном творчестве. Многие образцы этой художественной культуры ныне хранятся в Эрмитаже.

На территории мелких народностей (Цахур, Кубачи, Калакорейш, Гидатль, Уркарах) очень рано возникли очаги арабской образованности. О следах культурного наследия, оставленного этими очагами, можно судить по следующим фактам. Составитель «Сборника трактатов» по разным отраслям наук 1499 г. Магомед сын Абдурахмана был родом из Кубачи; автор исторического завещания аварских ханств XV в. Алимйрза был андеец; известный на арабском Востоке ученый XVII в. Магомед Мусалав был из аула Кудутль; ученый XVI в. в области астрономии и переводчик астрономии Улугбека, Дамадан Якубов был родом из этнически обособленного аула Мегеб, его ровесником был филолог Давуд из Усиша. Можно назвать и другие имена и их вклад в культуру Дагестана: Магомед-Тагир из аула Карах, Али-Гаджи из Инхо, Мирза-Али Эфенди Ахтынский, Айдемир из Чиркея.

Обстоятельное изучение научного и литературного наследия, оставленного выходцами из среды мелких народностей и этнических групп, прольет свет на историю культурного развития Дагестана.

История развития мелких народностей и этнических групп представляет интерес не только для определения места и роли их в общем историческом процессе Дагестана, но она имеет важное значение и для науки. Так, например, с полным основанием можно утверждать, что изучение исторического прошлого этнических групп дает богатый материал для характеристики родового строя и феодализма. С другой стороны, по этим же материалам устанавливается взаимосвязь и сосуществование различных хозяйственных и социальных структур в одно и то же время.

Материал по мелким народностям и этническим группам позволяет проследить эволюцию системы общественных и политических отношений в территориальной общине, которая в Дагестане выступала под названием джамаат, а союз сельских общин под именем вольного общества.

Любопытна и другая сторона в судьбе мелких этнических групп. Как известно, они занимали небольшие территории, но жили обособленно, со своим укладом жизни и своими языками. Процесс смещения их коснулся в очень незначительной степени. Они на протяжении тысячи лет, не растворившись в гуще дагестанских племен и народностей, сумели сохранить специфические особенности в своем развитии.

Процесс этногенеза мелких этнических групп — это поучительная страница в историческом развитии Дагестана.

По материалам археологических раскопок всем известно, что в III — начале II тысячелетия до н. э. на территории Дагестана жили племена с более или менее общими признаками культуры. Эти племена, очевидно, и были древнейшей основой, на базе которой сложилось позднейшее население Дагестана.

Между племенами с глубокой древности никогда не прекращалось общение. Происходили и пе-

ремещения племен и заселение новых территорий. Для нас до сих пор остается не раскрытой языковая загадка. Что стало с языками и диалектами племен? Почему в других районах происходило подчинение языков этнических групп языкам экономически и культурно более развитых племён, а в Дагестане языковые процессы ассимиляции оказались более сложными? Самостоятельность этнического существования небольших этнических групп со своими языками и диалектами, видимо, опять-таки следует объяснить той ролью, которую эти этнические единицы играли в общем историческом процессе Дагестана. И с другой стороны, неясно, какую роль общее историческое развитие Дагестана играло в формировании этнических массивов и их сохранности.

Эти и другие вопросы ждут своих исследователей.

4. К вопросу о письменности в Дагестане

В последнее время усилился интерес к истории письменности в дореволюционном Дагестане¹. Часть исследователей считает, что появление письменности на родном языке в Дагестане относится к средним векам, другая часть считает, что она появилась лишь в советское время.

Вопрос о письменности на родном языке в Дагестане — сложный вопрос. Строго говоря, первые попытки графической фиксации мысли в Дагестане, как и во многих других местах, восходят к концу каменного века, то есть к первобытно-общинному строю: это пиктограммы, петроглифы, символические элементы декоры на предметах материальной культуры. Разумеется, это лишь предыстория письма, но еще не письменность в точном смысле слова.

О письменности на одном из языков той же группы, что и дагестанские, можно говорить лишь

¹ М. С. Саидов. Возникновение письменности у аварцев. В кн. «Языки Дагестана», вып. I, Махачкала, 1948; Р. М. Магомедов. Памятник истории и письменности даргинцев XVII века. Махачкала, 1964.

с периода существования Албанского государства. Известно, что вместе с системами письменности для армянского и грузинского языков, Месропом Маштоцем была создана и албанская письменность, на которой существовали литературные памятники. Совсем недавно учащиеся школы сел. В. Лабку Левашинского района нашли среди развалин древнего поселения своеобразную учебную каменную табличку с албанским алфавитом. Основной литературного языка албанцев послужили языки племени гаргаров. В настоящее время считается бесспорным, что из ныне существующих живых кавказских языков ближе всего к языку этих памятников стоят дагестанские языки. Арабское нашествие положило конец существованию этой системы письменности.

После арабского завоевания в течение весьма длительного периода потребность дагестанского общества в письменности удовлетворялась в какой-то мере письменностью на арабском языке (освященном к тому же авторитетом религии).

Однако введение (в ряде случаев — насильственное) письменности на чужом языке не решало проблемы. Лучшим свидетельством этого могут быть попытки использовать арабский алфавит для письменного закрепления звуков речи и слов на родном языке. Такие попытки в Дагестане известны с XV века.

Другим примером попытки использовать систему письменности чужого языка для передачи речи на дагестанском (аварском) языке является известная грузинско-аварская билингва религиозного содержания, где аварские слова передаются грузинскими буквами¹.

В дальнейшем ввиду несоответствия иноязычных систем письменности фонетике дагестанских языков был сделан переход от использования этих систем в готовом виде к попыткам приспособления

¹ А. С. Чикобава. Грузинско-аварская надпись XIV в. из Дагестана. Сообщения АН Груз. ССР, т. I, № 4, 1940; Т. Е. Гудава. Две надписи (грузинская и грузинско-аварская) из Дагестана. Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 30, Тбилиси, 1954.

их к фонетическим особенностям дагестанских языков.

Эти попытки участились в связи с втягиванием Дагестана с начала XIX века в социально-экономическую, политическую и культурную жизнь Российской империи, что вело к росту как всех видов общения дагестанцев с другими народами, так и к росту культурных потребностей народов Дагестана.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции оформилась одна из таких систем — «аджам», на которой существовала даже периодическая печать и книги, не говоря уже об использовании ее в повседневной переписке.

Таким образом, до победы Советской власти народы Дагестана пользовались арабским алфавитом.

Результатом Октябрьской революции и перехода к социалистическому строительству в Дагестане был невиданный рост культуры дагестанских народов. В связи с этим перед дагестанской письменностью встали новые важные задачи — реформы алфавита с расчётом максимального соответствия фонетике родных языков, необходимого при массовой ликвидации неграмотности, а для удобства в полиграфическом отношении — близость к письменности других народов СССР и в первую очередь русского народа. С этими задачами «аджам» не мог справиться, хотя работа по его усовершенствованию не прекращалась и после Октябрьской революции. Поэтому от «аджама» пришлось отказаться, и в истории культуры Дагестана он остался лишь попыткой создания письменности на родном языке. Новые алфавиты, построенные на латинской основе не выдержали экзамена, так как они оказались беднее русского по звуковому составу и по многим другим причинам. И всё-таки новый латинизированный алфавит сыграл свою роль в деле всеобщего начального обучения и подрыва влияния мусульманской религии на население.

В тот же период на основе тщательного научного изучения языков Дагестана и с учетом всех

возникших культурных и социальных потребностей на русской основе были созданы ныне существующие системы письменности для языков народов Дагестана. Хотя они и не свободны от некоторых недостатков, но при сравнении их со всеми другими системами, применявшимися для письменной передачи речи на дагестанских языках, их следует признать наиболее удачными и отвечающими особенностям языков народов Дагестана и насущным потребностям нашего времени.

5. О некоторых вопросах истории культуры Дагестана

Взгляды исследователей на культуру дагестанских народов знали, пожалуй, больше перемен и разнообразных мнений, чем все другие аспекты истории Дагестана.

В XIX в. безраздельно господствовало увлечение поисками в дагестанской культуре следов влияния других развитых культур, изученных европейской наукой. При этом считалось аксиомой, что в этом отношении Дагестан — культурная провинция какой-либо восточной или античной цивилизации, а его культура — всего лишь её местный дериват. Мнения исследователей расходились лишь по вопросу, где именно искать «культурную метрополию» Дагестана: в греко-римском мире, в Иране, в Арабском халифате или в Хазарии. Даже такие крупные ученые, как П. Услар¹ и М. Ковалевский², отдали дань этому течению, а влияние его держалось даже в работах 20-х годов (Н. Бакланов, А. Башкиров), посвященных дагестанской

¹ П. К. Услар. Древнейшее сказание о Кавказе. ССКГ, вып. X. Тифлис, 1881, стр. 243—245.

² М. М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе, т. II, М., 1890.

народной культуре¹. Этот взгляд распространялся на музыку, хореографию, архитектуру, прикладное и декоративное искусство.

Однако современная наука непреложно установила, что история культурных контактов разных народов не знает случаев, когда бы одна сторона только давала, а другая бы только заимствовала. Культурные контакты — это всегда в той или иной мере взаимообогащение культур. При этом наличие в культуре какого-либо народа элементов зарубежных культур свидетельствует лишь о том, что народ этот не стоял в стороне от мирового исторического процесса, а отнюдь не о его духовной несамостоятельности. Так, греко-римский мир органически усвоил многие культурные достижения древнего Востока. Язык и литература Англии дают очень много фактов романского влияния. Примерно то же можно сказать об арабском влиянии на культуру Ирана. Много деятелей французской культуры и прежнего, и нынешнего времени вовсе не были французами по национальности. История России знает целые периоды интенсивного культурного влияния и Запада, и Востока. Никакому серьезному исследователю, однако, не приходит в голову приписывать национальным культурам этих народов духовную несамостоятельность или иноземное происхождение.

Напротив, в способности какой-либо национальной культуры органически усваивать элементы иноземных культур и при этом не утрачивать своего национального характера принято видеть свидетельство её жизнеспособности и духовного здоровья данной нации.

Следует отметить, что в истории любого народа бывали более или менее длительные периоды, когда он заимствовал в области культуры больше,

чем давал. Однако это всегда было связано с неравномерностью исторического развития разных этносов и областей мира, а вовсе не с «большей» или «меньшей» духовной ценностью данной культуры.

В эпоху, когда развитие Дагестана шло вровень с развитием других областей Кавказа и Передней Азии, Дагестан дал другим странам этого ареала некоторые сорта культурных злаков, некоторые приёмы строительной техники и металлургии (последнее отмечал ещё в начале XX в. акад. Н. Я. Марр). В дальнейшем в силу особых социально-исторических условий темп исторического развития на Северо-Восточном Кавказе замедлился, и дагестанские культуры, стремясь идти вровень с культурными достижениями сопредельных стран, впитали многое из культур тех народов Кавказа, Востока и Юго-Восточной Европы, с которыми она находилась в контакте. С одной стороны, это совершенно естественно для страны, находящейся на перекрестке мировых исторических путей; с другой же стороны, это свидетельствует о социально-экономической подготовленности народов Дагестана и их достаточной культурной зрелости для восприятия извне этих культурных элементов, ибо бесспорно, что меньше всего культурных ценностей при контакте усваивает та сторона, которая не испытывает в этом насущной потребности.

Те явные признаки социально-экономического и культурного отставания Дагестана от соседних областей Кавказа, которые наметились в IV—V вв., были связаны с началом крайне неблагоприятного для Дагестана изменения политической обстановки на Кавказе. В это время начинается длительная экспансия Сасанидов на Кавказе, причем, оккупировав южную часть Кавказской Албании, Сасаниды сделали Южный Дагестан зоной непосредственных военных действий, а Чор (Дербент), бывший ранее одним из центров этого государства, сразу же превратился в пограничный пункт — место затяжных персидско-хазарских стычек. Такая обстановка, весьма неблагоприятная для нормаль-

¹ См. Н. К. Бакланов. Художественная культура Дагестана. Ж. «Новый Восток», 1924, № 5; *его же*. Архитектурные памятники Дагестана. Вып. I, Л., 1935; А. С. Башкиров. Скульптурные памятники дагестанского аула Кубачи. М., 1926; *его же*. Средневековые памятники дагестанского аула Калакорейш. М., 1926.

ного развития народов, сменяется поистине катастрофическим периодом арабской экспансии VII—VIII вв.

Арабы стремились овладеть важной в стратегическом отношении территорией Дагестана, связывавшей Закавказье и Ближний Восток с Юго-Восточной Европой, а также одним из мировых торговых путей того времени, шедшим меридионально двумя маршрутами — через Дербентское дефиле и внутренний Дагестан. Этим объясняется их особая военная активность в Дагестане и, как следствие её, особая разрушительность здесь военных действий. Неблагоприятность таких условий для культурного развития очевидна.

Относительное затишье после полосы почти непрерывных войн IV—VIII вв., постоянно прерываемое, впрочем, то феодальными междоусобицами, то нашествием сельджуков (XI в.) было нарушено очередной исторической катастрофой — нашествием монголов в XIII в.

С этого времени и вплоть до конца XV в. Дагестан находился в полосе разъединения между государством Хулагидов и Золотой Ордой, которые постоянно враждовали между собой, превращая Дагестан в арену своих междоусобиц (кстати, военные действия Тимура в Дагестане в конце XIV в. — одна из кульминационных точек разрушительных войн этого периода).

Следующий XVI в. также прошел в непрерывных военных столкновениях Ирана и Турции то между собой на территории Приморского и Южного Дагестана, то с народами Дагестана.

Эти длительные периоды военной разрухи, особенно сказавшейся в Северо-Восточной части Кавказа ввиду важности её стратегического положения, привели к социально-экономическому и культурному отставанию Дагестана от сопредельных стран.

Может быть, поэтому в период относительного затишья с конца XVI по XVIII вв. Дагестан переживает настоящий взлёт культурных усилий и, естественно, интенсивного усвоения культурных достижений Ближнего Востока как наиболее близ-

кого очага развитой культуры.¹ Акад. И. Ю. Крачковский совершенно справедливо назвал это время периодом «ренессанса арабской культуры» в Дагестане и отметил при этом парадоксальное, на первый взгляд, явление: дальнейшее развитие классического арабского языка и классических форм арабской литературы на Северном Кавказе (в основном в Дагестане) при одновременном упадке их в арабских странах.

При этом следует отметить, что вряд ли здесь можно говорить об «иностранным влиянии» в Дагестане, ведь в этот период Арабский халифат был уже далёким историческим прошлым, а арабские страны находились в состоянии кризиса под игом Османской империи. Отмеченное явление аналогично скорее появлению в Западной Европе в средние века и особенно в период Возрождения оригинальной и богатой литературы на латинском языке, которая справедливо рассматривается как духовное достояние западноевропейских народов, и никому не приходит в голову рассматривать её как признак «культурного провинциализма» Западной Европы по отношению к древнему Риму (здесь уместно напомнить, что Маркс назвал арабский язык «латынью Востока»).

Академик И. Ю. Крачковский в 1945 г. писал: «История нашей арабистики до сих пор не осветила полностью те картины, фоном которой является арабский язык на Северном Кавказе — в Дагестане, Чечне, Ингушетии. Здесь в течение нескольких веков он был единственным литературным языком не только науки, но и деловых сношений. На нем развилась здесь своеобразная традиция, выдвинувшая местных канонистов, историков и поэтов; возникла целая живая литература на мертвом языке, который, однако, звучал как средство межплеменного общения. Об этой оригинальной и по-своему величественной картине арабисты XIX века нигде серьезно не говорили; вероятно и для меня она

¹ А. Н. Генко. Арабский язык и кавказоведение. Труды второй сессии арабистов, АН СССР, М.—Л., 1941; М. С. Саидов. Дагестанская литература XVIII—XIX вв. М., 1960.

оставалась бы скрытой, если бы рукописи не заставили задуматься над нею»¹.

Что касается «культурной отдачи» Дагестана, то и по этому вопросу история располагает некоторыми данными, уцелевшими от исторических бурь IV—VIII и XIII—XIV вв. Так, можно считать совершенно бесспорным, что в оригинальную культуру Кавказской Албании наряду с населением её южной части (земли нынешнего Азербайджана к северу от Куры) внесли свой вклад и народы северных областей Албании — предки нынешних дагестанских народов. Об этом говорят многочисленные археологические и этнографические параллели, доказывающие близость и общность самых древних пластов материальной и духовной культуры у населения этих территорий.

Еще более определенные факты даёт нам следующий период оживления культурной жизни Кавказа и Передней Азии — IX—XIII вв. В частности, говоря о богатом архитектурно-художественном наследии этого периода, следует наряду с памятниками архитектуры и камнерезного искусства Закавказья и Передней Азии называть и Дербент, Кубачи, и Гидатль. Каменные скульптуры Дербента, описанные Ибн ал-Факихом и в остатках сохранившиеся доныне (мы имеем в виду каменные скульптуры львов и наиболее древние погребения, а также каменные рельефы Кубачей), красноречиво подтверждают это. Кроме того, является общепризнанным, что в Кубачах, которые были укрыты горами от завоевателей, беспрепятственно опустошавших плоскость и долины, в наиболее первоизданном виде сохранились многие элементы материальной и художественной культуры Кавказской Албании. Мы разделяем принятое советскими исследователями (академик И. А. Орбели) мнение о том, что художественная культура периода IX—XIII вв. на территории от Кавказа до Курдистана создана усилиями её народов — армян, грузин, курдов, азербайджанцев, и с полным правом

¹ И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями. М.—Л., 1946, стр. 134.

называем среди её создателей и дагестанцев, опираясь на вышеприведенные аргументы.

Другим примечательным свидетельством культурного взаимодействия дагестанцев с культурами Кавказа являются целые главы поэмы «Искендер-намэ»¹ гениального азербайджанца Низами, посвященные «завоеванию дербентского замка» и походу Искендера на «Замок Сарир».

Есть строки, относящиеся к Дербенту, и в творении Фирдоуси:

Ты стену воздвигни из глуби морской,
Чтоб арканов была высотой,
Из камня и известью вся скреплена
До солнца пуская достигает она.
И, если такой сотворим мы оплот,
То враг до Ирана вовек не дойдёт.

Вряд ли все эти факты были бы возможны, если бы Дагестан был в те времена каким-то «культурным вакуумом», неизвестным читателям Низами и Фирдоуси.

Достойна внимания и та роль, которую играли выходцы из Дагестана в культурной жизни других стран. Так, сохранились сведения о правоведе Садредин Сулеймане ал-Лекзи, игравшем большую роль в Сарае Берке — в столице Золотой Орды — в XIV в. «Нисба» этого ученого — ал-Лекзи — указывает на его дагестанское происхождение. Возможно выходцы из Дагестана участвовали и в духовной жизни Запада, во всяком случае источники сохранили нам имя Солпана Антуана, одного из должностных лиц католического ордена францисканцев, кайтагца по происхождению, пытавшегося организовать крестовый поход европейского рыцарства с целью оказания дагестанцам военной помощи в борьбе против Тимура².

Источники сохранили сведения о поэте Юсуфе Дербенди³ при дворе Газневида Бахрам-шаха

¹ Низами Гянджеви. Искендер-намэ. Баку, 1940, стр. 237—245.

² Жан Ришар. Латинские миссионеры у кайтаков Дагестана в XIV—XV вв. Материалы XXV Международного конгресса востоковедов, т. III, стр. 606—612.

³ Г. Ю. Алиев. Персоязычная литература Индии. Краткий очерк. М., 1968, стр. 35.

в Северной Индии и о знатоке литературы на языке фарси Валихе Дагестани¹.

Число таких примеров увеличивается для последующих веков. По словам академика И. Ю. Крачковского: «С определенностью вырисовывается, что в конце XVI — начале XVII вв. в Северном Дагестане замечается своеобразный «ренессанс» средневековой арабской культуры... Из древнейших деятелей этого возрождения известны три аварца и три даргинца, причем, все они действовали на протяжении XVII—XVIII вв.² и владели всей полнотой общеарабского наследия своих веков»³.

Широко известно имя Магомеда Мусы Кудутлинского⁴, долго работавшего в учебных заведениях г. Алеппо в Сирии и заслужившего там большую известность. Примечательно, что он, дагестанец, выходец из с. Кудутль, был признан арабами-сирийцами авторитетом в области арабской филологии.

В «Биографическом словаре», составленном в конце XVIII в. в Алеппо, названы пять дагестанцев, живших в Дамаске или Алеппо в качестве преподавателей арабского языка и канонических наук⁵.

Источники сохранили нам свидетельство арабского ученого о неизвестном дагестанце, работавшем в Иемене и владевшем арабским литературным языком с таким совершенством, что автор свидетельствует, что «при слушании его слов мной овладел такой восторг и радость, что даже дрожь прошла по мне»⁶.

Снук Хюргронье, знаменитый голландский исламовед, тайно пробравшийся в 70-х годах прошлого века в Мекку и живший там около года под видом араба-паломника, в своем капитальном

труде «Мекке» сообщает, между прочим, о роде Дагестани, живших в Мекке 3—4 поколения, пользовавшихся большим авторитетом в области шариата и фикха и имевших свой участок на меккинском кладбище — вероятно, основатель этого рода юристов прибыл из Дагестана в Мекку в XVIII веке. Далее Снук Хюргронье продолжает свидетельствовать: «Незадолго до моего приезда в Мекку умер знаменитый Абд ал-Хамид ад-Дагустани, ученость которого многими коллегами ставилась выше знаний»¹ крупного ученого в центральной Аравии — Дахлана.

Эти и другие вопросы, затронутые выше, высказаны лишь в порядке постановки и требуют более тщательного исследования. Мы не сомневаемся, что такие исследования выявят все богатство взаимопроникновения и взаимовлияния дагестанской и других культур.

6. Происхождение названия Лезгинистан

В произведениях средневековых авторов, писавших о Кавказе, встречается в качестве названия страны слово Лезгинистан. Название это употреблялось ими главным образом применительно к дагестанским землям. О том, кем и когда было дано это наименование Дагестану, в исторической литературе сведений не сохранилось. Усилия современных исследователей также не внесли ясности в этот вопрос.

В наше время, когда изучению исторического прошлого дагестанских народов уделяется большое внимание, нельзя мириться с тем, что этот вопрос остается все еще нерешенным, тем более, что вопрос о происхождении названия Лезгинистан, в первых, в той или иной мере затрагивает историю всех дагестанских народов, во-вторых, установление истоков этого названия во многом облегчит решение проблемы этногенеза ряда дагестанских народов и, в частности, лезгин. Наконец, правиль-

¹ Там же, стр. 128.

² И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения, т. VI, М.—Л., 1960, стр. 612.

³ Там же, стр. 615.

⁴ Там же, стр. 575.

⁵ И. Ю. Крачковский. Избранные произведения, т. VI, стр. 601.

⁶ Там же, стр. 581.

¹ Там же, стр. 610.

ное определение научной значимости термина Лезгинистан может уточнить наши представления о средневековой истории Дагестана.

При уточнении этимологии этнических и географических названий Дагестана встречается ряд трудностей. Мы, например, еще не располагаем достаточными данными для определения времени появления названия Лезгинистан, в частности потому, что отсутствуют местные письменные источники по раннему периоду истории Дагестана. И все же материал, позволяющий не только подойти к рассмотрению затронутого нами вопроса в целом, но и определить основные направления его изучения, уже имеется.

Прежде всего это древние географические названия Дагестана, сохранившиеся в литературе. Историческое изучение изменений, происшедших в названиях Дагестана, должно подвести нас к пониманию слов Дагестан, Лезгинистан, их этимологического значения и языковой принадлежности.

Наиболее древним наименованием Дагестана, которое донесли до нас античные авторы (Страбон, Плиний, Птоломей), является Албания¹. Албанией (по армянским источникам, Агванией²) Дагестан³ наряду с Северным Азербайджаном назывался вплоть до гуннского нашествия на Северный Кавказ. Следы этого наименования встречаются до настоящего времени. В Дагестане именем «ахвалал» (глахъвалал) называют ахвахцев. Лезгинское селение, расположенное в горной части Кусарского района Азербайджана, поныне продолжает носить название Алпанар, Алпаны. В Агульском районе Дагестана, близ сел. Буркихан сохранились развалины населенного пункта, носившего некогда название Алпан (Алпанах). Вообще

¹ В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, СПб, 1893, стр. 147, 492; т. II, СПб, 1906, стр. 242—243.

² История Армении Моисея Хоренского. М., 1858, стр. 21; Моисей Каганкватаци. История Агван. СПб, 1861, стр. 190—192.

³ К. В. Тревер в состав Албании включает не весь Дагестан, а только южную его часть. См. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959.

надо отметить, что в топонимике Южного Дагестана распространен термин Алпан.

Со времени гуннского нашествия (с IV в.) за Дагестаном, по сведениям армянских историков (Лазар Парбский, Егише), закрепляется название Гунния. Слово гунн употреблялось армянскими писателями в том же смысле, в каком армянами, грузинами, азербайджанцами употреблялось более позднее слово леки (лекзи), то есть как общее название всех дагестанских горцев¹.

Начиная с V—VI вв., Дагестан в источниках иногда выступает под именем Массагетии² и Алании. Когда хазары закрепились на Северо-Восточном Кавказе, Дагестан становится частью Хазарии³.

Таковы основные названия, которые разновременно носил Дагестан с древнейших времен до VIII века.

Установить прямую этимологическую связь слова Лезгинистан со словами Албания, Агвания, Гунния, Массагетия, Алания, Хазария нельзя. Между приведенными словами, служившими для наименования Дагестана, и словом Лезгинистан нет никакого фонетического сходства. Этнического сходства между ними также не было. Несмотря на то, что Албания, Агвания, Гунния, Алания, Массагетия, Хазария являлись в территориальном отношении названиями одной и той же страны, в этническом отношении их нельзя отождествить со средневековым понятием Лезгинистан.

После падения власти хазар в Дагестане установили свое владычество арабы. С этого времени в исторической литературе, за редким исключением, исчезли древние наименования Дагестана, о которых мы говорили выше. Арабские писатели IX—XI вв. наряду с Табасараном, Зирихгераном,

¹ История Егише Вардапета. Тифлис, 1853; Ягуб-бек Лазарев. О гуннах Дагестана. Тифлис, 1859, стр. 9.

² Евсевий Иероним. ВДИ, IV, 4, 1949, стр. 228.

³ См. М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. М., 1936.

Хайдаком, Сериром, Джиданом, Гуммиком¹ много говорят о царстве Лакзов (иногда о царстве Лан), имеющем общую границу с Ширваном, но нигде не употребляют названия Лакз для обозначения территории всего Дагестана. Дагестанская земля тогда была расчленена на десятки политических образований.

Побывавший в начале XII века в Дербенте Абу-Хамид Андалуси свидетельствует о том, что в походе дербентского правителя из Кубачи в 1128 году участвовали люди из Лакзана². Страну Лакзов, расположенную по соседству с Ширваном, знает и современник монголов Ибн-ал-Асир³. Можно предположить, что название Лезгинистан закрепляется за Дагестаном не ранее XI—XII вв. В 1253 году посланник Людовика XI к монгольскому хану Вильгельм де Рубрук совершил свое путешествие через Дагестан. Жителей его он называет лесками⁴. Он знает также кумыков.

Впервые страна, расположенная на северо-востоке Кавказа, именуется в источниках Лезгинистаном только в первой половине XIII в. Персидский историк Рашид ад-Дин⁵ уже именует Дагестан Лезгинистаном, а правителей гор — эмирами Лезгинистана. С этого времени за Дагестаном закрепляется название Лезгинистан. Одновременно для обозначения дагестанских земель в литературном обиходе уже существовало и другое слово — Дагестан.

Происхождение названия Дагестан нетрудно объяснить. Дагестан в переводе означает «страна гор». Кстати сказать, по смыслу своему слово Ал-

¹ Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Далее цит. СМОМПК, вып. 29, 31, 32, 38.

² Ал-Мукаддасий, писатель X в., перечисляя в своем труде политические объединения Северо-Восточного Кавказа, употребляет выражение «близ горы Лакзан». См. СМОМПК, вып. 37, стр. 8.

³ Тарихи-ал-Камиль ибн-ал-Асира. Баку, 1940, стр. 145.

⁴ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, стр. 121.

⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. III, М.—Л., 1946, стр. 60, 189.

бания (от алб, альпы) тоже означает «горная страна». На это указывал в свое время акад. Н. Я. Марр¹. Надо отметить, что у средневековых авторов часто употребляется древнекельтское слово алп, алб для обозначения горных стран. Что же касается самого названия Дагестан, то оно происходит от тюркского слова даг — гора и иранского стан — страна. Можно сказать, что дагестанцы наименованием народа и страны обязаны ее ландшафту².

Хотя термины Лезгинистан, Дагестан употреблялись как тождественные, название Лезгинистан (у некоторых писателей — Лажистан, Лан³) в восточных странах было более распространенным, чем название Дагестан. Даже в XVII веке в Иране ходила поговорка: «Если шах глуп, пусть войною идет на Лезгинистан», то есть на Дагестан.

С XIV—XV вв. название Дагестан употребляют и местные источники. К этим источникам относятся в первую очередь исторические хроники «Тарихи Дагестан»⁴ и «Дербенд-наме»⁵. Любопытно, однако, что авторы указанных хроник совершенно не применяют к Дагестану наименование Лезгинистан. Еще более удивительным является тот факт, что известные историки Восточного Кавказа А. Бакиханов⁶ и Г. Алкадари в своих трудах о Дагестане тоже ничего не говорят о Лезгинистане.

¹ См. К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, стр. 5.

² Существует следующее предание, иначе объясняющее происхождение названия Дагестан. У аула Харакани находились безлесные, безводные скалы с пещерами. Там жили когда-то великаны, которые назывались деулетами. Отсюда страна между Дербентом и аулом Гимры получила название Деулетстан, а от этого слова произошло название Дагестан. См. А. Барсова. Предание о некоторых местах Дагестана. СМОМПК, вып. 11, стр. 140.

³ Гасан Алкадари. Асари Дагестан. СМОМПК, т. 46. Махачкала, 1929. См. примечание к «Асари Дагестан» А. Гасанова, стр. 179—180.

⁴ Извлечение из истории Дагестана, составленной Мухаммедом Рафи. Сборник сведений о кавказских горцах. Далее цит. ССКГ, вып. V, Тифлис, 1871.

⁵ Дербенд-наме. Под редакцией М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898.

⁶ А. К. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.

Гасан Алкадари употребляет выражение «дагестанские лезгины»¹. Ему хорошо известно, что, кроме кумыков и азербайджанцев, живущих в Дагестане, восточные писатели всех жителей его называли лезгинами и все их языки — лезгинскими языками. Но сам он ни разу не употребляет термин Лезгинистан для обозначения им территории всего Дагестана.

Между тем русские путешественники, этнографы и историки времен Бакиханова и Алкадари знали названия и Дагестан и Лезгинистан. Густав Гербер², один из участников похода Петра I на Кавказ, в своем труде пишет, что Дагестан делился на несколько частей и земель. К Лезгинистану он относил владения: Акуша, Кюра, Табасаран и Казикумух. А ведь Гербер почти семь лет прожил в Дагестане и лучше других современников должен был знать наименования частей страны. Но и он, как было принято в то время, называет Дагестан Лезгинистаном. Это наименование среди современников настолько укоренилось, что Гербер даже при непосредственном знакомстве с Дагестаном не смог отказаться от него.

Для выяснения истоков слова Лезгинистан важно знать и то, что сохранилось о нем в народных преданиях. Насколько нам известно, ни у даргинцев, ни у аварцев в материалах устного народного творчества не сохранилось никаких упоминаний о Лезгинистане. Слово Лезгинистан не встречается ни в лакском, ни в кумыкском фольклоре. Да и у лезгин в исторических легендах, преданиях и песнях слово Лезгинистан встречается не так уж часто. Мы знаем один лишь случай упоминания этого слова в лезгинской легенде «Шарвели». В ней рассказывается о том, что на Лезги-

нистан напали враждебные силы, против которых выступил Шарвели¹.

Известный исследователь дагестанских языков П. К. Услар указывает, что самих себя кюринцы называли общим именем лезги (ед. число), лезгияр (мн. число), а лезгинский язык — лезги чIал². Лезги — это то же, что и лезгин.

Следует отметить, что такие северокавказские народы, как чеченцы, кабардинцы, адыгейцы, осетины³, называют своих соседей не жителями Лезгинистана, а дагестанцами и их страну — Дагестаном.

Возникает вопрос, почему в исторических трудах восточных, русских, кавказских авторов говорится о Лезгинистане, а в трудах местных авторов и в дагестанском фольклоре о нем мало или вовсе ничего не говорится? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны в первую очередь выяснить, что означало название Лезгинистан у средневековых авторов. Этим названием они обозначали территорию, населенную почти всеми дагестанскими народностями и этническими группами. Такое понимание Лезгинистана сохранилось и в XVIII—XIX веках в официальной переписке и в трудах многих историков, географов и этнографов, писавших о Кавказе⁴. В их трудах даргинцы, аварцы, лакцы, агульцы, рутульцы, джарцы тоже назывались лезгинами. В качестве примера можно сослаться на «Манифест к жителям прикаспийских областей»

¹ Лезгинский фольклор. Сост. Агалар Гаджиев. Приложение на русском языке: Описание материалов и фольклорные параллели. Сост. А. Назаревич. Махачкала, 1941, стр. 17.

² П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. VI. Кюринский язык. Тифлис, 1896, стр. 7.

³ См. Ш. Б. Ногмов. История адыгейского народа. Нальчик, 1947; История Кабарды. М., 1957; История Осетии. На правах рукописи. Орджоникидзе, 1954.

⁴ См. Д. Зубков. О народонаселении за Кавказом. Русский Вестник. Май — июнь, 5—6, 1842; О. Евецкий. Статистическое описание Закавказского края. СПб, 1835; Н. Данилевский. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846; П. Зубов. Картина Кавказского края, ч. II. СПб, 1835; Глиноецкий. Поездка в Дагестан. (Из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860). Военный сборник, т. XXIII, СПб, 1862.

¹ Гасан Алкадари. Указ. соч., стр. 22—29.

² Г. Гербер. Известия о находящихся на западной стороне Каспийского моря, между Астраханью и рекою Курюю, народах и землях и о их состоянии в 1728 г. «Сочинения к пользе и увеселению служащие». 1760, стр. 110—111. См. также: И.-Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль Западного берега Каспийского моря. 1728 г. Сб. История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958 г., стр. 101—110.

Петра I, который называет Хаджи Дауда «владельцем лезгинской страны»¹. Правитель соседней с Дагестаном страны, грузинский царь Вахтанг VI, обращаясь к Петру I, в 1724 году писал: «Лезгины завоевали»² всю Кахетию. Речь идет не о южно-дагестанцах, а о джаробелоканцах. Несмотря на то, что они аварцы, Вахтанг именует их лезгинами. Императрица Екатерина I в своем послании правителю Грузии Гусейн-Кули-хану называет всех дагестанцев «лезгинским народом»³. Русский консул при персидском дворе Калушкин в 1741 году доносил в Коллегию иностранных дел о неудаче в войне персидского шаха «против лезгинцев»⁴. Калушкин хорошо знал, что в Дагестане живет много народностей, но когда дело касалось официального донесения, он всех их объединял под общим именем лезгинцев. Так тогда было принято. Другой автор того же времени, описывая борьбу дагестанцев против Надир-шаха, вместо Лезгинистана употребляет название Дагестан⁵. В книге русского офицера П. Зубова, написанной в 30-х годах XIX века по заданию графа Паскевича, к Лезгинистану причисляются ханства Аварское и Казикумухское⁶.

Из сказанного следует вывод, что значение названия Лезгинистан выходило далеко за рамки собственно лезгинской истории. Лезгинистан и лезгинская земля — это не одно и то же. Термину Лезгинистан восточными авторами придавалось примерно такое же значение, как названиям Гурджистан (Грузия), Армянистан (Армения). Конечно, при этом не имелось в виду, что название Лезгинистан одновременно воплощает в себе

и государственное единство на всей территории Дагестана. Лезгинистан тогда состоял из множества частей, каждая из которых имела свою обособленную, исторически сложившуюся территорию. Из этнографических материалов известно, что отдельные части Дагестана назывались Аваристаном¹ и Тавлистаном. Иногда эти названия употреблялись применительно к отдельным этническим частям страны, а иногда и обезличенно. Можно допустить, что названия Аваристан и Тавлистан восходят к более древнему периоду, чем Лезгинистан. Но никто никогда под этими именами не подразумевал весь Дагестан.

Крайне важно выяснить, почему название Лезгинистан не получило широкого распространения в самом Дагестане. Может быть, это происходило от того, что слово лезгин было заимствовано из другого, не дагестанского языка?² Но для такого утверждения нет никаких оснований. Этимологию слов лезгин и Лезгинистан надо искать не где-то на чужбине, а в самом Дагестане. Это легко проверить не только на материалах дагестанского языковедения, но и на данных произведений античных и средневековых писателей. Так, например, Страбон знает дагестанское племя легов³, а Плиний Секунд племя лупиниев⁴. Армянские источники зафиксировали название одного дагестанского племени в разных вариациях: лубны, лбины, липнийцы⁵. В древнегрузинских исторических сочинениях часто упоминаются такие выражения, как «удел Лекоса», «Лекетия», «леки»⁶. В грузинской

¹ См. об Аваристане в «Дербенд-наме», под редакцией М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, стр. 32.

² П. К. Услар считал, что в языке лезгин нет корней, связанных с происхождениями названия Лезгинистан, а прозвище свое лезгины получили от соседних народов. См. П. К. Услар. Кюринский язык, стр. 7; А. Бакиханов считал возможным, что название Лазги произошло от смешения их с лазами Закавказья. См. Гюлистан-Ирам, стр. 8.

³ Страбон. Указ. соч., т. I, стр. 147.

⁴ Плиний Секунд. Естественная история. ВДИ, № 2, 1949, стр. 298. У Птолемея вместо лупени — лубни.

⁵ Моисей Каганкатваци. История агван. СПб, 1861, стр. 70.

⁶ Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, вып. 22, стр. 63, 81—83.

¹ Военная история походов россиян в XVIII столетии, часть вторая, заключающая в себе описание персидской войны с 1722 по 1734 гг., т. IV, СПб, 1823, стр. 212.

² Переписка на иностранных языках грузинских царей с Российскими государями, от 1639 по 1770 г. СПб, 1861, стр. 162.

³ Там же, стр. 184.

⁴ Архив князя Воронцова. М., 1870, стр. 98.

⁵ П. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа, ч. I, 1869, стр. 383.

⁶ П. Зубов. Указ. соч., стр. 206—209.

летописи происхождение дагестанских народов связывается с грузинами. В летописи говорится, что Картлоси (отсюда название Картли) и Лекоси были родные братья¹.

Нам кажется, что имеются все основания взять за основу названия Лезгинистан наименование леггов, а затем и армянских липнийцев и грузинского лекоса. Правда, источники прямо не говорят, что слова леги, липнийцы, леки являются именами местного происхождения. Но надо полагать, что они были в действительности местными. В этом нетрудно убедиться, если обратиться к фактам. Факты свидетельствуют, что в Южном Дагестане в древности жило много племен. Некоторые из них даже переросли в крупные политические объединения на территории Северо-Восточного Кавказа. Племена, выделившиеся в результате этого из остальной массы племен, поглощали своими племенными названиями названия остальных. Вполне вероятно, что античные лезги или лупени могли на определенном этапе выступить в Восточном Дагестане в качестве господствующей силы. Немалую роль они играли, по-видимому, и в истории Албании. Кроме того, южнодагестанские племена в силу своего географического положения очень рано соприкоснулись с окружающим их внешним миром. Ни одно нашествие кочевников с севера в Закавказье не миновало Южный Дагестан. Через территорию Северного, Приморского, Южного Дагестана прошли скифы, сарматы, гунны, болгары, хазары, арабы, сельджуки, татаро-монголы. Названия племен восточного Дагестана, расположенных близко от торговых путей и путей передвижений кочевников, становились известны в других странах. После вторжения легионов Помпея на Кавказ в произведениях античных писателей появились названия дагестанских племен: леги, гели, ути (удины), дидуры, лупени, гаргары и другие. Вторжение арабов, а затем монголов за-

крепило в сочинениях восточных авторов имя лезги¹.

Вначале у соседних народов Закавказья название дагестанского племени леги (по-грузински «леки») прочно и надолго закрепляется только за группой родственных племен Южного Дагестана, а затем оно распространяется почти на всю его территорию. Таким путем и закрепляется за Дагестаном название Лезгинистан. Это название распространилось не только у соседних народов, но и у разноязычных, удаленных друг от друга народов (турок, персов и арабов). С лингвистической точки зрения перенос названия одного племени на группу родственных племен также вполне возможен.

Традиционные восточные термины лезгин, Лезгинистан с середины XVIII века получают известность и в странах Западной Европы. Востоковеды И. А. Гильденштедт², Эйхвальд³ в своих трудах широко пользуются терминами Лезгинистан и лезгин для наименования Дагестана и его населения.

Как случилось, что столь распространенное за пределами Дагестана название Лезгинистан оказалось неприемлемым для дагестанских историков? Для дореволюционных местных авторов, как мы уже указывали, название Лезгинистан как бы не существовало. Объясняется это тем, что дагестанские историки и филологи, хотя и знали по восточным источникам о распространении названия Лезгинистан, но не придавали этому названию того значения, какое придавали ему недагестанские историки. В этом нет ничего удивительного. Люди, знающие историю народов Северо-Восточного Кавказа, не решались назвать Дагестан Лезгинистаном

¹ Слово лезги, по словам Г. Алкадари, употреблялось арабами и с перестановкой букв «г» и «з» — в форме легзи. См. «Асари Дагестан», стр. 22.

² Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия академика И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам в 1770—1773 гг., СПб, 1819.

³ Путешествие Эйхвальда к Каспийскому морю и по Кавказскому краю. Библиотека для чтения, 1838, т. 26.

¹ Там же, стр. 7.

потому, что имя это не отражало действительного положения вещей.

Название Лезгинистан не получило гражданского признания и у рядовых горцев. Горец не привык называть себя дагестанцем¹ и тем более лезгином. Эти понятия для массы горцев долгое время были чужды. Даже накануне революции лезгин не всегда называл себя лезгином, а говорил, что он курушец; другие называли себя кюринцами. Ахтынцы называли себя «ахцахарами»². Жители Аварии называли себя по имени той этнической группы, откуда они происходили, то есть андийцами, ботлихцами, тиндинцами или чамалинцами и т. д. Когда спрашивали даргинцев, откуда они родом и кто они по национальности, они называли себя акушинцами, кубачинцами, урахинцами, сюргинцами, цудахарцами, мекегинцами. Эти названия в народе оказались более распространенными, чем название даргинец.

Итак, сами дагестанцы свою страну не называли Лезгинистаном.

Каким же образом общедагестанское название Лезгинистан стало узко южнодагестанским термином, включившим в себя уже конкретное этническое понятие? Это произошло гораздо позже, при известных исторических условиях. Определенную роль в этом сыграли русские путешественники и послы, бывавшие в разное время на Кавказе. Поскольку русские познакомились с южнодагестанцами раньше, чем с другими дагестанскими народами (после кумыков), то они и закрепили за южнодагестанцами название лезгин. Вначале слова Лезгинистан, лезгин в русских источниках употреблялись довольно неопределенно. Например, русский купец Федот Котов, побывавший в Дагестане в 1623 году, пишет, что между Тарками

и Дербентом «живут лезгины»¹, у которых князем был уцмий кайтагский. Чаще всего под Лезгинистаном подразумевалась вся территория Дагестана. Но в русских источниках название Лезгинистан употреблялось также и для обозначения восточного Дагестана. В таких случаях в употреблении были оба названия страны — Лезгинистан и Дагестан.

По мере того, как русские люди ближе знакомились с другими дагестанскими народами, двойное значение названия Лезгинистан начало исчезать. На географических картах и в топографических описаниях XVIII—XIX вв. южнодагестанское население стали называть более определенно — лезгинами, а их страну — Лезгинистаном. В период Кавказской войны это имя уже прочно закрепилось за Южным Дагестаном. Учреждение во время войны Лезгинской кордонной линии вдоль дагестанской границы с Азербайджаном и Грузией способствовало распространению имени лезгин не только среди южнодагестанских, но и среди других народностей и этнических групп Дагестана. В литературе это также находит свое отражение. А. В. Комаров, автор специального исследования о Дагестане, свидетельствует, что аварские племена в числе прочих горцев Дагестана называются также «лезгинами»². Даже для А. Берже, этого основного издателя кавказской литературы, жители внутреннего Дагестана являлись лезгинами³.

Подводя итоги сказанному, мы можем отметить, во-первых, что Лезгинистан — это одно из средневековых названий Дагестана. В основе его образования лежало имя древнедагестанского племени леги, а позднее лезги, леки. Во-вторых, средневековый Дагестан стал именоваться Лезгинистаном

¹ Дагестанец — это был скорее литературный термин. Дагестанские ученые пользовались им как собирательным именем. См. «Хроника войны Джара в XVIII столетии», 1931, стр. 36; *Гаджи Али*. Сказание очевидца о Шамиле. ССКГ, вып. VII.

² Поездка г. Беккера по Южному Дагестану. ССКГ, вып. IX, стр. 33.

¹ Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958, стр. 34.

² А. В. Комаров. Народонаселение Дагестанской области. Записки Кавказского отд. русского геогр. общества. Кн. VIII, Тифлис, 1873, стр. 6.

³ А. Берже. Материалы для описания Нагорного Дагестана. Кавказский календарь за 1859 год, стр. 251.

не потому, что это название соответствовало этническому составу населения страны, а в силу того, что лезгинские и близкие им племена в этот период выдвигаются на первый план в политической и военной жизни Кавказа и их имя стало известно соседним народам. В-третьих, начиная с позднего средневековья слова Лезгинистан, лезгин постепенно начинают закрепляться за южно-дагестанской территорией. Это было связано с отрицанием старых племенных названий в Южном Дагестане и широкими связями Дагестана с другими странами. В новых исторических условиях, после того, как Дагестан был присоединен к России, этот процесс еще более углубился.

Дальнейшую историю, связанную с названием Лезгинистан, надо рассматривать в связи с образованием лезгинской народности.

Окончательное решение всей проблемы происхождения и определения первоначального значения названия Лезгинистан зависит от дальнейшей ее разработки советскими историками и лингвистами.

II. НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ В X—XII ВЕКАХ

1. Обзор источников и литературы

При изучении конкретных исторических событий жизни того или иного народа первостепенное значение имеют источники на местных языках. Это относится и к изучению народных движений в Дагестане в X—XII вв. К сожалению, Дагестану в этом отношении не повезло. Оказавшись в орбите крупнейших драматических событий, начавшихся в VII в. на Ближнем Востоке и распространившихся затем и на Кавказ, Дагестан претерпел большие потрясения. Подверглись разгрому сформировавшиеся к тому времени политические объединения, были разрушены и сложившиеся культурные традиции. В рассматриваемый хронологический период (X—XII вв.) старая культура, восходившая к албанской, в основных направлениях подверглась разрушению, а какая-либо новая, тем более на местных языках, ещё не успела сложиться, — в этом особая сложность вопроса для исследователей. Если в этот период что и писалось о Дагестане, то преимущественно на арабском языке, реже — на фарси. Основную массу источников по этому периоду составляют произведения на арабском языке.

Большинство произведений классической арабской географии IX—X вв., где говорится о жизни Северо-Восточного Кавказа, написано людьми, никогда там не бывавшими. В XI—XII вв. положение в этом смысле меняется: как известно, испанский араб-путешественник Абу-Хамид ал-Гарнати довольно продолжительное время жил в Дербенте и в его записках виден свидетель описываемых событий.

Ещё больше компетентности, которая может быть лишь результатом непосредственного восприятия и близости к описываемым событиям, обнаруживает известный исторический труд «Тарих ал-Баб»¹ анонимного автора, сохранившийся в передаче турецкого автора XVII в. Мюнеджжимбаши и опубликованный проф. В. Ф. Минорским. Весь характер этого произведения свидетельствует, что автор был хорошо знаком с описываемой местностью, с особенностями её экономики и быта. Это находит наиболее естественное объяснение в предположении, что автор был жителем Дербента или, по крайней мере, прожил там долгие годы жизни.

Другой местный источник, относящийся к событиям XII в. в Дагестане — «История Абу-Муслима» — известен в нескольких списках и посвящён главным образом распространению ислама в Южном Дагестане.

Широко известные исторической науке местные хроники «Тарихи-Дагестан»² и «Дербенд-наме»³ или прямо относятся к XIV в., или восходят к хроникам того времени.

Отметим три ценные особенности хроник: во-первых, авторы их были местными людьми, обладавшими несомненной компетенцией в местных социальных условиях и событиях; во-вторых, они сохранили для нас многие сведения из более ранних утраченных местных исторических хроник; в-третьих, их материал (особенно в «Тарихи-Дагестан») более разносторонен и конкретен: они дают факты не только религиозной или политической истории, но и социальной жизни, экономики, называются географические пункты, хотя оба автора любыми средствами подчеркивают свою религиозную ортодоксальность и неприязнь ко всему языческому.

¹ В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербента X—XI веков, М., 1963.

² Извлечения из истории Дагестана. ССКГ, вып. V, Тифлис, 1871.

³ Тарихи Дербенд-намэ. Под ред. М. Алиханова-Аварского, Тифлис, 1898.

Однако при работе над средневековыми источниками, как написанными на Ближнем и Среднем Востоке, так и местными арабоязычными, одной из самых значительных трудностей является наличие неадекватности в передаче социальной терминологии. Средневековые авторы, писавшие на арабском и фарси, широко пользуются социальными терминами «малик», «эмир», «сахиб», «хаким», «наиб», «султан», «раис» и т. п., отражающими социальные отношения, сложившиеся в иной ближневосточной и средневосточной феодальной среде и несущие соответствующее социальное содержание. Стремясь осмыслить и передать социальные явления на Кавказе и в Дагестане с помощью этих привычных для них социальных категорий и терминов, они поневоле подменяют передачу конкретной социальной действительности в Дагестане в такой же мере, в какой мере были различны в то время Дагестан и территории, составлявшие ядро халифата. К сожалению, опасность механического переноса чуждого социального содержания в историю Дагестана и невольное искажение последней таким образом не всегда учитывается нашими историками.

Другая важная особенность источников по этому периоду состоит в том, что социальные явления никогда не являются для их авторов предметом особого анализа или рассмотрения. Материал по социальным отношениям в Дагестане всегда даётся очень сухо, кратко и обрывочно, в связи с изложением событий военно-политической истории или хода распространения ислама. К тому же никогда нельзя полагаться на объективность источников — так или иначе в них сказывается тенденциозность их авторов, обусловленная их классовой, религиозной или национальной принадлежностью.

Письменные источники по истории Дагестана этого периода, как восточного, так и местного происхождения, в достаточной мере оценены нашими историками и широко используются в их работах. К сожалению, гораздо меньше внимания уделяется использованию и научному осмыслению историками такого вида исторических источников, как устное

творчество народа, хотя важность его теоретически всегда охотно признаётся. Между тем, искажающее влияние классово-чуждых клерикальных тенденций сказалось на этом виде источников гораздо слабее (обычно только в эпизодических случаях противопоставления «мусульман» «неверным», «язычникам» или в противопоставлении доисламского периода эпохе после распространения ислама). Таким образом, проигрывая иногда перед письменными источниками в точности передачи собственных имён или дат, устное народное творчество нередко выигрывает по сравнению с ними в качестве и важности передаваемого исторического материала. И нам кажется совершенно закономерным, что оно даёт такое количество прямых сведений, реминисценций и указаний на явления социальной борьбы в Дагестане, в том числе и в отдалённом средневековье, перед которыми письменные источники с их неизбежной социально-религиозной ограниченностью выглядят достаточно скудно. Это обязывает нас интенсивно продолжать их собирание, накопление и исследование, причём это важное дело не терпит отсрочки. Кроме того, несомненную пользу исследователям принесло бы издание уже собранного материала устного народного творчества, хотя бы в той его части, которая касается исторических событий, в том числе событий дагестанского средневековья.

Переходя к произведениям исторической литературы, среди дореволюционных работ отметим как наиболее заслуживающие внимания «Гюлистан-Ирам» А. К. Бакиханова¹ и «Асари-Дагестан» Г. Алкадари². Несмотря на методологическую несостоятельность этих работ, обусловленную историческими причинами, обе они сохраняют несомненную научную ценность не только как памятники первых шагов местной исторической мысли, но и как источники значительного количества конкретных исторических фактов, почерпнутых их ав-

торами из не дошедших до нас средневековых исторических работ и хроник преимущественно местного происхождения, сохранных таким образом в этих трудах для современных историков. Однако следует с сожалением отметить, что прямых сведений о классовой борьбе в средневековом Дагестане они не дают. Тем не менее заслуживают пристального внимания и серьёзного исторического анализа приводимые ими факты противодействия населения Восточного Кавказа исламизации. Рассматриваемые этими авторами лишь в аспекте религиозной борьбы, эти факты по своему объективному содержанию свидетельствуют о сопротивлении самых широких масс трудящегося населения Дагестана попыткам феодального порабощения, сплошь и рядом облекавшегося в религиозную идеологическую оболочку. Таким образом, эта религиозная борьба приобретает явно социальный характер.

В советской исторической науке, развивающейся на глубоко научной марксистско-ленинской основе, проблемам изучения классовой борьбы и народных движений уделяется исключительное внимание. Из исторических работ, относящихся к теме данной статьи, отметим в первую очередь статью М.-С. Саидова¹ «О распространении Абу-Муслимом ислама в Дагестане» и работы А. Р. Шихсаидова² по исламу в средневековом Дагестане, где использован широкий круг первоисточников на арабском языке, а также сводные работы по истории Дагестана³.

¹ См. Ученые записки ИИЯЛ, т. II, Махачкала, 1957.

² А. Р. Шихсаидов. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.), Махачкала, 1969.

³ История Дагестана, т. I, М., 1967; Р. М. Магомедов. История Дагестана, Махачкала, 1968; Х. Х. Рамазанов, А. Шихсаидов. Очерки истории Южного Дагестана, Махачкала, 1964.

¹ А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам, Баку, 1926.

² Г.-Э. Алкадари. Асари Дагестан. СМОНПК, т. 46, Тифлис, 1926.

2. Социально-политическое развитие Дагестана в X—XII веках

В эпоху, предшествующую рассматриваемому периоду, Дагестан входил в сферу влияния Арабского халифата. В связи с этим в Дагестане сложилась своеобразная политическая структура арабского господства. При этом наблюдается существенная разница в формах осуществления арабами своей власти над землями Южного Дагестана, с одной стороны, и Центрального и Северного Дагестана — с другой.

Власть над Южным Дагестаном чаще всего осуществлялась непосредственно арабскими наместниками, находившимися в Дербенте и назначавшимися или утверждавшимися центром халифата. Арабские источники дают нам множество свидетельств политического подчинения Табасарана, ал-Лакза и других южных земель арабскому наместнику или начальнику гарнизона Дербента.

Для остальной части Дагестана таких свидетельств нет, хотя политическое влияние арабов на этой территории несомненно.

Какими же методами оно осуществлялось, если арабские источники ничего об этом не говорят?

Нам кажется допустимым для восполнения пробела в столь важном вопросе привлечь свидетельства местных хроник, устную традицию, косвенные намеки в арабских письменных источниках, а также метод исторической ретроспективы.

Все данные, извлеченные таким путем, позволяют признать наиболее вероятным предположение о том, что арабы со времени своих завоеваний в центральной части Дагестана (первая половина VIII в.) для постоянного контроля за политической жизнью в этой части страны и, насколько возможно, регулярного поступления налогов должны были иметь там свое доверенное лицо, которое обладало бы достаточной компетенцией в вопросах местной политической жизни, пользовалось бы влиянием среди местной знати и, таким образом, могло бы быть действенной опорой и проводником арабской политики на этих территориях. Своего

рода арабская инвентитура — военно-политическая поддержка обеспечила бы ему положение «первого среди равных» в феодальном мире Центрального и Северного Дагестана, положение гегемона среди политических образований этой части страны гор, которые, таким образом, превращались в политический союз, руководимый арабским ставленником под протекторатом халифата.

И в самом деле, местные хроники и устная историческая традиция называют нам в качестве такого правителя, назначенного и поддерживавшегося арабами, шамхала с резиденцией в Кумухе. Ему даже приписывалось арабское происхождение.

Возможность такого назначения допускается и арабскими источниками. Масуди сообщает, что царь Нижнего Хайдака, то есть Джидана, принадлежал к арабскому семейству Кахтан, а правитель Табасарана являлся сыном сестры эмира Дербента¹. Ал-Баладзури² свидетельствует, что Мерван создал своего рода иерархию местных феодалов на основе их большей или меньшей близости к арабскому наместнику, которая давала им большие или меньшие политические и военные преимущества в рамках созданной арабами в Дагестане политической организации. Об этом говорится и в «Истории Абу-Муслима», относящейся к X веку³.

Принятие вышеизложенной гипотезы, предлагаемой местными источниками и устной традицией и косвенно подтверждаемой арабскими источниками, находит подтверждение и в последующих событиях истории Дагестана. Власть шамхала, возникшая при арабах, а затем ради тех же политических соображений сохраненная монголами, по всей вероятности, стала устойчивой и реальной политической силой. Видимо тем, что эти традиции

¹ Масуди о Кавказе. Приложение к книге В. Ф. Минорского «История Ширвана и Дербента». М., 1963, стр. 202.

² Баладзури. Книга завоевания стран. Баку, 1927, стр. 18—19.

³ См. Х. Х. Рамазанов, А. Р. Шихсаидов. Указ. соч., стр. 38—39.

продолжали играть действенную роль, и можно объяснить такое событие XVI—XVII вв., как перемещение власти шамхалов из Центрального Дагестана на плоскость.

Период X—XII вв. открывается важным явлением в политической жизни Дагестана — окончательным отпадением от халифата.

В Южном Дагестане это привело к обособлению Дербентского эмирства, ставшего самостоятельным феодальным государством и начавшего политику все усиливающегося натиска на другие политические образования Южного Дагестана. Одновременно эмирство вступило в соперничество с Ширваном.

В Северном и Центральном Дагестане это, напротив, привело к резкому ослаблению центральной власти шамхала, потерявшего свою опору в лице арабов, что в свою очередь привело к усилению центробежных тенденций, феодальному дроблению этой части страны и появлению нескольких самостоятельных политических образований с собственными феодальными династиями.

Одновременно начинается междоусобная борьба феодальных владельцев за политическую гегемонию в Дагестане. В этой борьбе наиболее значительную роль играли четыре феодальные политические образования: Дербент, Серир, Хайдак и шамхальство. Табасаран выступал в орбите политики дербентских правителей.

Особую активность проявляет в это время Дербентское эмирство, которое явно стремится сохранить свое положение политического центра Дагестана, сложившееся при арабах. В этой междоусобной борьбе Дербентское эмирство нередко опиралось на внешнюю силу — ширваншахов. Его противники, в частности Серир, также привлекают к этой борьбе внешние силы — аланов, кочевников и другие северокавказские народы.

Процесс феодализации Дагестана начался еще до арабского нашествия. С завоеванием Дагестана этот процесс не был приостановлен, — наоборот, наблюдается даже его ускорение. Уже в начальный период арабского господства в источниках

появляется упоминание о крупном арабском поместье Хауз-Хайзан, Самсуя в Южном Дагестане¹. Арабское завоевание приносит на земли Дагестана такие чисто феодальные юридические формы, сложившиеся на Ближнем Востоке, как харадж — подушная подать, земли дивана, вакуф — церковное землевладение, несколько позже: икта — условное феодальное землевладение. Появился новый слой феодалов: сеиды — потомки пророка, кади и т. д.

Все эти перемены в общественных отношениях не могли не сказаться на положении народных масс, для которых они означали усиление феодального гнета.

В качестве примера позволим себе привести одно из многочисленных свидетельств устной традиции, восходящих к этому времени. В с. Дусрех (Чародинского района) была зафиксирована легенда, где говорилось, что именно в результате арабского завоевания дусрехцы попали в зависимость от кумухского шамхала: каждый житель обязан был платить ему регулярную дань в размере одной мерки зерна, которую следовало лично доставлять в Кумух.

Следует отметить еще одно новое явление в социальной жизни Дагестана той эпохи — усиление связей Дагестана со странами Закавказья и Ближнего Востока, выразившееся в появлении в Дербенте и Табасаране арабских переселенцев, развитии ремесла (металлообработка, ткачество) и международной торговли в Дербенте и других пунктах побережья. Все это не могло не сказаться на усилении товарного хозяйства, укреплении некоторых норм восточного феодального права и развитии производительных сил.

Для понимания социальной структуры дагестанского общества X—XII вв. большой интерес представляют сведения, приводимые Якутом. Он пишет, что «лакзы имеют свободных людей, которые называются хамашира; над ними стоят малики, а ниже их служащие м.шак (работники),

¹ Баладзури. Указ. соч., стр. 17.

а затем пахари (акара) и слуги и ремесленники (муххан)»¹.

3. Борьба народных масс Дагестана против феодализации в форме сопротивления распространению ислама

В советской медиевистике стало общепризнанным то отмеченное еще классиками марксизма положение, что в средние века массовые народные движения во многих случаях проходили под религиозной оболочкой, часто приобретая название «ересей», «расколов», а иногда напротив — борьбы за ортодоксальную религию. Во всяком случае, современниками и даже самими участниками социальной борьбы эта борьба осознавалась как религиозная.

В «Крестьянской войне в Германии» Ф. Энгельс писал: «Революционная оппозиция феодализму происходит через все Средневековье. Она выступает соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»².

Это методологическое положение полностью относится к социальным движениям в Дагестане в период X—XII вв. и к их отражению в источниках, то есть в сознании, в исторических трудах современников.

Однако, констатируя эту общую характеристику социальных движений в средневековом Дагестане, следует отметить и некоторые особенности рассматриваемых движений. Они были направлены одновременно и против внешних завоеваний, и против угрозы феодальной эксплуатации.

Прежде чем коснуться вопроса о силах, противодействовавших исламизации Дагестана, следует критически разобраться в версии о добровольном принятии ислама. Эта версия бытует в местных

хрониках и дореволюционных исторических работах как результат клерикальной тенденциозности и не подтверждается никакими конкретными фактами ни в письменных источниках, ни в устной традиции. Напротив, как свидетельствуют материалы обоих указанных видов исторических источников, распространение ислама сопровождалось войнами, грабительскими походами, разрушением населенных пунктов и крепостей, массовыми убийствами, пленениями и ограблениями.

Отношение разных слоев дагестанского населения к исламу определялось в конечном счете их социальной принадлежностью.

Для широких слоев трудящихся масс ислам был совершенно чуждой, насаждаемой извне и сверху идеологией, не имевшей никаких корней в традиционном общественном сознании народов Дагестана. В той или иной мере трудящиеся массы не могли не уяснить себе, что ислам — это идеология иноземных захватчиков и местных феодальных угнетателей, то есть, что ислам — это идеология социального врага.

Этим и определялась их отрицательная, враждебная позиция по отношению к исламу.

Что касается местной феодальной верхушки, социальный вес и значение которой, разумеется, превосходили её численность, то в их отношении к исламу не было единства. Объективный процесс феодализации Дагестана, начало которого прослеживается еще до VII в., и арабской экспансии толкал местных феодалов к принятию монотеистических религий как идеологической формы, наиболее соответствующей феодально-иерархическому общественному устройству, то есть в конечном счете как наиболее эффективного идеологического оружия их классового господства.

Этим объясняется распространение среди феодальных верхов Дагестана трех монотеистических религий: иудаизма, христианства¹ (в двух его фор-

¹ Цит. по книге В. Ф. Минорского «История Ширвана и Дербента», стр. 113.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 361.

¹ Д. М. Атаев. Христианские древности Аварии. Учёные записки ИИЯЛ, т. IV, 1958, стр. 161—182.

мах — армянской монофизитской и грузинской православной) и ислама.

К рассматриваемому периоду иудаизм и монофизитство не пользовались сколько-нибудь широким распространением в Дагестане по чисто политическим причинам.

Монофизитство пришло в Дагестан из Армении и Албании в IV—VI вв., то есть слишком рано; в этот период в недрах дагестанского общества еще не созрела социальная опора всякого монотеизма — феодальное общество. В период же его оформления центры монофизитства утратили бывшее политическое значение и самостоятельность, и их идеология, таким образом, не могла пользоваться широким влиянием в Дагестане. Предания об исповедовании христианства сохранились в отношении жителей Мишлеша, Гагатля, Гапсхаха, Микраха.

Что касается иудаизма, то центр его распространения — Хазария — к этому времени утратил былую гегемонию на Северо-Восточном Кавказе, а вместе с ним ослабела и популярность иудаизма. Источники дают нам лишь отдельные упоминания об исповедании царем Хайдака Адзернарсе среди трех монотеистических религий и иудаизма, а также о наличии синагог в Семендере и отдельных исповедников иудаизма в Зирихгеране. Исповедовали иудаизм и жители Гули.

О монофизитстве же глухо говорит лишь устная традиция, называя армян (то есть монофизитов) в качестве предков жителей некоторых селений Южного Дагестана. Такие предания сохранились в селах Гельхман, Чох.

Православие и ислам, напротив, были наиболее популярны среди господствующих классов, остро нуждавшихся в это время в монотеистических формах религиозной идеологии. Если попытаться, опираясь на данные письменных источников, произвести нечто вроде приблизительного картографирования распространения христианства и ислама, станет очевидным большее распространение православия в Западном Дагестане и ислама — в Южном Дагестане.

Центральные земли Дагестана часто являлись промежуточной зоной: в Зирихгеране были исповедники всех трех религий, царь Верхнего Хайдака исповедует три религии одновременно.

Распространение православия в Западном Дагестане легко объясняется политическим влиянием Грузии и не ослабевает вплоть до XIII в., а местами это влияние удерживается до XV века. По преданию, жители Ках, Кулецама, Дусреха, Гибли, Цалда — потомки грузин.

Распространение ислама в южной части Дагестана также объясняется ее географической близостью к Ширвану и Дербенту, что обусловило здесь превосходство политического влияния последних. Кроме того, следует отметить своеобразный процесс в среде феодальной верхушки Южного Дагестана: процесс их смешения и срастания с арабскими завоевателями, начавшийся еще в VIII веке. Именно в этой эпохе берёт свое начало местная дербентская династия Сулами арабского происхождения, тогда же Мерван заменяет мятежного царя ал-Лакза Авиза одним из Сулами. В литературе уже отмечалось южноарабское происхождение имени царя Нижнего Хайдака X в. — Салифана; нередки упоминания источников о династических браках между арабами и местными феодалами (Табасаран, Кайтаг), а также о натурализации арабов в Дагестане.

Следует отметить также наличие отголосков зороастризма в Дагестане. Очевидно, это надо воспринимать как следствие былых связей с Сасанидским Ираном. Наиболее полно зороастризм сохранился в Зирихгеране, судя по сообщению Ал-Гарнати. Можно отметить следы зороастризма в быту и других народов Дагестана (моменты поклонения огню, похоронных обрядов и т. п.). В рассматриваемый период зороастризм был архаизмом в идеологической жизни Дагестана.

Всем разновидностям монотеистических религий как формам феодальной идеологии противостояли языческие верования населения Дагестана. К сожалению, относительно этих верований мы имеем лишь крайне скудные сообщения источников.

Это, собственно, лишь описания похоронных обрядов в Серире, которые дает ибн-Руста, и самые общие определения основной массы населения Дагестана как «неверных» и «кафиров». Ибн-Руста называет хайдакский город Ранхас, в котором находилось «громадное дерево, не приносящее никаких плодов», и вокруг него по средам «собирались жители города», вешали «на него разного рода плоды», поклонялись ему и совершали жертвоприношения¹.

Наиболее упорно сопротивлялось исламу население районов Нагорного Дагестана. Эти районы были труднодоступны, здесь наблюдались более медленные темпы общественного развития, что обусловило консервацию и живучесть здесь первобытных верований. Неслучайно именно западный и высокогорный Дагестан дает нам наибольшее количество археологических остатков предметов языческого культа — бронзовые статуэтки-идолы. Пережитки былых языческих верований, обрядов и магии так и не были вытеснены исламом окончательно и дожили до XIX века.

О степени сопротивляемости дагестанского населения исламизации говорит в какой-то мере и тот факт, что в большинстве дагестанских политических образований, попавших под контроль арабов, ими были устранены местные правящие династии и назначены собственные ставленники (вполне возможно, что это связано с тем, что нередко правитель являлся первосвященником местной языческой религии и его оставление противоречило идеологии завоевателей).

Принятие ислама означало в то же время и политическое подчинение, покорность завоевателям.

В осуществлении исламизации арабами четко прослеживаются следующие методы их политики:

а) вначале арабами предлагалось мирное принятие ислама; на этом этапе арабы в какой-то мере придерживались даже принципа добровольности. Принявшие ислам или освобождались от

налогов, или платили лишь поземельный налог; не принявшим ислам, но подчинившимся политической власти арабов оставались жизнь и имущество, но они были обязаны платить поземельный и подушный налог;

б) если подчинить население мирным путем не удавалось, то арабы прибегали к силе оружия; сопротивлявшиеся предавались огню и мечу, включая их правителей, а имущество их разграблялось. В одной древней рукописи сказано, что арабы силой захватили Микрах — резиденцию одного лезгинского правителя Самсама, последний был «лишен жизни, а из жителей пощажены только те, которые приняли магометанскую веру, упорные же идолопоклонники были все истреблены»¹.

Арабские завоеватели наделяли своих наместников полной и безотчетной властью над жизнью и имуществом их подданных. Любого из последних они могли лишиться жизни, а размеры налогов и состав налогоплательщиков они определяли по своему усмотрению. Позволим себе проиллюстрировать последний тезис словами такого компетентного в местном устном и письменном историческом материале лица, как имам Шамиль. По словам последнего в записи А. Руновского², одним из миссионеров, Абу-Муслимом, проповедовавшим ислам в Аварии, составлена была на случай уклонения народа от новой религии роспись, определившая подати в самых обременительных размерах, подвергавших разорению даже богатых людей.

Упомянем также и такую прослойку феодалов, как сеиды, появление которой в Дагестане совершенно не было следствием происходивших здесь социально-экономических процессов, а всецело проистекало из принятия ислама. Сеидам, то есть дальним потомкам пророка Магомеда, согласно феодальному праву предназначалась 1/25 всей добычи, взятой у неверных — то есть в конечном

¹ История, география и этнография. XVIII—XIX, М., 1958, стр. 365.

² А. Руновский. Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий. Военный сборник, июль 1862 г., № 7, стр. 377.

¹ Ибн-Руста. Книга драгоценных камней. Пер. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. XXI, Тифлис, 1903, стр. 49.

счете и эта своеобразная форма феодального ограбления добавлялась к бремени политического и идеологического господства завоевателей, которое несли трудящиеся Дагестана.

Итак, к началу описываемого периода, X—XII вв., население Дагестана имело возможность на протяжении трех веков ознакомиться с методами и последствиями политического и религиозного господства арабов. Этим вполне объясняется причина того, что в это время арабским завоевателям нельзя было рассчитывать на успех «мирного» метода распространения своего политического и идеологического контроля и пришлось прибегнуть к насильственному методу, к вооруженной силе.

В этом отношении феодальная верхушка Дербента проявляла особую агрессивность в отношении территории Центрального и Нагорного Дагестана. Ничего удивительного в этом не было, так как на население этой части страны арабы смотрели как на «кафиров»¹. Дербент был базой феодально-религиозных походов и набегов на эти территории. Именно здесь формировались так называемые отряды борцов за веру (гази), добровольцев (муттави), чтецов Корана (курри), пришлых (гураба) и других; кроме того, эмиры Дербента призывали на помощь союзников из исламских центров Дагестана (то есть территорий Южного Дагестана, где ислам укоренился) и из других мест. Феодальные верхи Дербента, а также Ширвана, нередко выступавшего в качестве их союзника (а иногда и сюзерена), претендовали на роль политического наследника халифата на Северо-Восточном Кавказе и проводили ту же линию политической и идейной экспансии традиционными методами, о которых было сказано выше.

Письменные источники, относящиеся к данному периоду, даже если принять во внимание их обычную сухость и отрывочность, дают достаточно богатый материал о насильственном, вооруженном распространении исламской религии, которая, по-

добно троянскому коню, помогала феодальным верхам прикрывать политическое подчинение других земель Дербентскому эмирату.

«Тарих ал-Баб» дает нам следующие факты военных походов — так называемых исламских набегов — дербентских феодалов на территории Центрального Дагестана.

В 912 г. эмир Дербента в союзе с ширваншахом совершил исламский набег на Шандан (территория к северу от Кайтага). Шандану помогали Серир и хазары. Захватчики потерпели сокрушительное поражение. «Оба эмира попали в плен»¹. В 916 году вновь был совершен набег на Шандан. В 938 г. эмир Дербента Абу ал-Мелик «сделал исламский набег» против лезгин. Он «убил их мужчин, похитил женщин и детей и угнал скот»². В этом же году феодалы Дербента и Хайдака (то есть нынешнего Кайтага, который к этому времени стал одним из исламских центров) предпринимают исламский набег на Шандан, оказавшийся для них успешным.

С 948 г. очередной эмир Дербента — Мухаммед бен Йазид по прямому свидетельству источника «продолжал традиции предков в нападении на неверных» вплоть до своей смерти в 956 году.

В 1064 г. раисы вступили «в землю лакзов и захватили все поместья Маската». Одним из излюбленных приемов после неудач их набегов была блокада. Так поступили они и на этот раз. Жители пограничной области были окружены, и никто не мог «ни войти туда, ни выйти оттуда»³.

Итак, источник называет нам не менее десятка крупных агрессивных военных походов дербентских феодалов под флагом «распространения ислама» за период менее чем в 120 лет. Такие походы совершались в течение года по несколько раз.

Другой письменный источник,⁴ относящийся к XII в., — записки Абу-Хамида ал-Андалуси ал-

¹ См. об этом у Ал-Истахрия, СМОМПК, вып. 29, стр. 98.

¹ В. Ф. Минорский, указ. соч., стр. 65.

² Там же, стр. 66.

³ Там же, стр. 72.

⁴ Там же, стр. 74—75.

Гарнати — также свидетельствует об исламском походе в 1116 г. на язычников Зирихгерана, который кончился неудачно для дербентского эмира (якобы вследствие неблагоприятных метеорологических условий).

Наконец, можно привести свидетельство одного из местных источников, которое, к сожалению, не поддается точной датировке, но по содержанию своему с наибольшей вероятностью может быть отнесено именно к рассматриваемому нами периоду — сообщение об удачном мусульманском походе на языческие крепости Хадар (Кадар) и Харкас (Аркас). Источник эпически отмечает: «Они убили всех, кто был в нём (Харкас), исключая тех, кто принял ислам». Далее повествуется, что уstraшенные таким методом распространения мусульманства язычники близлежащего города Ихрая (по всей вероятности, имеется в виду Ирганай), поспешили перейти в ислам и даже якобы расправились с теми в своей среде, кто не хотел этого делать.

Приведем также одно из эпиграфических свидетельств, относящееся, вероятно, к XII веку. В сохранившейся в с. Тпиг надписи, связанной с остатками здешней средневековой крепости, говорится: «Вот поднялись против нас все мусульмане. И вот было разрушено это селение, и была построена эта крепость». Здесь мы видим тот же насильственный метод распространения религии ислама.

«Тарих ал-Баб» отмечает ответные — и небезуспешные — военные действия населения Дагестана против захватчиков. Не говоря об упоминавшемся сокрушительном поражении, понесенном дербентско-ширванским феодальным войском в 912 г., укажем на ответные действия дагестанцев в 971, 1037 и 1064 гг.

В 971 г. серирское войско наносит поражение дербентцам у пресловутых дербентских ворот Джихад.

В 1037 г. шанданцы предприняли поход против Дербента и дошли до его стен.

В 1064 г. серирцы с союзниками предприняли поход на Дербент (впрочем, безрезультатный), гумикцы, воспользовавшись феодальной междоусо-

бицей в Дербенте, провели удачный набег на его земли.

Устные источники по данному вопросу совершенно согласуются с письменными. В качестве примера можно привести исторические легенды о насильственном насаждении ислама в аулах Ругуджа, Цудахар, Хунзах и Харахи. Как существенную деталь, дополняющую сведения письменных источников, следует отметить настойчиво подчеркиваемое в фольклоре свидетельство, что переход отдельных селений в ислам, как правило, обострял междоусобную борьбу среди местного населения. У мекегинцев сохранилось предание о том, что ислам был принят после упорной борьбы. Мекегинцы убили трех шейхов в местности Зурила-бах, где сохранились их могилы как святые.

Как видно из приведенных выше свидетельств письменных и устных источников, сопротивление дагестанского населения завоевателям-мусульманам объясняется не столько их «упорствованием в язычестве», сколько стремлением оградить себя от социального и идеологического порабощения, а также от феодальной эксплуатации, которую несли с собой исламские завоеватели.

Таким образом, социальный, а для ряда случаев и классовый характер был весьма существенным, или даже определяющим в этой борьбе, составляя действительное социальное содержание, в то время как наружно борьба имела форму столкновения мусульман и язычников, то есть осознавалась ее современниками и участниками как чисто идеологическая.

4. Городские и крестьянские восстания в Дагестане в X—XII веках

Борьба против феодальной экспансии и сопротивление исламизации Дагестана не были единственной формой социальной борьбы, которую приходилось вести в тот период трудящимся Дагестана.

Все более обострялись внутренние социальные противоречия как в феодальном городе, так и внутри политических образований на территории Дагестана, социальное развитие которых в разной степени продвигалось по пути феодализации.

Дербентское эмирство было тем феодальным владением Дагестана, где противоречия между эксплуататорами и эксплуатируемыми приняли наиболее четкую и резкую форму. Это объясняется сравнительно высоким социальным развитием Дербента, который из всех населенных пунктов на территории Дагестана X—XII вв. ближе всего стоял к типу ближневосточного феодального города, отличаясь, может быть, лишь большей военной организацией городского быта.

Развитая социально-экономическая жизнь вела к более сложной и отчетливой социальной дифференциации.

К господствующим, эксплуататорским классам Дербентского эмирства, бесспорно, следует отнести эмира вместе с его служилым и военным окружением, раисов, верхушку мусульманского духовенства, а также купечество и предполагаемую верхушку ремесленных цеховых организаций («Тарих ал-Баб» пользуется по отношению к ним термином «айан ас-суфуф»¹). Взаимоотношения между самими прослойками господствующего класса были довольно сложными. Внутренние противоречия между ними постоянно приводили к опасным политическим кризисам и даже внешняя угроза не всегда могла их сплотить. Единственное, что могло приводить их временами к безусловному объединению — это угроза их классовому господству.

Эмир являлся вершиной феодальной иерархии Дербента. Он, а также его ближайшее окружение, то есть служилая часть феодального класса и военачальники, являлись в Дербентском эмирстве носителями тенденций политической централизации. Насколько можно судить по материалам источников, эмир претендовал на монопольное представительство интересов Дербентского эмирст-

ва во внешних сношениях и на роль самого значительного феодала во внутренней жизни эмирства.

Однако ввиду социальной пестроты развитого феодального владения эмиру приходилось постоянно маневрировать среди многочисленных социальных групп Дербента, пользуясь с большим или меньшим успехом совпадениями или расхождениями взаимных интересов этих групп по каждому отдельному вопросу в данный текущий момент.

Как отмечает еще профессор Минорский, в этой сложной, динамичной социальной обстановке эмир вполне мог полагаться лишь на гулямов, то есть личную гвардию из славян, являвшуюся одновременно кадрами профессиональных воинов, составлявших в моменты военных конфликтов костяк вооруженных сил эмира. Другой социальной силой, чаще всего поддерживавшей эмира, были купцы и вся остальная часть «айан ас-суфуф», заинтересованная в силу своего социального положения в политической централизации и прекращении феодальной анархии.

Наиболее многочисленную группу господствующего класса Дербентского эмирства, объединявшую его средних и мелких представителей, составляло дербентское купечество (в том числе и работорговцы) и верхушка ремесленных цеховых организаций, которые в «Тарих ал-Баб» объединены под термином «айан ас-суфуф» и метко охарактеризованы современной востоковедческой литературой как «аристократия базара». Социально-экономические интересы этой группы требовали ликвидации феодальных междоусобиц и связанной с ними анархии, экономического разорения целых районов и грабежей.

Они же требовали политической централизации, что привело бы к прекращению беспорядочных и произвольных таможенных поборов, требовали упорядочения денежной системы и системы мер и весов, а также гарантии охраны и защиты их интересов от внешних и внутренних врагов. Все это делало «айан ас-суфуф» естественными союзниками эмира, как почитателя идей политической централизации.

¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 73.

Духовенство Дербента, судя по материалу письменных источников, не проявляло себя во внутренней борьбе как социальная прослойка, сознающая свои особые интересы и способная их отстаивать (в отличие от духовенства многих других феодальных городов Кавказа и Ближнего Востока).

Видимо, это объясняется тем, что интересы дербентского духовенства, в том числе экономические, лежали главным образом в сфере войн с язычниками. Косвенно это подтверждается участием в исламских набегах кроме обычных гази (борцов за веру) еще и курра (чтецов Корана), а также тем бесспорным обстоятельством, что в Дербенте исламские походы из чрезвычайного мероприятия постепенно превратились в постоянную функцию общественной жизни, и роль дербентского духовенства здесь была во всяком случае сравнима с ролью католических клерикалов в крестовых походах.

Раисы были по отношению к эмирам наименее лояльной социальной группой и являлись наиболее частыми противниками эмиров во внутрифеодальной борьбе. Они являлись крупной городской аристократией, роль их была исключительно велика и во внутренней жизни города и даже в его внешних делах. Раисы являлись настоящей и действительной властью в эмирате. Сама династия дербентского эмира вышла из их среды, и потому он никогда не рассматривался ими как носитель абсолютно-монархической или диктаторской власти, а всегда был для них в лучшем случае лишь «первым среди равных», причем первенствующее положение эмира раисы нередко готовы были оспаривать даже в вооруженной борьбе. Социально-экономической основой их власти была как значительная их доля в дербентской торговле, так и крупные земельные владения в пределах эмирства, не говоря уже о таких средствах сохранения социального господства, как собственные военные силы из вассалов и гулямов, а также традиционные династические связи с феодальным миром Восточного Кавказа.

В связи с отмеченными острыми противоречиями между эмиром и раисами весьма примечателен один из фактов социальной топографии Дербента: некоторые источники упоминают о поперечной стене между двумя городскими стенами, другие источники, напротив, хранят по этому поводу молчание, а иногда источники упоминают о ее разрушении и постройке, судя по всему, неоднократных. Учитывая, что резиденцией эмира была Нарын-кала, поперечная стена не могла быть ничем иным, как мощным оборонительно-стратегическим сооружением в его внутренней борьбе против раисов. Мы разделяем остроумную гипотезу проф. Минорского о том, что периоды строительства и разрушения поперечной дербентской стены являются обыкновенным отражением в топографии города периодов успехов и неудач эмира в его борьбе с раисами. Кроме того, нам кажется, что эта интерпретация значения поперечной стены должна быть решена: видимо, не в меньшей, если не в большей степени, стена должна была защищать знатных обитателей верхней части города от ярости городских низов в период их неоднократных возмущений.

Что касается социальной характеристики и положения городских низов Дербента, то материал источников по этому вопросу весьма скуден. Судя по их косвенным данным, в Дербенте было немало количество ремесленников, вырабатывавших очень ценившиеся дербентские льняные ткани и другие промышленные товары. Оживленная караванная и морская торговля не могла не вызвать к жизни многочисленную прослойку обслуживающих ее конюхов, погонщиков, проводников и т. п., а также матросов торговых судов. Наконец, степень аграризации Дербента, как и всех феодальных городов, была, по-видимому, также значительной. Так, например, источники часто упоминают о городском стаде (состоявшем, видимо, из скота, принадлежавшего горожанам), которое нередко становилось добычей противника.

Возделывание марены также говорит о том, что какая-то часть жителей города занималась сельским хозяйством.

О положении городских низов источники прямых фактов не дают. Однако косвенные данные достаточно многочисленны и выразительны для того, чтобы считать их положение достаточно тяжелым. Источники часто говорят как о частой смене правителей города и междоусобных феодальных столкновениях, захватывавших иногда сам город, так и о частых нападениях внешних врагов. Разумеется, происходившее при этом разграбление материальных ценностей и разрушение производительных сил тяжелее всего обрушивалось на самую многочисленную и малоимущую часть населения.

С еще большей степенью вероятия мы можем полагать, что прослойка совершенно разоренной, деклассированной части населения также была весьма многочисленной, ибо источники свидетельствуют, что значительную долю в составе войск, производивших исламские набеги, составляли гази. В то же время многочисленный материал письменных источников, относящихся к другим частям Ближнего и Среднего Востока этого периода, убедительно свидетельствует, что гази в своей массе кадрировались главным образом из самых низших, деклассированных слоев городских низов — разоренных ремесленников, торговцев, крестьян. Это положение стало общепризнанным в исторической науке, и в Дербенте, который вовсе не являлся в этом отношении исключением, а, напротив, был типичнейшим феодальным городом ближневосточного типа, происхождение гази также не могло быть иным, а является убедительным объективным свидетельством (хотя и косвенным) массового разорения низов и роста числа деклассированных элементов. Считать дербентских гази пришлыми, наподобие позднейших суфи XV в., также нет оснований, ибо для подобного рода воинов источники пользуются отдельным термином — гуреба¹.

Такая социальная атмосфера в Дербенте X—XII вв. не могла не вызвать острых противоре-

чий, нередко выливавшихся в формы прямых вооруженных столкновений, причем иногда поводом, вызывавшим выступления городских низов, служили стычки между феодалами или нападения извне.

Особенно много свидетельств о выступлениях городских низов Дербента дает «Тарих ал-Баб». Так, в 944 г. «люди ал-Баба восстали против своего эмира Ахмада и изгнали его из города»¹. Место эмира занял, с согласия дербентцев, ширваншах Абу Тахир Йазид, впрочем, ненадолго — он вскоре также был изгнан.

В 953 г. дербентцы вновь свергли своего эмира (им был в то время брат ширваншаха — Ахмад б. Йазид) и признали власть царя лакзов Хашра-на Ахмада б. Мунабиха².

Социальные выступления 989 г. «Тарих ал-Баб» описывает более подробно. Поводом для них послужило прибытие в Дербент из Гиляна религиозного проповедника Мусы ат-Тузи³. Пропаганда его имела в Дербенте большой успех. Судя по отдельным пометкам источника, можно полагать, что она носила подчеркнуто ортодоксальный, ригористический характер, а масса людей принесла Мусе покаяние. Эти же массы принудили самого эмира к покаянию и обязательству не пить вина и т. п. Следует отметить, что в средние века религиозные течения, проповедовавшие такую ортодоксальность, доходящую до аскетизма, весьма часто становились идеологической оболочкой движения социальных низов, выражая в религиозной форме их неосознанное стремление к равенству и демократизму. Получалось это так потому, что религиозные проповедники предлагали последовательно провести в реальную жизнь принципы, вытекающие из равенства верующих перед богом. В качестве аналогии можно привести социальное движение городских низов Флоренции в XV в., возглавленное Савонаролой, а также многие неортодоксальные еретические движения с пуританистско-аскети-

¹ Этот термин в том же значении бытует и в современных дагестанских языках. По-даггински «хуреба» — вооруженный народ, ополчение.

¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 49.

² Там же, стр. 67.

³ Там же, стр. 68—69.

ческой программой. В Дербенте также происходило аналогичное движение. Как сообщает «Тарих ал-Баба», дело кончилось тем, что проповедник, то есть вождь этого движения городских масс, «сосредоточил в своих руках все государственные дела», оттеснив таким образом на задний план эмира. Однако вскоре Муса «потребовал у эмира выдать ему его телохранителей-руссов (гулямов), чтобы им был предложен ислам или смерть»¹.

Выше уже отмечалось, что гулямы были единственной социальной группой в ал-Бабе, которая была до конца предана эмиру и на которую последний мог вполне рассчитывать. Выполнение требования Мусы означало или истребление этой группы, или переход её под контроль Мусы, то есть в любом случае это лишало эмира его последней надежной опоры, что было для него равно политическому самоубийству. Таким образом, такое требование Мусы было чисто религиозным по внешней форме, но глубоко классовым по содержанию. Иначе не объяснить, что на деле выполнение его нанесло бы решительный и завершающий удар власти эмира. Это привело к открытому вооруженному столкновению, и «в 990 г. эмир укрепился в цитадели против проповедника Тузи и народ ал-Баба осаждали ее 28 дней»². Наконец, эмир выразил готовность сдать цитадель на условии, что ему будет разрешено уйти в Табасаран. Восставшие согласились на это, и эмир с приближенными оставил Дербент. Отметим интересную деталь: сейчас же после этого была разрушена поперечная стена, о которой говорилось выше — это лишнее доказательство важности изучения социальной топографии средневекового города для познания его социальной жизни.

Между тем восставшие признали власть ширваншаха и пригласили его в город. Однако, когда последний прибыл в Дербент, он был ранен агентом низложенного эмира Маймуна и быстро покинул город. Маймун воспользовался этим и сделал

попытку вернуть себе власть, но неудачно. Вторая попытка в 992 г. увенчалась успехом. Причем осаждать цитадель и разрушить поперечную стену пришлось теперь ему самому. О дальнейшей судьбе Мусы ат-Тузи источник умалчивает.

Очередное волнение городских масс произошло в 1033 г. — дербентцы изгнали своего эмира Мансура и признали власть ширваншаха.

В 1035 г. «население ал-Баба выгнало своего эмира Абдулмалика»¹ и признало власть Абу Мансура — брата ширваншаха. В 1065 г. «жители Дербента с раисами восстали против эмира Мансура и умертвили его»². В 1068 г. дербентцы выступили против ширваншаха. Волнения в Дербенте имели место в 1071, 1072, 1074 годах.

Итак, приведенные выше факты ясно свидетельствуют о том, что в описываемый период X—XII вв. в Дербенте не утихала острая классовая борьба.

Любопытно отметить, что, судя по сообщениям «Тарих ал-Баба», каждое удачное выступление городских масс против эмира, оканчивалось признанием власти какого-либо феодального сюзерена, чаще всего ширваншаха, реже — царя лакзов. Это явление очень наглядно свидетельствует о политической отсталости народных масс той эпохи, об их политически наивных надеждах на «хорошего эмира», об отсутствии у них собственной положительной программы, которая бы свидетельствовала об осознании ими своих особых социальных интересов.

В ту эпоху, конечно, не могло быть никакой социальной силы, которая возглавила бы движение народных масс и привела бы к установлению нового социального порядка. Поэтому очень скоро плодами усилий народных масс удавалось воспользоваться в своих узкоклассовых целях раисам и «айан ас-суфуф», выражением чего и служит признание власти сюзерена извне. Видимо, канди-

¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 68.

² Там же.

¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 55.

² Там же, стр. 57.

датура ширваншаха в такие моменты устраивала обе названные прослойки господствующего класса: раисы считали его более слабым сюзереном, нежели эмира, ибо ширваншах не имел опоры внутри Дербентского эмирства, «айан ас-суфуф» видели в нем сильного монарха-централизатора, и самое существенное — весь господствующий класс в целом видел в нем надежного союзника против волнующихся городских низов. Не следует считать, впрочем, что ширваншах во все моменты истории Дербента был желанной кандидатурой на эмирском престоле. «Тарих ал-Баб» дает немало примеров того, как, почувствовав себя более уверенно, дербентские верхи начинали тяготиться «чужим» сюзереном и столь же быстро заменяли его «своим» эмиром, который в конечном счете был выходцем их среды.

В Дербентском эмирстве мы видим напряжённую и драматичную классовую борьбу между различными феодальными группировками, с одной стороны, и феодально эксплуатируемыми городскими низами и крестьянством эмирства — с другой, причём этот четкий антагонизм не могут завуалировать ни внутрифеодальные междоусобицы, ни моменты временного объединения различных социальных групп под религиозными лозунгами.

Иными словами, Дербент даёт нам картину социальной жизни типичного феодального города с достаточно чёткой расстановкой классовых сил, определившихся благодаря интенсивному развитию феодальных отношений.

Во многом иную картину представляла собой социальная жизнь горного Дагестана. Она в этот период была сложной и динамичной. Часть народов горного Дагестана была в этот период на стадии раннефеодального общества, основной чертой которого является многоукладность. Параллельно существовали, взаимопроникали и боролись социальные факторы и тенденции самого различного социально-экономического содержания — как феодальные (которые в конечном счёте становятся определяющими), так и унаследованные от перво-

бытно-общинного периода и даже сопоставимые с восточным рабовладельческим обществом. При этом следует учесть, что значительная часть населения горного Дагестана находилась еще в самом начале переходной стадии от первобытно-общинного строя к раннефеодальному. Многие факты и явления исторической жизни Дагестана этого периода (даже более поздних) представляют собой результат взаимодействия этих разнородных социальных тенденций. Без учета этой особенности жизни раннефеодального общества невозможно научное осмысление очень многих фактов и явлений истории Дагестана VII—XIII вв.

Выше мы уже делали попытку анализа социально-экономической сущности активного сопротивления горцев исламизации. Если говорить об объективном смысле этой борьбы, то народные массы сопротивлялись феодально-эксплуататорскому порядку, прикрывавшемуся религиозным знаменем, а феодализирующаяся знать горного Дагестана отстаивала в борьбе против ислама свою монополию на эксплуатацию своего народа, хотя сами участники этой борьбы субъективно осознавали её как борьбу по чисто религиозным мотивам.

Переходя к анализу военных походов горцев в этот период, упоминаниями о которых пестрят местные источники, следует отметить, что различные социальные слои населения горного Дагестана принимали в них участие, исходя из совершенно разных социальных предпосылок. Для широких народных масс участие в таком походе было либо справедливой ответной мерой на исламские набеги феодального Дербента, либо продолжением традиций периода военной демократии, когда «война была функцией народной жизни» (Энгельс); чаще всего обе эти предпосылки существовали нераздельно. Для феодализирующейся знати те же походы были наполнены иного социального содержания — это были типичные феодальные междоусобицы с целью насильственного присвоения чужого имущества, следствием чего было не только обогащение, но и увеличение социального веса

и влияния феодальной верхушки. Таким образом, феодалы, возглавлявшие эти военные мероприятия, выступали по отношению к большинству их участников (свободных общинников) лишь как военные предводители, но по отношению к своим вассалам и феодально-зависимым ополченцам они уже являлись сюзеренами. Нередко они вступали как «третья сила» в борьбу дербентских феодалов между собой или их борьбу с ширваншахами.

«Тарих ал-Баб» содержит упоминания о многих таких походах.

Под 968 г. дается запись об участии серирцев¹ в междоусобной борьбе против ширваншаха на стороне дербентского эмира. Феодальный характер этого предприятия лишний раз подчёркивается тем, что серирцы попытались добиться каких-то выгод для себя в Дербенте, но безуспешно: дербентцы смогли одержать верх и даже отобрать у них добычу, захваченную в Ширване. Через три года, в 971 г., серирцы² подступили к Дербенту и одержали победу над дербентцами, причём перебили около тысячи дербентцев.

Если представители местной верхушки осознавали выгоды для себя развитых феодальных порядков, то они ориентировались на Дербент и закрепляли свою социальную солидарность принятием ислама. В феодальных междоусобицах они нередко выступали союзниками Дербента.

Так, в 1033 г. феодальная дружина³ русов и алан, предпринявшая ранее грабительскую экспедицию в Ширван, но ограбленная в свою очередь дербентцами, вознамерилась взять реванш и двинулась на Дербент. Однако дербентцы сумели перехватить её в Карахе, который к этому времени уже считался исламским центром. Карахцы стали союзниками дербентцев, и их соединёнными усилиями «властитель алан был силой отражён от ворот Караха и навсегда были прекращены притяза-

ния неверных» на эти исламские центры. Можно предполагать, что исламизация Караха и его союз с Дербентом значительно ускорили темп феодального развития этой части Дагестана.

В 1037 г. шанданцы¹ подступили к Дербенту, однако были отражены, причём обе стороны понесли значительные потери. Этот поход шанданцев можно рассматривать как ответный удар на неоднократные исламские набеги дербентцев на Шандан.

В 1040 г. хайдакцы² взяли цитадель ал-Баба (нынешнюю Нарын-кала), разрушили среднюю стену города, захватили в плен эмира Абд ал-Малика и его жену Шамкуйе (кстати, она была дочерью ширваншаха). В данном случае хайдакцы вмешались в распрю между эмиром и раисами Дербента как «третья сила» на стороне раисов. Это типичный случай использования в своих целях феодальных междоусобиц.

Интересно, что в 1064 г. хайдакцы³ вновь вмешались в междоусобицу между эмиром и раисами Дербента, но уже на стороне эмира и по его просьбе, причём одержали победу над раисами. Раисы⁴ не остались в долгу: в том же 1064 г. они вступили в союз с серирцами и «различными тюрками» и напали на Дербент, где безраздельно властвовал эмир. Они успели угнать дербентское стадо. Однако к эмиру подошла помощь от его родственников — феодальных владетелей Табасарана, в то время как раисы вели себя пассивно и не оказывали прямой военной поддержки своим союзникам — серирцам. В результате последние потерпели поражение и вынуждены были отступить.

Типичным для раннефеодального периода является набег гумикцев на Дербент. Пользуясь ослаблением Дербента вследствие обострившихся противоречий между эмиром и раисами, «гумикские

¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 67.

² Там же, стр. 68.

³ Там же, стр. 70.

¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 72.

² Там же.

³ Там же, стр. 73.

⁴ Там же.

неверные напали на селения ал-Баба, убили много мусульман и разграбили их имущество. Затем, положив харадж на оставшихся в живых, они вернулись домой»¹ (вряд ли «харадж» в данном контексте означает регулярный подушный налог — здесь он, видимо, имеет смысл единовременной подушной контрибуции).

¹ В. Ф. Минорский. Указ. соч., стр. 74.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

III. ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ ДАГЕСТАНА

1. В. И. Ленин и некоторые проблемы историографии Дагестана

Трудно найти не только в нашей стране, но и за рубежом настоящего ученого, который не испытал бы на себе в той или иной степени могучую силу ленинских идей. Мы, работники общественных наук, вообще не представляем себе научного развития вне ленинского теоретического наследия. Ильич вошел в нашу жизнь как замечательный образец ученого, человека гениального ума, оказывающего вечно живое и действенное влияние на всю нашу научную деятельность. Труды В. И. Ленина — это неисчерпаемые по богатству мыслей и фактов источники. Ленин — непревзойденный мастер исторического анализа. У Ленина как основоположника советской исторической науки исследователи учатся подлинно научному подходу к решению самых сложных исторических проблем.

Труды историков советских национальных республик — одно из самых наглядных свидетельств неограниченного значения ленинского исторического наследия для развития исторической науки в нашей стране. Если взять, например, современную историографию Дагестана, то воочию можно видеть те колоссальные успехи, которые достигнуты благодаря этому в изучении исторического прошлого его народов.

Небезынтересно вспомнить, с чего пришлось начать научное изучение прошлого нашей республики. Трудности большие, впереди множество нерешенных, спорных вопросов и огромное количество противоречивых концепций, взглядов, совершенно несостоятельных в научном отношении, а иногда

попросту чуждых. Ощущалась настоятельная потребность в последовательной борьбе против вредных устаревших концепций, превосносивших реакционные режимы прошлого и направленных против советского строя.

Понятно, что историография Дагестана возникла не на пустом месте. Что-то осталось от предшествующих исторических работ.

К числу несомненных научных ценностей, унаследованных от дореволюционного периода, можно отнести значительный фактический материал по истории Дагестана, разбросанный в книгах и периодике.

В нелегкой работе над этим многочисленным и разнообразным материалом надежным компасом молодых историков были труды В. И. Ленина по вопросам отечественной и мировой истории. Ленинские произведения стали образцом и надежным источником для разрешения самых сложных проблем истории горских народов.

С первых дней социалистического строительства стало ясно, что без самого тщательного изучения ленинского теоретического наследия невозможно успешное решение вопросов, связанных с созданием новой, национальной культуры народов Дагестана. Уже первые работы в этой области испытали на себе несомненное и благотворное влияние ленинского учения. Прежде всего это сказалось в отчетливом марксистско-ленинском материалистическом понимании истории в противоположность имевшим до этого хождение клерикально-идеалистическим и буржуазно-националистическим воззрениям.

В дальнейшем влияние ленинского теоретического наследия на дагестанскую советскую историческую науку становилось все более глубоким и всеобъемлющим. Это означало победу ленинской методологии в историографии республики. Утверждение ленинских принципов научного исследования сыграло решающую роль в выработке научного понимания развития исторического процесса в Дагестане. Были определены первоочередные исследовательские задачи.

Мы не ставим целью полностью исчерпать проблему значения трудов В. И. Ленина для историографии Дагестана. Мы касаемся лишь некоторых наиболее важных, на наш взгляд, вопросов как из области дореволюционного периода, так и советской истории республики, вопросов, в разрешении которых особенно наглядно сказалось, по нашему мнению, благотворное влияние ленинской методологии.

Одной из коренных методологических проблем дагестанской историографии была проблема периодизации и построения истории дагестанских народов. Высказывались разнообразные мнения на этот счет, по существу сводившиеся к дилемме: писать ли отдельные истории каждого дагестанского народа и этнической группы или же создавать единую историю народов Страны гор? В конце концов правильной была признана последняя точка зрения, положенная в основу нынешних исследований, освещающих историческое прошлое дагестанских народов. Этот подход больше соответствовал таким объективным, общепризнанным факторам, как единство происхождения, общность исторических судеб, многовековое развитие их в общих территориально-географических рамках, а ныне в единой советской автономной республике. В таком решении проблемы определяющую роль сыграли относящиеся к этому вопросу мысли и исторические оценки В. И. Ленина, рассеянные в его трудах, начиная от ранних работ («Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?») и кончая документами его деятельности на посту главы Советского государства.

Необходимо отметить, что это решение вовсе не следует рассматривать как частный момент в работе историков.

Названный вопрос является в конечном счете частью более общей проблемы — проблемы трудностей, создаваемых для социалистического культурного строительства многонациональным характером республики, а в конечном счете — одним из аспектов ленинского разрешения национального вопроса в Дагестане.

Не менее важным и принципиальным вопросом истории Дагестана является вопрос о прогрессивных последствиях присоединения Дагестана к России. По этому вопросу в нашей исторической литературе было высказано немало разноречивых мнений, порой и тенденциозных, не согласующихся с объективными историческими фактами. В настоящее время по этому вопросу вышло немало работ, в которых проблема получила решение в ленинском духе.

Прогрессивность включения Дагестана в состав бывшей Российской империи была признана несомненной, причем не только в силу ускорившегося социально-экономического развития Дагестана, втянутого в более передовые капиталистические отношения, но и по той причине, что таким образом были открыты ворота для пробуждения к активной политической жизни народов Дагестана. Самое главное заключалось еще в том, что включение Дагестана в состав России создало условия для проникновения в Дагестан самых передовых, революционных марксистско-ленинских идей и социально-политических явлений, в конечном счете приведших к торжеству социализма.

В. И. Ленин четко определил место угнетенных народов, в том числе дагестанцев, в борьбе против самодержавия, их роль надежного союзника трудящихся России. «У нас целый ряд угнетенных царизмом народностей,— писал В. И. Ленин в 1905 году,—...делают натиск на самодержавие особенно энергичным»¹. При этом подвергалась анализу и другая сторона вопроса, о которой лучше всего сказать словами самого В. И. Ленина: «Признание прогрессивности этой роли вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма»².

Другим наиболее значительным вопросом истории Дагестана является вопрос о пореформенном развитии Дагестана. Ход исторического процесса в Дагестане периода капитализма, конечно, и сам

по себе представляет большой интерес. Однако не менее важны для понимания дагестанской истории результаты этого процесса — возникновение совершенно новых экономических явлений и социальных сил, то есть того социально-экономического состояния, в котором Дагестан вступил в социалистическую революцию. Без основательного изучения этого периода невозможно понять социальную структуру, характер классовых противоречий и движущие силы социалистической революции в Дагестане. Ключ к теоретическому осмыслению пореформенного развития дает классический труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России».

Прежде всего В. И. Ленин подчеркивает, что несмотря на колониальный характер господства царизма на национальных окраинах, развитие капитализма имело здесь «глубоко прогрессивное значение»¹. Русский капитализм, писал В. И. Ленин, втягивал «Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости»², то есть тем самым ускорял процесс разложения патриархально-феодальных отношений.

По существу говоря, у В. И. Ленина мы находим научно обоснованную разработку вопросов социально-экономического развития кавказских стран пореформенного периода.

Теоретические выводы, к которым В. И. Ленин пришел на основании всестороннего изучения экономики восточных окраин Российской империи, полностью действительны и для конкретного фактического материала истории дореволюционного Дагестана. Так, говоря о социальной структуре окраин, В. И. Ленин отмечает, что главную массу населения здесь составляет крестьянство и, как он писал, «почти нет промышленного пролетариата»³. Исходя из этого, В. И. Ленин пришел к выводу о том, что преобладающим направлением борьбы

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 9, стр. 381.

² В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 597.

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 3, стр. 581.

² Там же, стр. 594.

³ В. И. Ленин. ПСС, т. 41, стр. 244.

в этих частях страны будет борьба не столько против капитала, сколько против остатков феодально-патриархального наследия, феодального гнета, против остатков средневековья.

В. И. Ленин вошел в историю человечества как теоретик и вождь социалистической революции. Дагестанские народы не знают более ярких, более вдохновляющих страниц своей истории, чем те, что дала победа Великой Октябрьской социалистической революции. В «Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина» подчеркивается: «Великая Октябрьская социалистическая революция явила миру образец решения коренных социальных проблем: свержения власти эксплуататоров и установления диктатуры пролетариата, превращения частной, буржуазно-помещичьей собственности в общественную, социалистическую, справедливого решения аграрного вопроса в пользу крестьян, освобождения зависимых народов от колониального и национального гнета, создания политических и экономических предпосылок построения социализма».

Раскрыть всю значимость этого поворотного пункта для исторических судеб дагестанских народов, всю глубину последствий социалистической революции в победоносном шествии дагестанских народов к социализму, а затем в построении коммунизма — первейший долг всех работников общественных наук нашей республики. Велика роль в этом процессе русского народа, верного друга и защитника всех угнетенных народов России.

Для осмысления и решения всей совокупности проблем, связанных с началом новой исторической эпохи в жизни дагестанских народов, особенно важно руководствоваться историческим наследием В. И. Ленина.

В истории социалистической революции в Дагестане имеется еще немало нерешенных вопросов. Одним из таких сложных вопросов дагестанской историографии является вопрос о конкретно-историческом проявлении в Дагестане одного из необходимых условий победы социалистической революции — классового союза крестьянства с проле-

тариатом при руководящей роли последнего. В конкретных условиях осуществления социалистической революции в такой аграрной стране с патриархально-феодальным укладом, как Дагестан, это был вопрос о союзе трудящихся горцев с российским пролетариатом. Вопрос о классовом союзе пролетариата и крестьянства, сам по себе нелегкий, еще более усложнялся конкретными национальными проблемами и особенностями края. Исходным моментом к пониманию и правильному подходу в этой важной и сложной проблеме явилось для дагестанских историков ленинское учение о взаимосвязи борьбы за социальное и национальное освобождение как об одной из сторон взаимосвязи и перехода демократической революции в социалистическую. В. И. Ленин считал национально-освободительное движение неразрывно связанным с борьбой рабочего класса за социализм. «Мы должны,— писал В. И. Ленин,— связать революционную борьбу за социализм с революционной программой в национальном вопросе... Мы должны соединить революционную борьбу против капитализма с революционной программой и тактикой по отношению ко всем демократическим требованиям...»¹.

Итак, сказанное должно быть полностью отнесено к союзу дагестанских масс с российским революционным пролетариатом — без этого союза победа Советской власти в Дагестане была бы невозможна. Это положение В. И. Ленина легло в основу исследовательских работ историков республики по вопросам социалистической революции.

К числу важнейших проблем историографии Дагестана относится вопрос о социально-экономическом содержании процесса исторического развития Дагестана после Октября 1917 года. Ключ к осмыслению направления исторического развития Дагестана после Великой Октябрьской социалистической революции наши историки нашли в ленинском учении о возможности некапиталистического развития к социализму стран и народов,

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 27, стр. 62.

не прошедших капиталистической стадии развития. Ленинское учение о некапиталистическом пути развития является составной частью его теории пролетарской революции и социалистического строительства, получившей подтверждение на опыте установления Советской власти в ряде национальных районов нашей страны. «...С помощью пролетариата передовых стран,—говорил Ленин с трибуны II конгресса Коминтерна в июле 1920 г.,—отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к социализму, минуя капиталистическую стадию развития»¹. Положение, многократно высказанное и обоснованное в его трудах, является творческим развитием положений марксизма по этому вопросу. Ф. Энгельс еще в 1894 г. высказал мысль о том, что после победы пролетариата в более передовых странах отставшие в экономическом развитии народы смогут «значительно сократить процесс своего развития к социалистическому обществу и избежать большей части тех страданий и той борьбы, через которые приходится прокладывать дорогу нам в Западной Европе»².

В трудах В. И. Ленина, великого продолжателя дела Маркса и Энгельса, всесторонне разработан вопрос об исторических судьбах народов отсталых стран, о путях их движения к социализму. Ленинская теория некапиталистического развития отсталых стран должна лечь в основу всех курсов истории и исторических работ по Дагестану советского периода и составляет одно из коренных положений и необходимых частей их содержания. По этим работам можно заключить, что, опираясь на братскую помощь русского рабочего класса и трудящихся других советских республик, дагестанские народы за короткий исторический срок прошли замечательный путь от патриархальщины, феодализма и колониального угнетения к социализму и национальному равноправию, от хозяйственной и культурной отсталости — к своему расцвету. В полном соответствии с гениальным предвидением В. И. Ленина

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 41, стр. 246.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 446.

на опыте своей практической жизни дагестанские народы доказали, что хозяйственная и культурная отсталость той или иной страны не является непреодолимой преградой для ее перехода к самым высоким формам общественной жизни, если народ этой страны, завоевав свободу, избирает путь социализма и опирается на помощь более развитой страны, в которой у власти стоит рабочий класс. Учитывая громадное значение опыта перехода к социализму, минуя капитализм, народов нашей страны, следует усилить изучение и обобщение исторического опыта строительства социализма в национальных республиках.

Ленинские труды ценны для дагестанских историков прежде всего как неисчерпаемая идейно-теоретическая сокровищница, дающая ключи к решению самых сложных исторических проблем и вооружающая исследователей самым совершенным научным методом. Но есть еще одна сторона ленинского наследия, высоко ценимая и часто используемая нашими исследователями,—это отдельные документы¹, высказывания², обращения³, речи⁴, телеграммы⁵, записи, письма В. И. Ленина,

¹ В. И. Ленин. Декрет о чрезвычайном Комиссариате Южного района. Апрель 1918 г. Ленинский сборник, т. 35, стр. 19—20.

² В. И. Ленин. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы. 29 июля 1918 г. ПСС, т. 28, стр. 3—7; Доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики. 3 апреля 1919 г. ПСС, т. 29, стр. 232—234.

³ В. И. Ленин. К товарищам красноармейцам. ПСС, т. 30, стр. 51.

⁴ В. И. Ленин. Речь перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт. 24 октября 1919 г. ПСС, т. 30, стр. 61—62; Две речи, записанные на граммофонных пластинках. ПСС, т. 30, стр. 407.

⁵ В. И. Ленин. Телеграмма председателю Туркестанского совнаркома. 23 августа 1918 г. Ленинский сборник, т. 34, стр. 41—42; Телеграмма астраханскому Реввоенсовету, 24 апреля 1919 г. ПСС, т. 35, стр. 317; Телеграмма Г. К. Орджоникидзе, 9 апреля 1920 г. ПСС, т. 35, стр. 389; Телеграмма И. В. Сталину. ПСС, т. 31, стр. 375; Телеграмма Г. К. Орджоникидзе, ПСС, т. 35, стр. 412; Трудящимся Дагестана, ПСС, т. 33, стр. 173.

относящиеся к событиям революции¹, интервенции, гражданской войны и социалистического строительства в Дагестане², а также воспоминания³ членов дагестанской делегации, посетивших Ильича в Кремле 12 февраля 1921 года.

Очевидно, тут следует принять во внимание и то, что ленинское наследие, относящееся к этим вопросам истории Дагестана, еще не в полной мере известно научной общественности. Надо продолжить поиски в этом направлении. К этому призывает обнаружение ленинских писем научными сотрудниками Центрального государственного архива Октябрьской революции. Недавно в газете «Правда» (3 февраля 1970 г.) была опубликована заметка о четырех письмах В. И. Ленина, связанных с одним из эпизодов гражданской войны на Северном Кавказе — героической обороной города Кизляра от белых банд летом и осенью 1918 года. Для нас важна каждая строка, каждое слово вождя, обогащающее наше понимание исторических процессов.

Громадное литературное наследие В. И. Ленина, относящееся к гражданской войне и иностранной интервенции, в полном объеме изучается историками с целью усвоения ленинского подхода к событиям той героической эпохи и затем — применения ленинских методов и приемов к изучению совокупности конкретного материала по гражданской войне в Дагестане. Ленинские труды по революции и гражданской войне изучались, изучаются и постоянно будут изучаться историками, которые будут черпать в них научное вдохновение, теоретиче-

¹ В. И. Ленин. Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики. ПСС, т. 32, стр. 295—297.

² В. И. Ленин. Запись на приеме дагестанской делегации, 12 февраля 1921 г. Ленинский сборник, т. 35, стр. 215. К вопросу о национальностях или об «автономизации». ПСС, т. 36, стр. 553—559.

³ Д. Коркисов. У Ленина. Газета «Красный Дагестан», 24 февраля 1929 г. № 18; А. Тахо-Годи. О нашем свидании с В. И. Лениным. Газета «Правда», 22 апреля 1935 г., № 111.

ский и методический подход в исследованиях и конкретное решение научных вопросов.

Ленинские телеграммы, письма, записи, касающиеся событий гражданской войны в республике, широко используются дагестанскими историками в их трудах; их конкретно-историческое содержание изучено достаточно серьезно. Это не значит, однако, что эти бесценные ленинские материалы изучены всесторонне и во всех аспектах. Нужна еще кропотливая и основательная работа над ними, чтобы найти их соотношение не только с событиями в Дагестане или на Кавказе, но и в масштабах событий того периода, происходивших во всей стране и даже на международной арене.

Первые годы Советской власти и восстановительный период были особенно насыщены событиями значительными по своим историческим последствиям для Дагестана. Изучение этого периода ставит перед историками целый комплекс научных проблем, работа над которыми совершенно немыслима без углубленного изучения известного ленинского письма «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики». Этот ленинский документ является по сути дела конкретной программой перехода к строительству социализма на Кавказе. В этом плане он заслуживает более пристального внимания работников общественных наук.

В первые годы социалистического строительства одним из самых злободневных вопросов на Кавказе был вопрос правильного осуществления национальной политики нашей партии и Советского государства. Значение же этого вопроса для Дагестана едва ли можно переоценить, учитывая его совершенно необычайную национально-этническую пестроту. Не случайно первые строки ленинского письма посвящены именно национальному вопросу — уже одно это красноречиво показывает, какое место отводил ему вождь социалистической революции. «Горячо приветствуя советские республики Кавказа,— писал В. И. Ленин,— я позволю себе выразить надежду, что их тесный союз создаст образец национального мира, невиданного при бур-

жуазии и невозможного в буржуазном строе»¹. Внимание исследователей к этой проблеме вполне закономерно, поскольку речь идет о торжестве ленинской национальной политики КПСС, о нерушимой дружбе народов и их интернациональном воспитании, о большом международном опыте создания национального мира советских народов.

Еще более трудной и важной задачей В. И. Ленин считал максимальное соответствие практического осуществления социалистического строительства на Кавказе конкретным местным условиям и проистекающее отсюда своеобразие пути к социализму. «Всего более важно для успешного ее решения,— писал В. И. Ленин об этой задаче,— чтобы коммунисты Закавказья поняли своеобразие их положения, положения их республик в отличие от положения и условий РСФСР, поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий»². И далее Ленин писал: «Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР, вот что надо понять и уметь осуществлять в отличие от нашей тактики»³.

Изучая этот период, мы, историки, должны постоянно иметь в виду, что социалистическое строительство в Дагестане осуществлялось людьми, которые постоянно и строго руководствовались этим ленинским положением. Отсюда его ключевая роль для понимания всей политики и практической деятельности тех лет. Касаясь степени изученности этой проблемы, следует признать, что она далеко еще не исчерпана.

Особенно важное значение в переходе к строительству социализма на Кавказе Ленин придавал электрификации и орошению. Это должно было оживить хозяйство, заложить основы социалисти-

ческой экономики, повысить жизненный уровень населения и вовлечь его в социалистическое строительство. В своем письме Ленин говорит: «Надо это сделать широко, твердо, умело, осмотрительно, используя это всячески для улучшения положения рабочих и крестьян, для привлечения к строительству хозяйства интеллигенции. Всеми силами развить... производительные силы богатого края, белый уголь, орошение. Орошение особенно важно, чтобы поднять земледелие и скотоводство во что бы то ни стало»¹. И в другом месте того же письма: «Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения. Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму»².

Изучая такие значительные свершения первых лет Советской власти в Дагестане, как строительство канала имени Октябрьской революции, как огромные усилия трудящихся по орошению кумыкской плоскости и других территорий, как постройка затем целого ряда электростанций вплоть до грандиозных успехов последних лет в области электрификации и орошения, историки должны рассматривать эти колоссальные усилия партии, народа как конкретизацию и развитие ленинских указаний, которые на целые десятилетия определили направление развития социалистического хозяйства кавказских республик, в том числе и Дагестана.

Много важных и интересных сведений по вопросу об отношении В. И. Ленина к конкретным проблемам Дагестана и событиям его истории тех лет работники идеологического фронта могут черпнуть из материалов встречи В. И. Ленина с первой дагестанской делегацией в феврале 1921 года. Мы имеем в виду собственноручную запись В. И. Ленина о приеме дагестанской делегации и опубликованные воспоминания двух ее членов — Д. Коркмасова и А. Тахо-Годи.

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 43, стр. 198.

² Там же.

³ Там же, стр. 199.

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 43, стр. 199.

² Там же, стр. 200.

Эти материалы недвусмысленно свидетельствуют о том, что В. И. Ленин имел достаточно ясное представление о Дагестане, видимо, в результате еще ранее проявлявшегося им интереса к Стране гор.

На приеме у В. И. Ленина подверглись обсуждению разнообразные и наиболее важные вопросы жизни республики. Следует отметить, что над большинством из этих вопросов и сейчас работают наши нынешние историки, изучающие тот период, поэтому небезынтересно было бы ознакомиться с отношением В. И. Ленина к этим вопросам, которое отражено в его записи и в воспоминаниях делегатов.

Одним из вопросов, который привлек пристальное внимание В. И. Ленина на приеме делегации, был вопрос об экономическом положении населения Дагестана, о степени его обеспеченности продовольствием и другими средствами жизни, о его жизненном уровне. Общеизвестно, как близко к сердцу принял Ильич тяжелое положение трудящихся масс Дагестана, достаточно известны и примеры реальной помощи, оказанной по его инициативе населению республики с максимально возможной срочностью. Однако запись В. И. Ленина по необходимости конспективна и отрывочна; из нее лишь отчасти видно, что конкретно из этого круга вопросов интересовало В. И. Ленина. Для полного и точного понимания этих бесценных для историков собственноручных записей Ильича необходим углубленный текстологический и исторический их анализ с привлечением дополнительных материалов.

Как явствует из записей В. И. Ленина, он придавал исключительно большое значение дорожному строительству и связи. В те годы этот вопрос был признан жизненно важным для маленькой страны с преимущественно горным рельефом. В его решение упирались многие проблемы экономического, социального и культурного прогресса. И хотя эта задача была в основном решена гораздо позднее, В. И. Ленин со свойственной ему дальновидностью поставил ее в числе первоочередных

задач социалистического возрождения Дагестана. Более того, воспоминания Д. Коркмасова свидетельствуют, что на приеме обсуждению подвергся и метод осуществления этого важного дела, причем наиболее эффективными были признаны коммунистические субботники, в которых принимали участие самые широкие массы трудящихся Дагестана. В связи с этим следует отметить короткую фразу Ленина: «Субботники привились»¹.

Серьезное внимание Ленина привлекла и проблема культурной революции в Дагестане. Члены делегации свидетельствуют, что В. И. Ленин проявил огромный интерес к проблемам многоязычия, грамотности, обучения и печати. О том же свидетельствует и запись В. И. Ленина о минимуме средств, необходимых для культурной работы в Дагестане. Рассмотрение этого вопроса, наряду с вопросами об экономическом положении и транспорте, достаточно красноречиво свидетельствует о том значении, которое ему придавал В. И. Ленин. В свою очередь, такое отношение Ильича к месту культурной революции в комплексе проблем той эпохи — этапа перехода к строительству социализма — должно, по нашему мнению, иметь определяющее значение при изучении истории культурной революции в Дагестане.

Хотелось бы обратить внимание и на то, что не все вопросы, связанные с культурной революцией в Дагестане, так ясны, как это кажется на первый взгляд. В частности, как следует понимать краткое замечание в рассматриваемой нами заметке В. И. Ленина — «все грамотные»². Это возвращает нас к необходимости решения давно поставленного вопроса о степени соответствия данных дореволюционной статистики действительному положению вещей в Дагестане. Как известно, официальная статистика учитывала в числе грамотных лишь лиц, умеющих читать и писать по-русски, и доля их среди населения Дагестана никогда не превышала 5 проц. Тем не менее, если грамотным считать

¹ Ленинский сборник, т. 35, стр. 215.

² Там же.

Каждого, кто знаком с принципами соответствия определенных звуков значкам какой-то графической системы и способен применять этот принцип на практике, то следует признать, что число грамотных на основе арабской графики в предреволюционном Дагестане было значительным, хотя, к сожалению, об этом нет никаких статистических данных. Хотя вопрос этот в общей проблематике истории просвещения в Дагестане, безусловно, является частным, решение его было бы интересно, так как это один из исходных моментов культурной революции в Дагестане, и ленинское замечание «все грамотные» вновь возвращает нас к необходимости разобраться в этом вопросе.

Не вполне изученным остается вопрос о красных партизанах Дагестана. Историки уделили достаточно внимания возникновению партизанского движения в Дагестане и боевым действиям красных партизан вплоть до конца гражданской войны. Но, как известно, это своеобразное социальное явление просуществовало в Дагестане вплоть до 30-х годов. Бывшие партизаны, являясь верной опорой Коммунистической партии и Советской власти во всех самых отдаленных уголках республики, содействовали любыми способами их мероприятиям, являлись средством подавления сопротивления классового врага. История этих своеобразных иррегулярных частей, их роль в общественном развитии республики вплоть до завершения коллективизации еще ждут специального исследования. Однако уже сейчас ясно, что для успешного решения этой задачи необходимо будет исходить из тех оценок, которые, по свидетельству Д. Коркмасова и А. Тахо-Годи, дал этому движению В. И. Ленин. Оба члена делегации единодушно свидетельствуют о большом интересе и внимании, которые проявил В. И. Ленин к красным партизанам Дагестана. Д. Коркмасов вспоминал, что разговор о красных партизанах Ленин закончил определенной рекомендацией. «Их нужно сохранить, — закончил он. — Достаточно ли они вооружены? Надо улучшить их вооружение, дать им хорошие ружья, пулеметы». В специфических условиях тог-

дашнего Дагестана эти рекомендации Ленина легли в основу деятельности своеобразного института красных партизан, который заслуживает особого исторического исследования.

Вопрос о месте и роли мусульманского духовенства — это особый вопрос в истории Дагестана. Накануне революции мусульманское духовенство в силу исторических и этнических особенностей Дагестана сумело охватить массы населения своим влиянием. В период Великой Октябрьской социалистической революции лидеры различных течений в духовенстве показали свое лицо и свое отношение к Советской власти. После победы социалистической революции Советская власть, с одной стороны, не могла не считаться с религиозностью части населения, а с другой стороны, надо было освободить массы от влияния религии, препятствовавшей культурному прогрессу народов Дагестана. Как видно из высказываний В. И. Ленина, Ильич учитывал оба эти фактора, рекомендуя в практической работе проявлять максимум осторожности и уважения к религиозным чувствам населения и в то же время, как сообщают делегаты, горячо одобряя всякую антиклерикальную инициативу населения (например, конфискацию имущества имама Гоцинского). В дальнейшем антиклерикальная работа советских и партийных органов Дагестана строилась с учетом этих обеих сторон проблемы и была тем более эффективной, чем более они учитывали в своей деятельности эти объективно существующие стороны проблемы, отмеченные в свое время еще Лениным. Видимо, изучая сложный процесс ликвидации религиозных пережитков и утверждения новой советской идеологии, наши историки добьются научного успеха лишь в том случае, если также будут руководствоваться в своих исследованиях ленинскими указаниями на этот счет, относящимися непосредственно к историческому бытию Дагестана.

Обещание В. И. Ленина приехать в Дагестан, теплый, радушный прием дагестанской делегации, просьба ежемесячно информировать его о ходе дел в Дагестане, наконец, его портрет с автографом,

переданный делегатам, значительная материальная помощь, оказанная Дагестану по его инициативе, свидетельствуют о живейшем интересе вождя к Стране гор, ее народам и строительству социализма в ней.

Ныне в стране ведется обширная исследовательская работа по изучению самых различных проблем отечественной и мировой истории. Основополагающие идеи всей этой работы исследователи черпают в бессмертной сокровищнице ленинского идейно-теоретического наследия, в марксизме-ленинизме. Отрадно отметить, что и дагестанские историки принимают активное участие в этой большой созидательной работе, которая является частью коммунистического строительства в нашей стране. Среди множества проблем и вопросов в их исследовательской работе особое место занимает ленинская проблематика. Все большее внимание уделяется таким темам, как «В. И. Ленин и Дагестан», «В. И. Ленин и горцы», «В. И. Ленин и коммунистическое строительство в Дагестане», «Ленинская дружба народов» и т. п. В этой области нашим историкам предстоит еще многое сделать.

Неуклонное следование ленинским принципам, ленинскому научному методу будет способствовать еще большему подъёму советской исторической науки и повышению ее роли в коммунистическом строительстве.

2. Историческая наука в Дагестане

Развитие исторической науки и историографии Дагестана пока еще не стали предметом специального и обстоятельного исследования, хотя большинство исторических работ, вышедших в ДАССР в последнее время, сопровождалось историческим введением или обзором литературы по изучаемой теме.

В развитии советской исторической науки в Дагестане можно наметить три крупных периода: 1) от Великой Октябрьской социалистической революции до Великой Отечественной войны (1917—

—1941 гг.); 2) от Великой Отечественной войны до XX съезда КПСС (1941—1956 гг.) и 3) от XX съезда КПСС до наших дней.

Начиная первый период своего существования, молодая советская историческая наука в Дагестане была вынуждена располагать весьма скромным историографическим наследием, оставшимся от дореволюционного периода. В этом наследии можно выделить два направления — местную историографическую традицию, с одной стороны, и попытки исследования дагестанского исторического материала с позиций европейской научной методологии, с другой стороны. Первое направление было представлено весьма немногочисленными работами, для которых характерны весьма низкий методологический уровень и феодально-клерикальное мировоззрение. Так, история средневекового Дагестана сводилась их авторами к истории распространения ислама; весьма характерна и тенденция к идеализации патриархально-феодальной старины. Научная ценность таких трудов обусловлена лишь зафиксированным в них историческим материалом, который, таким образом, был введён в научный оборот. Ко второму направлению можно отнести несколько комментированных изданий местных исторических источников и довольно многочисленные статьи в дореволюционной научной периодике, содержащие интересный материал по истории, этнографии и археологии Дагестана. Однако в их противоречивых методологических концепциях преобладали буржуазно-националистические, иногда шовинистические тенденции. Это особенно сказывалось в освещении событий национально-освободительной борьбы, в вопросе о происхождении народов Дагестана, в рассмотрении исторических взаимоотношений народов Дагестана с другими народами.

Научный уровень этих работ в той или иной мере отмечен дилетантизмом, ибо дореволюционный Дагестан не имел ни одного профессионального историка.

Главнейшими задачами, вставшими перед молодой советской исторической наукой, были:

1) необходимость борьбы с феодально-клерикальной и буржуазно-шовинистической идеологией в историографии при одновременном усвоении всего ценного из историографического наследия;

2) овладение марксистско-ленинской методологией исторического материализма, разработка на её базе подлинно научной истории Дагестана, обращение исторической науки на службу трудящимся.

Успешному решению этих задач благоприятствовали новые общественные условия, сложившиеся в Дагестане в результате социалистической революции: создание социалистической национальной культуры, широкая культурная революция, стремительно возросшая общественная активность масс и в связи с этим — несомненный рост интереса народов Дагестана к своему прошлому.

Рассматривая процесс диалектического усвоения историографического наследия, следует прежде всего отметить его своеобразный двуединный характер.

С одной стороны, первый период существования дагестанской советской историографии отмечен острейшей, решительной борьбой со всеми проявлениями клерикально-националистической идеологии в изучении истории. Решающее значение в этот поистине переломный период дагестанской историографии имело изучение произведений классиков марксизма-ленинизма: дагестанские историки овладевают материалистическим пониманием истории, приобретают навыки использования метода исторического материализма для научного анализа конкретного исторического материала.

С другой стороны, усваивается и перерабатывается в марксистско-ленинском духе всё ценное из историографического наследия. Именно в этот период было осуществлено научное издание и перевод ценных дореволюционных трудов по истории Дагестана, а также историографический анализ наиболее важных местных исторических источников.

Если в изучении дореволюционной истории Дагестана в этот период можно отметить преоблада-

ние тенденций к исторической (даже социологической) критике, то в исследовании истории революционной борьбы и послереволюционных лет преобладает позитивная работа — накопление материала и его научный анализ. Правильному пониманию вопросов общественного и национального развития в огромной степени способствовало ориентирующее влияние статей и выступлений революционеров ленинской школы, руководителей революционного движения на Кавказе и в Дагестане — С. Г. Шаумяна, С. М. Кирова, Г. К. Орджоникидзе, А. И. Микояна, И. В. Сталина, Н. Нариманова, У. Буйнакского, М. Дахадаева, Н. Батырмурзаева и других. Создаётся история советского Дагестана. Здесь в первую очередь надо отметить публикацию в периодической печати, по горячим следам, воспоминаний участников революционного движения и гражданской войны в Дагестане, затем начинается публикация документов, сборников.

Энергичную деятельность в области изучения истории Дагестана проявили Н. Самурский, А. Тахо-Годи, С. Габиев, Д. КORKмасов. Их работы были первыми шагами в освоении дагестанской советской исторической наукой метода исторического материализма, и, конечно, они не были свободны от недостатков, свойственных старой историографии, порой даже отступлений от марксистско-ленинской методологии, а также от несколько упрощённого социологизма. Им, однако, принадлежит немалая заслуга в деле развития исторической науки в Дагестане в первый период её становления, в организации музейного дела, в создании Института национальной культуры и научной библиотеки, в работе по сбору и публикации исторических материалов.

Изучение Дагестана широко развернулось и в центральных научных учреждениях. Академия наук СССР провела в Дагестане первые советские историко-этнографические, фольклорные и лингвистические экспедиции.

В научной периодике стали появляться статьи и отдельные документальные публикации по истории Дагестана.

Таким образом, постепенно подготавливаются условия, необходимые для развертывания в ДАССР многоплановых исторических исследований.

Постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и другие аналогичные документы 1934—1936 гг. имели большое значение и для дагестанской советской исторической науки, сыграв большую роль в преодолении вышеупомянутых «болезней роста» и освоении марксистско-ленинской методологии. Становится актуальным вопрос и о написании истории Дагестана. Институт истории АН СССР в 1936 г. по предложению правительства ДАССР приступил к сбору материалов по этому вопросу. Институт истории материальной культуры развернул археологические раскопки на территории Дагестана. Накопленный материал позволил заняться углублённым исследованием конкретных исторических тем, стало возможным приступить к выпуску прежде всего научно-популярной литературы по истории Дагестана.

Во второй период своего развития дагестанская советская историография вступает с началом Великой Отечественной войны. Война прервала планомерную работу по систематическому изучению истории Дагестана. В этот период историки обращались прежде всего к темам, связанным с традициями патриотизма и защиты своей родины, дружбы народов СССР, оперативно откликались на актуальные проблемы времени — патриотические дела и героизм на фронте, трудовые подвиги в тылу, разоблачение античеловеческой сущности фашизма.

В условиях войны совершенно закономерно было развитие в историографии тенденций актуальности, публицистичности, вызванных насущными нуждами текущего момента.

Более широкая работа развернулась после победы советского народа в Великой Отечественной войне. В первый же послевоенный год в связи с подготовкой к юбилею советской автономии ДАССР были изданы сборники статей по истории Дагестана и другие работы.

С каждым годом в деле изучения Дагестана возрастала братская бескорыстная помощь учёных других республик СССР. В работе историков возникла настоятельная необходимость раскрытия в историческом процессе внутренних связей дагестанских народов с другими братскими народами страны и прежде всего с русским народом. Раскрытию этой важной темы были посвящены серьёзные исследования, статьи и сборники дагестанских историков.

Однако в изучении истории народов СССР в послевоенные годы наблюдались и серьёзные недостатки. Некоторые историки, руководствуясь субъективными побуждениями и ложным пониманием интересов политики, искажали историю, становились на путь приукрашивания действительности. Этих недостатков не избежали и некоторые работы дагестанских историков. Так, в период культа личности были допущены извращения в оценке движения Шамиля. Получили распространение односторонние суждения о прошлом Дагестана, не уделялось достаточно внимания разоблачению колониальной политики царизма по отношению к поработённым им народам. Недопустимая практика лакировки истории и извращения в этом вопросе привели к тому, что все национальные движения в Дагестане, начиная с XIX в. и кончая 1917 г., были объявлены реакционными.

Третий период в развитии исторической науки в ДАССР начался после XX съезда КПСС. Осудив культ личности и его последствия, указав на необходимость связи науки с жизнью, съезд освободил науку от пут догматизма и дал толчок дальнейшему развитию марксистско-ленинской теории и её творческому применению к исследованию конкретного материала. В связи с этим следует отметить ту большую активизацию в развертывании исторических исследований и исправлении допущенных ранее ошибок, которую вызвали научные сессии 1957 г., проведенные ИИЯЛ в г. Махачкале и Институтом истории АН СССР в Москве. Закономерным результатом активизации дагестанской исторической науки в эти годы было создание

«Очерков истории Дагестана» в двух томах, выход в свет которых явился значительным событием в историографии республики. Это была первая попытка систематического изложения истории Дагестана с древнейших времён до наших дней, то есть создания сводного труда по истории республики, настоящая потребность в котором начала ощущаться ещё в предвоенные годы.

XXII съезд принял новую Программу КПСС. В ней ясно и точно определено назначение общественных наук на современном этапе развития нашего общества. Перед советскими историками поставлена задача раскрывать в своих исследованиях закономерный характер процесса движения к коммунизму.

Руководствуясь решениями Коммунистической партии, Дагестанский обком КПСС определил задачи историков республики и направил их усилия на преодоление имевшихся недостатков. Обращено было внимание на необходимость изучения исторических связей дагестанских народов с русским и другими народами СССР, их совместной борьбы против царизма за победу социалистической революции.

Для развития исторической науки в Дагестане создались благоприятные условия. В научный оборот стали вводиться новые богатые материалы, расширились монографические исследования и соответственно возросло число публикаций по всем периодам истории Дагестана.

В этих начинаниях большая заслуга принадлежит Институту истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР. Институт ИЯЛ возглавил археологические и этнографические исследования в республике.

В археологическое изучение республики значительный вклад внесли Р. М. Мунчаев, В. Г. Котович, Д. М. Атаев, М. И. Пикуль, М. Гаджиев. Их труды в совокупности с трудами археологов центральных научных учреждений, проводивших работы в Дагестане, позволили создать почти исключительно на основании археологических материалов в достаточной мере последовательную

и связную картину исторического процесса на территории ДАССР в древнейшие времена.

В исследовании средневековья и новой истории в Дагестане советская историческая наука имеет немалый опыт. В области изучения феодальных отношений и вопросов классовой борьбы в средневековом Дагестане много довелось поработать автору этих строк. Ценный вклад в изучение дагестанского средневековья и новой истории внесли Х. О. Хашаев, А. Р. Шихсаидов, В. Г. Гаджиев и др.

Расширилась в Дагестане и тематика этнографических исследований. Важное место в них заняла советская проблематика, в чём большая заслуга принадлежит С. Ш. Гаджиевой. Значительный вклад в изучение этнографии Дагестана внесли М. Ихиллов, М. Агларов, М.-З. Османов, А. Ислам-магомедов, А. Пашаева.

Отмечая успехи, достигнутые дагестанской советской исторической наукой в изучении истории, археологии и этнографии республики, следует особо отметить ту значительную роль, которую в этом играло на всём протяжении существования советской историографии традиционное тесное сотрудничество дагестанских учёных с историками, археологами и этнографами центральных научных учреждений, а также с учёными братских советских республик. Московские и ленинградские научные учреждения с первых лет Советской власти вели активные научные исследования в Дагестане. По их инициативе и при их участии не раз проводились научные конференции, совещания и совместные разработки проблем по дагестанской тематике. Мы отдаём должное трудам академиков В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, И. А. Орбели, Н. Я. Марра, трудам К. В. Тревер, М. И. Артамонова, А. П. Круглова, К. Ф. Смирнова, А. С. Башкирова, Н. Б. Бакланова, С. В. Юшкова, А. Н. Генко, Е. А. Пахомова, Е. И. Крупнова, Е. Н. Кушевой, А. А. Иессен, А. В. Фадеева, Е. М. Шиллинга, И. П. Петрушевского, Л. И. Лаврова, А. Мельчина, И. Разгона и многих других учёных, внёсших большой вклад в развитие исторической науки в Дагестане. Видные учёные страны оказывали также

неоценимую помощь в подготовке местных кадров историков.

Изучением советского периода истории Дагестана заняты весьма значительные силы историков республики, ибо трудно назвать в многовековой истории Дагестана период, имевший столь же большое значение для исторических судеб народов Дагестана, приведший к столь же значительным и многочисленным социальным переменам, столь же насыщенный фактами борьбы и созидания, как советский период.

Давно и плодотворно разрабатывают темы Октябрьской революции и гражданской войны в Дагестане Н. Эмиров, Г. Аликберов, Б. Кашкаев, Ш. Магомедов, А. Гаджиев.

Систематическое научное исследование истории ленинской партии, эта важнейшая задача советской исторической науки, не может успешно осуществляться без знания истории местных партийных организаций. Поэтому история Дагестанской партийной организации стала предметом плодотворных исследований многих наших историков. Подготовлены к изданию «Очерки истории Дагестанской партийной организации» — первая попытка систематически изложить историю Дагестанской партийной организации от её зарождения до наших дней.

Почётное место в дагестанской историографии заняли работы, посвященные роли В. И. Ленина в истории народов Дагестана. В последние годы издан ряд сборников и опубликовано значительное количество статей, посвященных этой важной теме. Большое место в тематике работ дагестанских историков заняли вопросы социалистического и коммунистического строительства. Созданы труды, в которых рассматривается переход народов Дагестана от патриархально-феодальной старины к социализму. Значительный прогресс достигнут в изучении культуры, быта, мировоззрения дагестанских народов в исследованиях М. А. Абдуллаева, А.-Г. Агаева, С. М. Гаджиева, А. Беймурзаева и др. Тема культурной революции остаётся актуальной для исследования и сегодня. Дагестанская совет-

ская историография располагает сегодня монографическими исследованиями по всем основным темам истории ДАССР советского периода: по истории социалистической индустриализации и коллективизации, формированию рабочего класса, по вопросам национальной консолидации и становления социалистических наций в Дагестане. Проблемы, имеющие прямое отношение к современной жизни республики, заняли ведущее место в исследованиях Г.-А. Даниялова, А. Абилова, Г. Османова, Г. Каймаразова, М. Вагабова, А. Алиева, А. Магомедова, А. Мусаева и др. Немалое место занимают работы, посвящённые трудовой деятельности рабочих, крестьян и интеллигенции в сфере создания материально-технической базы коммунизма, а также новым отраслям хозяйства, новым стройкам, городам, совхозам, вопросам коммунистического воспитания и коммунистической морали, дружбы народов и интернационализма.

Следует отдать должное и такой области дагестанской советской историографии, как научно-популярная литература по истории Дагестана. Потребность в ней возросла в связи с новыми задачами исторического образования, поставленными перед преподаванием истории в связи с принятием новой Программы КПСС. Такие пособия, рассчитанные на учителей, студентов, учащихся и массового читателя, затрагивают различные темы: археология, древняя и средневековая история Дагестана, история культуры народов Дагестана, объективно-прогрессивная роль русской культуры, революционное движение среди горского крестьянства, события 1905 г. как школы революционной борьбы народных масс Дагестана.

Успехи советской исторической науки позволили приступить к написанию труда, в котором исторический процесс в Дагестане отражён наиболее полно и который является своеобразным обобщением работы над историей Дагестана, проделанной за полвека всеми советскими историками. К 50-летию Октября коллектив Института истории, языка и литературы подготовил в академическом издании «Историю Дагестана» в четырех томах.

3. Проблема происхождения дагестанских народов в дореволюционной историографии

Вопрос о происхождении дагестанских народов в дореволюционной историографии был чрезвычайно усложнён и запутан. Для большинства исследователей, писавших о Дагестане, этническая история дагестанских народов всегда оставалась историей перемещений, миграций, скрещивания и влияния.

Одно из важнейших положений русской буржуазной историографии гласило, что дагестанские народы на нынешней территории являются пришельцами. По мнению ряда дореволюционных авторов, древний Кавказ, в том числе и Дагестан, во время мировых катастроф и переселений народов был убежищем различных народов и племен¹. Вообще, какие бы племена ни двигались с востока на запад, будь это киммерийцы, скифы, гунны, тюрки, авары, болгары, аланы или половцы, все они сворачивали с пути и шли на юг к Кавказу. А Дагестан был непременно этапом на пути их движения. Действительный член Одесского общества истории, член-корреспондент Санкт-Петербургского археологического и нумизматического общества П. Иосселиани после своего посещения Дагестана в 1861 году издал работу, в которой говорилось: «Дагестан — это часть великой книги природы. На первозданных горах его, как на листах книги, читается история допотопного мира о скелете земного шара и история допотопного образования. Горцы есть беглецы от семейного общества человеческого. Они заперлись в горах, как в всемирной крепости, удалив от себя всякое покушение человека подойти к ее крепким сте-

¹ См. выступление председателя подготовительного комитета А. С. Уварова. Пятый археологический съезд в Тифлисе. М., 1879, стр. 9; И. И. Пантюхов. О кумыках. Антропологический очерк. Тифлис, 1895, стр. 7; А. Лилов. Очерк быта кавказских горцев. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, XIV, Тифлис, 1882, стр. 2.

нам»¹. Еще дальше пошел в своих суждениях о заселении Кавказа известный филолог-дагестановед П. К. Услар. По его мнению, народонаселение Кавказа без конца умножалось за счет притока «новых этнических стихий». «Горское народонаселение, — писал Услар, — умножалось притоком новых этнических стихий, более и более разнообразивших, но не обогащавших его: новые пришельцы, вступая в ущелья сурового Кавказа, как бы отрекались от всего прошлого; на Кавказе искали они лишь свободы, взамен чего подчинялись строгому уставу горской отчужденной жизни. Всех без разбору Кавказ принимал к себе, но, раз приняв, не выпускал более никого; не заботясь о прошлом пришельца, будущее его, единожды навсегда, выковывал в неизменную форму»².

Когда поднимался вопрос об историческом прошлом и культуре дагестанских народов, сторонники этих взглядов говорили, что, мол, какое может быть у этих народов свое культурное прошлое и тем более настоящее. Это, мол, по природе «дикие народы» и «хищники», не имевшие никакого понятия о гражданском устройстве. Наиболее четко сформулирована эта концепция у царского генерала Р. А. Фадеева, автора книги «Шестьдесят лет кавказской войны», написанной по заданию наместника Кавказа кн. Барятинского. «Население гор, — писал он, — несмотря на коренные различия между племенами по наружному типу и языку, всегда было проникнуто совершенно одинаковым характером в отношении к соседям, кто бы они ни были, характером людей до того сроднившихся с хищничеством, что оно перешло к ним в кровь, образовало из них хищную породу, почти в зоологическом смысле слова»³. С позиций колониализма рассматривал вопрос о прошлом кавказских народов и такой лингвист, как Услар. Он писал: «Если мы от отвлечённых рассуждений о влиянии мест-

¹ П. Иосселиани. Путевые записки по Дагестану в 1861 г. Тифлис, 1862, стр. 8.

² П. К. Услар. Древнейшие сказания о Кавказе. ССКГ, вып. X. Тифлис, 1881, стр. 245.

³ Р. А. Фадеев. Соч., т. I, ч. I, СПб, 1890, стр. 12—13.

ности на людей обратимся к положительным историческим фактам, то найдем, что никогда, ни при каких обстоятельствах, кавказские горцы не играли никакой исторической роли: несмотря на всю беззащитность прилежащих к ним равнин, ни в какую эпоху, даже на короткое время, не успевали они ни создать, ни даже разрушить там чего-либо надолго; внешняя деятельность их никогда не возвышалась над грабежом и разбоем»¹. Этим самым доказывалась неполноценность кавказских народов. Барон Услар, много сделавший для изучения дагестанских языков, в этом вопросе пошел против исторической правды.

Попытки всячески принизить и умалить достоинство кавказских народов до революции делались не только Р. Фадеевым и П. Усларом, но и другими авторами². Известный дореволюционный кавказовед А. Дирр писал, что «Кавказ не имеет культуры, выросшей на родной кавказской почве. Тут почти все позаимствовано»³.

Дворянские и буржуазные историки отбрасывали в сторону вопросы об общественном строе горских народов, об отношении кавказских народов друг к другу и об их этническом и языковом родстве. Кавказские народы рассматривались как отдельные этнические группы, находившиеся в вечной вражде между собою. Для большинства дореволюционных авторов начальный период кавказских народов не имел никакого значения, так как неизвестные пришельцы из различных частей света являлись, по их мнению, первоначальными обитателями и Дагестана, и других кавказских земель.

Вряд ли можно согласиться с такой трактовкой вопроса о происхождении дагестанских народов. Подобные утверждения ничего общего не имеют

с наукой. Кавказ был заселён издревле. Он относится к тем районам, где много тысяч лет тому назад произошло становление человека как разумного существа. Кавказ является одним из древнейших очагов человеческой культуры. В период «великого переселения» народов Кавказ, вопреки утверждениям авторов «теорий неизвестных пришельцев», не был пустыней, которую легко можно было захватить.

Здесь в то время уже сложился ряд культурных государств, хорошо организованных в военном отношении и способных дать отпор иноземным завоевателям.

Существует предание, говорящее о том, что современный Дагестан был заселен в VII веке до начала нашей эры. Это заселение связывают с вторжением скифов в Закавказье. Предание повествует о том, что скифы многочисленными ордами вторглись в Грузию и Армению, опустошили эти страны, забрали много пленных и вернулись обратно в северное Причерноморье. Из этих пленных народов скифы образовали на Северном Кавказе два царства — одно на Тереке до западной оконечности гор под владычеством Уобоса, сына царя скифов, а другое — на востоке, под управлением двоюродного брата царя. Из подданных первого возникли осетины, а на востоке, где построили Хунзах, произошли народы Дагестана¹.

Трудно, конечно, установить что-либо конкретное из сказанного для решения так сильно запутанного вопроса об образовании дагестанских народов. Но одно ясно для нас, что плененные скифами народы не могли служить этнической базой для образования дагестанских народов. Больше того, мы располагаем археологическим материалом, который свидетельствует о том, что и во время вторжения скифов Дагестан был заселён земледельческо-скотоводческими племенами, имевшими свои культурные традиции и свои военные организации. Так что Дагестан к этому времени в основном был уже заселен теми племенами, которые

¹ П. К. Услар. Указ. соч., стр. 243.

² См. Е. Л. Марков. Очерки Кавказа. Картина Кавказской жизни, природы и истории. СПб, 1887, стр. 518; Д. И. Романовский. Кавказ и Кавказская война. СПб, 1860; Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе в VI томах.

³ А. Дирр. Экскурсия по Дагестану. I. В Табасаранском округе. Тифлис, 1903.

¹ С. Баратов. История Грузии. Т. I, СПб, 1865, стр. 10.

позже стали известны по письменным источникам. Другое дело роль скифов вообще. Они, несомненно, сыграли определенную роль в формировании племен, населяющих Приморский Дагестан.

Желание во что бы то ни стало доказать, что дагестанские народы являются остатками неизвестных кочевых орд, было особенно распространено среди западноевропейских историков. Были и такие западные писатели, которые отыскивали среди современных дагестанских народов своих первоначальных предков. Барон Август фон-Гакстгаузен договорился до того, что считал: «большое ущелье посреди Кавказа служило воротами при переходе индо-германских народов в Европу. Страна оссов или осетин была точкой отдохновения, а осетины — отставшие братья этих народов»¹.

В термине «индо-германские народы» проявляется откровенный расизм. Достоверно известно, что ни древний, ни средневековый Кавказ не знает ни одного случая пребывания на его территории индо-германских племен².

О происхождении кавказских народов много писалось и в восточной литературе. Мусульманские историки стремились представлять все, что было у народов до торжества ислама, в самом невыгодном свете. Они усердно внедряли в умы масс мысль, что до ислама царил повсеместно «хаос», а позднее население делилось на две категории: на мусульман и кафилов. Все, что было до начала «мусульманской эры», вычеркивалось из истории народов. Так поступали мусульманские историки и при освещении прошлого дагестанских народов. Типичным в этом отношении является высказывание дагестанского историка, ревностного поборника ислама Мухаммеда Рафи. Он писал, что в Дагестане много владений и земель. «Обитатели этих земель были неверные, жестокие, идолопоклонники и хуже собак. В каждой деревне находились негод-

ные и ничтожные владельцы, которые правили неверными обитателями, и в каждом городе находились вероломные и тиранские правители, которые приказывали делать зло и воспрещали благо»¹.

В отличие от арабо-персидских историков пантюркисты объявили все народы Кавказа турецкими. Расистско-националистическая теория пантюркистов в отношении народов Кавказа нашла свое воплощение в захватнических планах султанской Турции. Особенно она проявилась в период гражданской войны и интервенции в нашей стране. Тогда турецкие интервенты вторглись в Дагестан и другие кавказские республики, чинили грабежи и кровавые злодеяния. Трудящиеся Дагестана никогда не забудут, что от рук турецкого офицера Казым-Бея погиб верный сын нашего народа председатель Совета обороны Султан-Саид Казбеков и другие борцы за власть Советов в Дагестане. В наши дни турецкие реакционные круги используют старые бредовые идеи пантюркистов о превосходстве турецкой расы, мечтают о завоевании с помощью американцев чужих территорий, якобы населенных тюркскими народами². В журнале «Чинаралты» (№ 27 за февраль 1942 г.) пантюркистский поэт Юсуф Зюлеля писал: «Настанет день, когда мы, как Тимур, пойдем из Анатолии в Индию, взойдем на Гималаи и создадим союз Дагестана, Крыма, Казани, Ирана. Все враги Турции будут уничтожены»³. Турецкие реакционные историки (Шамсудин Гуналтай, Хикмет Байюр, Зеки Велиди, Тоган и др.) объявили Кавказ «священной родиной турок»⁴. Это явная историческая фальшь. Ни один дагестанский народ ни по происхождению, ни по культуре не имел ничего общего с турками. Каж-

¹ Извлечение из истории, составленное Мухаммедом Рафи, ССКГ, вып. V, Тифлис, 1871, стр. 9—10.

² В. Крымский. Пантюркисты — фашистская агентура в Турции. Журнал «Большевик», № 10—11, 1944, стр. 83.

³ Там же.

⁴ М. Г. Нерсисян. Фальсификация истории народов Закавказья в современной американо-английской и турецкой реакционной историографии. Труды Объединенной научной сессии по общественным наукам, Баку, 1957, стр. 109.

¹ Август фон-Гакстгаузен. Закавказский край, ч. II, СПб, 1857, стр. 123.

² «Индо-германские народы» и индоевропейские народы это не одно и то же. Одним из представителей индоевропейских народов некоторые ученые считают осетин.

дый дагестанский народ имеет свою историю, но никакого отношения она не имеет к «турецкой расе», кроме тех страниц истории, которые связаны с борьбой против разбойничьих, грабительских походов турок.

В своих рассуждениях об этногенезе дагестанских народов от панисламистов и панарабистов недалеко ушли и дореволюционные местные феодально-клерикальные историки. В газете «Дагестан» на арабском языке за 27 августа 1915 года была напечатана статья местного арабиста, в которой говорилось: «Горы Кавказа в прошлом были местом ссылки, куда великие цари ссылали преступников из своих подданных, как позже ссылали русские цари таких людей в Сибирь, на Сахалин и в другие места». Следовательно, говорилось в статье, «нынешние различные горские народы с их языками являются потомками тех людей, которые были сосланы сюда с разных концов света».

Даже такой знаток Восточного Кавказа, как А. Бакиханов, до конца не смог отрешиться от традиционных ошибочных взглядов на происхождение дагестанских народов. Он писал, что «каждое племя на Кавказе, говорящее языком отличным от других, есть, может быть, остаток прежних народов, которых имена сохранила история, а потомки их здесь только уцелели»¹. Не отрешился от этого и дагестанский историк Г. Алкадари. Для него население Дагестана оставалось загадочными потомками различных групп народностей².

Дореволюционная историческая литература о Дагестане содержит в себе не только материал о происхождении дагестанских народов в целом. В этой литературе также высказывались различные, правда не проверенные в научном отношении, взгляды относительно происхождения отдельных дагестанских народов.

Например, о дагестанских аварцах и лакцах говорят грузинские источники. В грузинской лето-

писи сохранилась подробная запись, повествующая о том, что современные аварцы являются остатками аваров, известных по византийским источникам. В летописи Грузии сказано, что в царствование в Греции Юстиниана, а в Грузии Гурама с востока пришли авары и завоевали все земли от моря Каспийского до моря Черного. «Царь Гурам вел с ними ожесточенную войну и причинял им великий вред. Поэтому беки этого народа отправились в Грецию (Византию) и обещали Юстиниану, что они будут служить ему и будут ему повиноваться, если он учинит мир между аварцами и царем Грузии Гурамом. Юстиниан принял предложение и просьбу аваров сообщил Гураму. Сей царь учинил мир с аварцами, а затем расселил их в горных ущельях Кавказа, а также в Хундзахе, где они и ныне называются аварцами; самых знатных же аваров царь поселил в Карталии и дал им княжеские достоинства»¹.

События эти имели место в VI веке н. э. Действительным в этом летописном рассказе является только то, что авары пришли в Восточную Европу со стороны Средней Азии и некоторое время они совершали свои набеги на Дагестан и Закавказье. Но те авары, которые известны по византийским источникам и по русским летописям, ничего общего ни по языку, ни по культуре не имели с дагестанскими аварцами. Авары русских летописей — это тюрко-язычный народ. И грузинский летописец просто спутал дагестанских аварцев с кочевыми аварцами южнорусских степей, потом ушедших на Балканы.

Некоторые дореволюционные историки отождествляли аварцев с гуннами, монголами, самоедами и находили даже сходные черты. «Жители деревни Гуниб, — писал Бакиханов, — с прибавкой буквы «б», которая иногда отбрасывается, составляют остатки безобразного и свирепого народа гуннов»².

¹ Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России, СМОМПК, вып. XXII, стр. 9.

² А. Бакиханов. Гулистан-Ирам, Баку, 1926, стр. 15. См. также о гуннском происхождении аварцев у П. Ф. Свидерского. В горах Дагестана, Петровск, 1903, стр. 46—47.

¹ А. Бакиханов. Гулистан-Ирам, Баку, 1926, стр. 14.

² Г. Алкадари. Асари Дагестан. СМОМПК, т. 46, Махачкала, 1929, стр. 22.

В прошлом столетии некий венгр Бесса приезжал на Кавказ со специальной целью отыскать среди горского населения следы мадьяр. В 1838 г. в Париже вышла его работа, в которой он устанавливает якобы венгерское происхождение не только аварцев, но и лезгин.

Антрополог П. Ф. Свидерский¹ считал, что аварцы по антропологическим признакам имеют много общего с европейцами, арабами и африканцами. По его подсчетам, среди аварцев до 30 проц. было метисов-шатонов с серыми глазами, до 30 проц. аварцев представляли собою потомков гуннов, а остальные являются арабами по своему происхождению. Н. Я. Марр современных аварцев рассматривал как потомков исчезнувшего на Кавказе албанского народа². Высказывание Марра близко к истории. Аварцы, как и другие народы, входили в состав Кавказской Албании.

Еще до революции делались попытки объяснить имя аварского народа. Некоторые ученые пытались объяснить имя аварец тюркским словом авара, авараль, что означает: сварливый, беспокойный, странствующий³.

Любопытно, как называли аварцев соседние с ними дагестанские народы. Так, например, даргинцы аварцев называют каракан, лакцы — ярчу, лезгины — балк, чеченцы — сули, кумыки — называли горцев Северного Дагестана таули (тавлинцы), что означает в переводе — горские жители.

В Аварии проживало свыше пятнадцати этнических групп. Каждая из них имела свое самоназвание. Так, например, аварские племена, живущие

к северу от Хунзаха, называли себя маарулами¹ (от меэр — гора, маарул — горец). Другие именовали себя багулалами, гидатлинцами, ахвахами, андийцами, каратинцами, тиндинцами, капучинцами, чамалалами и т. д.

Грузины всех живущих на северном склоне Кавказского хребта дагестанцев, в том числе аварцев, называли общим именем члуходар, что в переводе означает — человек с открытой грудью². Кахетинцы дали дидойцам имя цунта³.

По-разному объясняли истории происхождения лезгин. Согласно пониманию одних исследователей, лезгины на Кавказ явились в качестве персидских колонистов. Автор известного труда «Тарихи Дербенд-намэ» писал, что из учрежденных Ануширваном провинций одну населяли лезгины, выведенные из Исфагана⁴. Другие исследователи относили жителей лезгинской деревни Микрах к остаткам племени руссов⁵, переселившихся в Южный Дагестан во время владычества хазар. Находили много общего в происхождении лезгин с монголами⁶ и евреями⁷.

Весьма туманные объяснения давались в дореволюционной литературе и происхождению имени лезгин. Некоторым авторам казалось, что название лезги, лазги произошло от смешения их с лазами в Закавказье⁸. Другие авторы объясняли слово лезгин как житель гор⁹. Были и такие, для кото-

¹ См. Дагестанский сборник, вып. I, Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 42, 41—42.

² Е. Вейденбаум. Указ. соч., стр. 101.

³ Там же, стр. 69.

⁴ Тарихи Дербенд-намэ. Под ред. М. Алиханова-Аварского. Тифлис, 1898, стр. 133.

⁵ А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 14.

⁶ И. И. Пантюхов. Антропологические наблюдения на Кавказе. Записки кав. отд. русского географ. общества. Тифлис, 1893, стр. 103.

⁷ Д. Бабаев. Селение Ахты, СМОМПК, вып. 18, стр. 138.

⁸ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 8.

⁹ Памятная книжка Дагестанской области. Составил Е. И. Козубский. Темир-Хан-Шура, 1895, стр. 51.

¹ П. Свидерский. В горах Дагестана. Путевые впечатления, случайности и антропологические заметки. Петровск, 1903, стр. 51.

² Н. Я. Марр. Непочатый источник истории Кавказского мира. Петроград, 1917, стр. 316.

³ Е. Вейденбаум. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888, стр. 60; П. К. Услар: «На языках Дарга авар, ауар значит: сварливый, беспокойный; нет сомнения, что из этого название перешло к кумыкам и татарам». См. «Кюринский язык», стр. 7.

рых слово лезгин означало разбойник¹. Есть и такое мнение, согласно которому слово лезгин происходит от лакского слова «ласка» — высокий, возвышенный, горный горец (от глагола «лакан» — подниматься)². П. К. Услар считал, что происхождение названия лезгин не имеет корней в кюринском (лезгинском) языке. Это название лезгинам было дано соседними тюркскими народами³. Тот же Услар вслед за дербентскими учеными считал весьма вероятным, что название лезгины получило распространение во время завоевания арабами Дагестана. Арабское слово ля-зари означало нечистые⁴. Этим именем арабы окрестили жителей Приморского Дагестана.

Существует предание об индийском происхождении лезгин. Лезгины, по словам историка Кавказа XIX в. А. Берже, еще в первой половине XIX в. рассказывали, что далекие предки их являлись выходцами из Индии. Вначале они поселились на территории, где позднее образовалось Ширванское ханство, и распространялись на север Кавказа до реки Дона. Позднее, спустя примерно восемь столетий, земля их была сперва опустошена хазарами, а затем персами. Часть лезгин была истреблена, а уцелевшая часть оттеснена в горные районы Дагестана⁵.

Нам кажется, в этом предании есть зерно истины. В древний период действительно лезгины и близкие к ним племена Дагестана занимали более обширную территорию и были более многочисленны.

¹ А. В. Комаров. Народонаселение Дагестанской области. Зап. кавказ. отд. русского географ. общества. Кн. 8, Тифлис, 1873, стр. 6.

² Д. Б. Бутаев. «Лезгин», «Уздень». Рукоп. фонд Института ИЯЛ, № 1557, л. 2.

³ П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание, VI. Кюринский язык, Тифлис, 1886, стр. 7.

⁴ П. К. Услар. Лакский язык. Тифлис, 1890, стр. 24.

⁵ А. Берже. Краткий обзор горских племен Кавказа. Кавказский календарь за 1858 г., стр. 305; Шопен. Новые заметки на древнюю историю Кавказа и его обитателей. СПб, 1866, стр. 414.

Что касается индийской версии происхождения лезгин, то она недоказуема.

Вполне возможно, что южнодагестанские племена некогда подверглись культурному влиянию со стороны Закавказья, а также со стороны Мидии и Парфии. Но на этом основании нельзя объяснить происхождение лезгин. Этническая история южнодагестанских племен началась гораздо раньше появления евреев и монголов на Кавказе. Лезгины и удины близки были к албанскому населению, к тому же известно, что удинский язык является наследником албанского языка.

По свидетельству П. К. Услара, в его время существовало на Кавказе лезгинское этническое название ганноаче¹. Происхождение этого названия не установлено, да и самим лезгинам тоже не было известно это название.

Табасаранцев одни исследователи считали потомками армян, другие — евреев, а третьи — переселенцами из Персии². Немецкий языковед и этнограф А. М. Дирр, долгое время находившийся на Кавказе, опубликовал ряд работ и статей по языкам и этнографии народов Дагестана. В одной из статей «В табасаранском округе», исходя из чисто расовой теории, он объявляет табасаранцев монголами по происхождению. «Косые глаза, — говорит он, — выступающие скулы, плоские носы, широкие лица, редкая борода — все это явления монгольской расы»³. Далее, заявляя без всякого на это основания, что женщины-табасаранки говорят чище на родном языке, чем мужчины, Дирр делает из этого вывод: «Какие-нибудь завоеватели монгольской расы вторглись в страну последних, почти поголовно истребили мужчин, поселились здесь и смешались с туземцами, с женщинами, в которых уже ранее было много семитической крови. Таким образом, произошла смешанная раса и этому об-

¹ П. К. Услар. Древнейшие сказания о Кавказе, стр. 391.

² А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 34.

³ А. М. Дирр. Экскурсия по Дагестану. В Табасаранском округе.

стоятельству табасаранский язык обязан своеобразным характером своим¹.

В высказываниях о табасаранцах Дирр явно пренебрегает историческими фактами. Монголы действительно были в Дагестане. Если идет речь о монголах 40-х годов XIII в., завоевавших Дагестан, то нам неизвестно ни об одном факте поголовного истребления монголами табасаранского мужского населения. Табасаранцы составляют один из исторически сложившихся дагестанских народов. О них (наряду с агулами и леками) говорится в армянской географии седьмого века². Их хорошо знали арабские завоеватели.

Вообще следует отметить, что в литературе все более и более укоренялся взгляд о том, что многие дагестанские языки оказались под влиянием ирано-турецко-монгольских языков. Это признавал даже акад. В. В. Бартольд. По его словам, в древние времена «представители трех обширных лингвистических групп» (иранцы, турки и монголы) подходили к Кавказу. Эти группы «оказали влияние на кавказские языки или сами подчинялись влиянию последних»³.

Лакцев и часть лезгин (микрахцев) относили к остаткам племени руссов, переселившихся в Дагестан «во время владычества хазар». Кроме «физиономии и обычаев», которые, по мнению Бакиханова, сходны с русскими, это ещё подтверждается и тем обстоятельством, что «казикумухцы и поныне, приветствуя встречного, снимают шапку и говорят «изров», что сходствует с русским «здоров»⁴.

Конечно, по внешним признакам трудно определить этническую принадлежность того или иного народа. Как ни странно, но в Дагестане легенда о русском происхождении аварцев, лезгин, лакцев и др. — явление часто повторяющееся. Это нашло

свое отражение и в устном народном творчестве. Секретарь Шамиля Гаджи-Али свидетельствует об обычае, существовавшем в аварском ханстве, по которому если прекращался род аварских ханов, «то на престол должен был быть избран хан из русских, грузин или армян»¹. Чем же все это можно объяснить? Когда-то (может быть, в раннее средневековье) дагестанские племена имели тесное культурное общение со славянским миром. Вообще надо сказать, что в этом вопросе еще много загадочного. Но в том, что древние дагестанцы имели тесное общение со славянами, не может быть никакого сомнения. Дагестанцы с восточными славянами общались при хазарах и позднее. Есть указание в источниках на участие древних руссов вместе с дагестанцами в борьбе с арабами². После ликвидации Хазарского государства на Волге древние руссы являлись частыми гостями на Северо-Восточном Кавказе. В X веке Дербент становится центром сбыта для русского льна³. В 1175 году русская флотилия выполняла службу у дербентского правителя⁴. Очевидно, вот с этими культурно-историческими связями Дагестана и древней Руси следует связать и сохранившееся предание о славянском происхождении отдельных групп дагестанцев. Нашествие татаро-монгол надолго нарушило эти связи и замкнуло действия дагестанских горцев в узко географические рамки.

По классификации Бакиханова, лакское население разделяется на три ветви — качи, медчи и кумух. Качи составляют часть славян, гуннов, аваров и хазаров; медчи происходит от слова «мекке», а поэтому и должны быть арабского происхождения, а кумухцы — остатки камак⁵.

¹ Там же.

² Армянская география VII века по р. х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому). Текст и перевод К. П. Патканова. СПб, 1887, стр. 27.

³ В. В. Бартольд. К вопросу о происхождении кайтаков. Этнографическое обозрение, № 1—2, 1910, стр. 37.

⁴ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 14.

¹ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. ССКГ, вып. VII.

² Извлечение из истории, составленное Мухаммедом Рафи, стр. 18.

³ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 27.

⁴ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1944, стр. 243.

⁵ А. Бакиханов. Указ. соч., стр. 14.

Нам неизвестно, на чем основывал А. Бакианов свое деление лакского населения на три группы. Лакцы задолго до нашествия гуннов, аваров, тюрков, хазар и арабов обосновались на той территории, на которой они живут и поныне. Становление лакцев как этнической единицы произошло раньше, чем были совершены нашествия на Дагестан гуннов, аваров, хазар и арабов. Прэтому названные завоеватели в этногенезе лакцев не могли играть какую-либо роль. Да и вообще нет ни одного факта, подтверждающего пребывание гуннов или аваров на территории, населенной лакцами.

Для Услара под именем казикумухов или лакцев выступали классические леги¹. Нам кажется, для такого мнения нет никакого основания. Античные леги и лаки, или лакцы — это не одно и то же. Понятие леги гораздо шире, чем понятие лаки.

Среди населения Дагестана лакцы известны: у аварцев под именем тумал, акушинцев — булугуни, цудахарцев — вулучуни, лезгин и табасаранцев — яхулар². Сами себя лаки зовут лакучу (с родины, родной земли).

Таты, то есть горские евреи, главным образом проживают в Южном Дагестане. О них в литературе сложились разные взгляды. Некоторые авторы³ в татах пытались видеть остатки древних евреев, поселенных на Кавказе в ассирио-вавилонскую эпоху, а другие авторы считали, что они были переселены в разное время из Персии на подвластный ей некогда Кавказ как колонисты, якобы для борьбы с северными народами. Из свидетельств некоторых арабских писателей можно сделать заключение, что арабы при завоевании Дагестана уже застали тут татов в значительном числе. Они известны были и во время хозяйничания хазар в Дагестане. Но в какое именно время предки ны-

нешних татов явились на Восточный Кавказ — об этом не сохранилось достоверных сведений.

Название тат, видимо, не есть собственное обозначение горских евреев Кавказа. Слово тат на джагатайском наречии тюркского языка означает подданный, слуга¹. Это название тюркские племена давали всем поработанным ими народам и племенам, ведущим оседлый образ жизни.

Действительным является то, что в Дагестан сначала с севера, а затем и с юга просочились ираноязычные племена: киммерийцы, скифы, аланы и др. Часть из них ассимилировалась с местными племенами. Можно предположить, что таты и являются одним из сохранившихся элементов просачивания в Дагестан ираноязычных племен. Высказывается и другое мнение, что горские евреи являются самостоятельной этнографической группой и они сложились в самом Дагестане².

О даргинцах в дореволюционной литературе писалось то же самое, что и об остальных дагестанских народах. Разница заключалась только в том, что единство происхождения даргинского народа ставилось под сомнение. Каждому более или менее крупному населенному пункту приписывалось свое особое происхождение. Так, например, жителей сел. Акуша по происхождению связывали с армянами, Цудахара — с грузинами, Мекеге — с евреями, Усиша — с русскими, Кубачи — с французами, Кайтага — с монголами³; другие считали каракайтагов потомками либо древних римлян, либо арабов⁴.

Высказывалось также мнение, что в формировании большей части акушинского и кайтагского населения участвовали персы, арабы и турки⁵. Во

¹ П. К. Жузе. К выяснению значения слова тат. Баку, 1930, стр. 14.

² М. М. Ихлов. Горские евреи. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1949, стр. 8.

³ В. В. Бартольд. К вопросу о происхождении кайтаков. Этнографическое обозрение № 1, 2, 1810.

⁴ П. Ф. Свидерский. В горах Дагестана, Петровск, 1903, стр. 52.

⁵ А. Бакиханов. Указ, соч., стр. 14.

¹ П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. IV, Лакский язык. Тифлис, 1890, стр. 2.

² Там же.

³ И. Черный. Краткие исторические сведения о горских евреях. Тифлис, 1869.

всем этом не трудно увидеть стремление противопоставить одну группу даргинского населения другой. На самом деле оснований для такого утверждения не было. В названных населенных пунктах жило по своему этническому составу однородное население. В Цудахаре, Акушах, Мекеге, Кайтаге, Усишах население говорило на даргинском языке. Правда, существовали среди них языковые различия. Но диалектные различия, существовавшие между отдельными даргинскими группами населения, не дают основания утверждать, что даргинцы произошли именно от вышеназванных мнимых предков. Группировка даргинского населения по политическим организациям (хIуреба) сообразно с диалектными особенностями языка имела место вплоть до середины XIX века. Это уже традиция, восходящая к глубокой древности, к периоду военной демократии, к племенному строю. От нее к XIX веку уцелели только отдельные организационные черты в виде даргинских вольных обществ.

Определенный интерес для исследователей представляет бытующее среди акушинского и цудахарского населения предание об армяно-грузинском их происхождении. Конечно, маловероятно, чтобы акушинцы и цудахарцы произошли от армян и грузин. Но в этом предании есть что-то, заставляющее нас призадуматься. Советскими лингвистами установлено родство дагестанских языков с грузинским и другими кавказскими языками. Если это в действительности так было, то почему хотя бы на короткий период нельзя предположить историческую общность дагестанских народов с другими кавказскими народами. Например, изучение даргинского языка и его развития следовало бы прямо увязать с древней историей кавказских народов, в частности армян и грузин. Тогда мы, несомненно, нашли бы ключ к пониманию исторической основы возникновения акушино-цудахарского предания об армяно-грузинском их происхождении.

Совсем не обязательно замыкать процесс этногенеза дагестанских народов узкими географическими и этническими рамками Дагестана.

Надо отметить, что кубачинцы до революции привлекали к себе особое внимание исследователей. О кубачинцах написано много статей и брошюр на самых разных языках, где с большой тщательностью разбирается вопрос — кем же в конце концов по своему происхождению являются кубачинцы.

Принимая во внимание проявляемый в их изделиях высокий класс искусства и вкус, некоторые писатели, как Байер, Гильденштетт, высказывали мнение, что кубачинцы происходят от генуэзцев, которые, как известно, в XIII веке и в следующих столетиях поселились по берегу Черного моря.

Группа исследователей (Эйхвальд, Комаров, Миллер) старались доказать, что кубачинцы происходят от греков, алан и германцев. Другая группа исследователей в кубачинцах видела заброшенных на Кавказ крестоносцев. Были и такие, которые считали кубачинцев персидскими колонистами ануширванского времени.

Наконец, нашлись люди, которые считали кубачинцев выселенцами из Богемии или Моравии. В 1782 году Сарептская колония моравских братьев направила послов к кубачинцам для установления родственных связей со своими предками¹.

Язык кубачинский пытались сравнивать с французским и итальянским и находили сходство. Мало того, один антрополог², сравнив кубачинцев с итальянцами по носовому признаку, пришел к заключению, что кубачинцы — итальянцы, ибо ему казалось, что изящное искусство характерно только для итальянцев.

Сами кубачинцы рассказывают о себе так: «Наши предки в числе около полутораста мастеров-френгов были взяты из Рима Искендером Зулькарнен (Александром Македонским) с собой в поход для выделки оружия. Сами же они отделились от войска или были оставлены почему-либо — неизвестно, но, очутившись вблизи моря, они были

¹ См. С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, стр. 327—328.

² П. Ф. Свидерский. В Дагестане. Кубачи и кубачинцы. Газ. «Кавказ». 1903, № 15, 29, 31.

водворены тогдашним властелином Дербентского побережья в местности (вблизи Дербента), где они занимаются выделкой панцирей. Но климат Кемаха, а равно и Дарша (деревня около Маджалиса), куда они были переселены через год, оказался для них пагубным. Поэтому они удалились в горы и избрали настоящее место нашего аула, где во все времена, как и теперь, все были мастерами и никто не занимался ни земледелием, ни скотоводством. Поселившись здесь, предки наши взяли жен из соседних обществ, утратили первоначальный язык свой и прославились как лучшие в Дагестане мастера, снабжавшие почти весь край сначала панцирями, кольчугами, луками и стрелами, а затем оружием и пистолетами»¹.

Из всех существующих версий о происхождении кубачинцев наиболее распространенной до революции являлась версия о том, что кубачинцы по происхождению французы². Эта версия основана на следующем предании, передаваемом в различных вариантах. Шамхал Тарковский однажды обратился к французскому королю с просьбой прислать к нему 40 оружейных мастеров. Тот послал³. Они жили сначала у самого шамхала, а затем поселились в Дербенте, но они были народ неуживчивый, ссорились с жителями и потому должны были покинуть город. Когда они вышли из города, жители заперли за ними ворота, чтобы больше их не впускать. Из Дербента кубачинцы пошли к даргинцам и поселились в нынешнем Дахадаевском районе, назвав себя арбуками.

Были произведены антропологические исследования кубачинцев. Оказалось, что кубачинцы по росту своему близки к жителям высоких Альп, по цвету волос и глаз кубачинцы также близки к юж-

ным европейцам¹. Таким образом, почти все исследователи, занимавшиеся изучением кубачинцев, склонны признать в кубачинцах выходцев из Европы. Насколько можно судить по языку современных кубачинцев, в нем не сохранилось никаких следов европейских языков. Язык кубачинцев есть одно из наречий даргинского языка.

Кубачинцы действительно очень искусны в своем ремесле. Инкрустация золотом по стали, слоновой кости, насечка, эмаль, гравирование, производство роскошного оружия — всё это выполняется кубачинцами с большим мастерством. Вот с этим-то сторонники европейского происхождения кубачинцев никак не могут примириться. Им казалось невероятным, чтобы какой-то неизвестный «дикий» народ, как они называли горцев, имел бы свою культуру, умел бы с таким искусством производить тончайшие художественные изделия, и поэтому они считали, что кубачинцы не дагестанцы, а случайно заброшенные в Дагестан иностранцы.

Кубачинцы входят в состав даргинской народности. О них знали еще Сасаниды, а арабские писатели² описывали их ремесло. Вначале татаромонголы, позднее войска Тимура и Надир-шаха имели возможность на деле знакомиться с замечательным мастерством кубачинцев по изготовлению оборонительных и наступательных средств войны. О кубачинцах и их культуре Е. М. Шиллингом написана прекрасная книга, где с большим знанием материала опровергаются ошибочные взгляды дореволюционных авторов об иноземном происхождении кубачинцев и их культуры³. Сами себя кубачинцы называли ойбо (он — понимающий, бо — общество, войско), отбукан (арбукан). Лакцы называют их орго, аварцы — онабик; слово кубачи

¹ Тарихи Дербенд-намэ. Примечание, стр. 58—59.

² Происхождением кубачинцев занимались академики Дорн и Френ. Они в своих работах приводят легенды о французском происхождении кубачинцев, см. Х. Д. О народе кавказском. Кубачи. Журнал Мин. нар. прос., август, 1840, стр. 87—107.

³ Это имело место, по словам Дорна, еще до вступления в Дагестан арабов.

¹ П. Ф. Свидерский. В горах Дагестана, стр. 73—75.

² Баладзури. Книга завоевания стран. Перевод с арабского проф. П. К. Жузе. Материалы по истории Азербайджана, вып. III, Баку, 1927; Сведения арабских писателей о Кавказе. Сборник матер. для описания местностей и племен Кавказа, т. 29, стр. 15, т. 38, стр. 52.

³ Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды, М.—Л., 1949.

тюркское, в переводе означает панцирь. Персам они известны под именем дергекаранцы, а арабам — зирехгеране, то есть панцирделатели, кольчужники.

Полагают, что даргинец произошло от слова дарга, то есть от местности, куда представители даргинского населения собирались для разрешения общих вопросов, касающихся всего общества. В монгольском языке тоже встречается слово дарга, означающее старшина, начальник, председатель¹.

Кумыков² по происхождению одни исследователи отождествляли с половцами, другие — с хазарами, третьи — с турками, четвертые — с финскими племенами, пятые — с монголами³. Были и такие авторы, которые сближали кумыков по происхождению с балкарами, с карачаевцами и крымцами⁴.

Стремление связать судьбу народов с судьбами феодальных завоевателей и колонизаторов — один из излюбленных приемов официальной историографии. Турецкие реакционные историки только по одному лишь сходству языка объявляют о принадлежности кумыков к «турецкой расе». Необходимо коренным образом пересмотреть сложившиеся

¹ А. А. Сатыбалов. Социально-политические термины тюркоязычных документов эпохи феодализма в некоторых языках Северо-Восточного Кавказа. Ученые записки ИИЯЛ им. Г. Цадасы, вып. VI, 1958, стр. 187.

² Проф. Б. А. Алборов в своей статье «Осетинские нартыские сказания о Созрыко и Гумском человеке» (Ученые записки Северо-Осетинского педагогического института, т. XXIII, вып. II. Серия филологических наук. Орджоникидзе, 1958) считает, что кумык значит обитатель песков и житель песков, стр. 106.

³ См. А. Берже. Краткий обзор горских племен Кавказа. Кавказский календарь за 1858 год, стр. 292; Н. П. Тульчанский. Поземельная собственность и общественное землепользование. (Краткий исторический очерк, составленный по официальным источникам). Владикавказ, 1903, стр. 4; И. И. Пантюхов. О кумыках. Антропологический очерк. Тифлис, 1895; В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 19.

⁴ Б. Чобан-Заде. Предварительное сообщение о кумыкском наречии. Известия общества изучения Азербайджана, № 1, Баку, 1926, стр. 39—40.

в литературе взгляды о происхождении кумыков¹ и дать решительный отпор антинаучным измышлениям современных идеологов пантюркизма в отношении кумыков и других дагестанских народов.

Нельзя решать вопрос об этногенезе народа на основе какого-либо одного элемента культуры, как иногда стараются это сделать отдельные исследователи в отношении кумыков. Каждый народ формировался в результате длительного исторического процесса, и культура его создавалась путем сближения с культурой других народов. Так было со всеми народами Дагестана, так было и с кумыками. Кумыки не пришлый этнический элемент в Дагестане, и как народность кумыки формировались непосредственно на территории современного Дагестана из различных племен. Есть предположение, что народ «ками»², «камаки», упоминаемый Птоломеем (II в.), связан исторически с позднейшими кумыками.

Кумыки — это те же дагестанцы. Ни по материальной культуре, ни по домашнему укладу их невозможно отделить от основной части массы дагестанского населения. Но судьба племен, живших в Северном и Приморском Дагестане, сложилась иначе, чем племен, живших в Среднем и Нагорном Дагестане. Территория Приморского и Северного Дагестана на долгое время сделалась объектом непрерывных вторжений кочевых групп. С первого тысячелетия н. э. здесь прокатилась волна нашествия тюркоязычных племен. Вскоре местное, дагестанское население степей и равнин постепенно оказалось под их воздействием. Часть из пришельцев растворилась в коренном населении. Но нашествия тюркоязычных племен и народов на Дагестан продолжались вплоть до XIV века. Так на формирование кумыкской народности оказывали влияние и недагестанские народы. Но местное, да-

¹ После написания этой работы вышла интересная статья Я. А. Федорова под названием «К вопросу об этногенезе кумыков». Научные доклады высшей школы. Исторические науки, 1959 г.

² См. об этом в книге С. А. Токарева «Этнография народов СССР», М., 1958, стр. 229.

гестанское в кумыках всегда превалировало над принесённым извне. Ядром формирования кумыкской народности служили дагестанские племена. Современных кумыков фактически мало что, кроме языка, отличает от остальных дагестанцев. Это объясняется тем, что кумыки были с древнейших времен связаны историческими корнями со всеми дагестанскими народами.

Подтверждением сказанному служат древние дагестанские названия кумыков. Среди аварцев кумыки были известны под именем тлярагал, у даргинцев — как жители дирка, у лакцев — ариу, ар-ран¹. Кайтаги называли кумыков жандары. Все эти названия означали в переводе: жители равнины, жители степей².

Все то, что сам народ говорит о себе, и то, как именуют его соседи, вполне естественно и в какой-то степени объяснимо. Но мы выше приводили различные поверхностные взгляды на происхождение дагестанских народов. Их нельзя признать правильными. Эти ошибочные взгляды о прошлом дагестанских народов вытекали из распространенной в дореволюционной литературе антинациональной, космополитической фальсификации истории Дагестана. Для дворянско-буржуазных историков народы Дагестана оставались неисторическим народом, не игравшим никакой прогрессивной роли в истории. Поэтому для них важно было доказать, что дагестанские народы не сложились на месте, а являлись на нынешней территории пришельцами.

Эти расистские представления и националистические тенденции ничего общего с наукой не имеют. Советская историческая наука исходит из того, что процесс образования народностей и национальностей является процессом историческим. Так и к проблеме образования дагестанских народов надо подходить исходя из того, что народность —

это определенная форма общности людей. Эта общность людей складывалась на территории Дагестана, и образование, например, аварского, даргинского, кумыкского, лезгинского, лакского народов совершенно неотделимо от образования других кавказских народов.

Забитым нуждой и отсталостью народностям и племенам старого Дагестана было не до разработки своей истории. За изучение истории тогда из местных людей брались одиночки, любители старины. Однако и таких любителей истории тоже было очень мало. Археологическое исследование Дагестана носило случайный характер. Царизм не был заинтересован в разработке истории поработанных им народов. А о дагестанских ханах и беках нечего и говорить, так как они были очень далеки от народа и его истории. Немыслимо было при таком состоянии исторической науки проникнуть в тайны далекого прошлого дагестанских народов.

Перелом в разработке истории народов и этнических групп Дагестана наступил лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Вопрос о создании истории ранее отсталых, бесписьменных народностей и этнических групп сделался одной из важнейших задач советской исторической науки.

Историческое, этнографическое и лингвистическое изучение дагестанских народов началось с первых же лет Советской власти. Большая роль в этом деле принадлежит Академии наук СССР. Накоплен значительный фактический материал по истории Дагестана. За последние годы археологические работы охватили многие районы Дагестана. Далеко шагнула вперед в своем развитии историческая наука. Новейшие достижения советской исторической науки незамедлительно сказались на общем уровне развития исторической науки в Дагестане. И то, что в старом Дагестане веками казалось покрытым мраком неизвестности, в наше время становится явственным. Для исследователей древняя жизнь дагестанцев уже не является загадочной и неразрешимой проблемой.

¹ А. В. Комаров. Народонаселение Дагестанской области. Записки Кавказского отдела русского географического общества, кн. VIII, Тифлис, 1873, стр. 22.

² Это нашло свое отражение и в осетинских нартских сказаниях. См. Б. А. Алборов. Осетинские нартские сказания о Созрыко и Гумском человеке.

Перед советскими историками открылась увлекательная работа по изучению формирования дагестанских народов. Эта работа, в свою очередь, позволит проникнуть в тайны далекого прошлого дагестанских народов и племен. Приступая к этой большой и ответственной работе, следует иметь в виду, что нельзя начинать изучение начального периода дагестанской истории вне пределов Кавказа. Кавказ — это та единственная общественно-историческая среда, где происходило становление дагестанской истории. На заре начальной истории Кавказа обозначился тот экономический уклад, те культурные отношения, которые потом на протяжении многих веков стали жизненной основой развития дагестанских народов.

С другой стороны, нельзя рассматривать дагестанскую историю в отрыве от общекавказского исторического процесса, от истории кавказских народов. Единственное, что отделяет Дагестан от Закавказья — это Главный Кавказский хребет. Но Кавказский хребет не играл роли оборонительного вала в отношениях Дагестана и Закавказья. Никакой китайской стены не знает Дагестан в своих отношениях с закавказскими странами. Сказанное в равной степени относится и к Северному Кавказу. От Северного Кавказа Дагестан ничто не отделяло. Напротив, равнины и степи Северного Кавказа всегда являлись связующим звеном в отношениях между народами и племенами Предкавказья и Восточной Европы.

Такой подход должен привести нас к выводу о том, что процесс формирования дагестанских народностей происходил на фоне широких культурно-исторических связей Дагестана с Закавказьем и Северным Кавказом.

4. Проблемы и темы по истории Дагестана

В последние годы в изучении истории Дагестана были достигнуты значительные результаты. Был создан ряд монографических и обобщающих трудов, многие вопросы истории Дагестана были

освещены в сборниках статей, ученых записках и периодике (как в центральной, так и местной).

Однако остается еще немало неизученных проблем и тем в истории Дагестана, которые ждут своих исследователей.

Нам хотелось бы обратить внимание историков, этнографов и археологов на следующие малоизученные темы по истории Дагестана периода феодализма.

1) Периодизация истории Дагестана

Эта проблема совершенно не разработана и касается всей истории Дагестана. В старой дореволюционной литературе сложились три варианта периодизации истории Дагестана, составленные разными авторами и в разное время. Но эта периодизация построена исключительно по внешнеполитическим признакам. История Дагестана согласно этой периодизации преподносится как история ханов, беков, шейхов, военачальников. Очень подробно излагаются ханские интриги, усобицы, династические браки и родословная того или иного ханского дома. Пространно рассказывается о различных покорителях Дагестана и о их заслугах. Особенно сильно идеализируется завоевание Дагестана арабами. История же трудящихся масс, история дагестанских народов не показана. Не изучена роль классовой борьбы в истории Дагестана.

Разработка периодизации истории Дагестана на основе принципов марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях крайне необходима. Отсутствие достаточно обоснованной периодизации, связанной с определенными хронологическими рамками, ведет к путанице и произвольному членению исторического материала.

При современном состоянии исторической науки такое положение становится нетерпимым и идет в ущерб ее развитию.

2) Древние свидетельства о названиях и размещении дагестанских племен

Мифы и предания этнологического характера, имеющиеся, как правило, у каждого народа, следует собирать, обобщать и увязывать с материалом как археологии, так и письменных источников. Такую возможность сбора и записи все еще дают наши аулы, особенно глубинного Дагестана. Много можно почерпнуть и из исторической топонимики. Сбор и систематизация этого материала очень помогли бы изучению этнической истории дагестанских народов и состояния дагестанского общества при переходе его от доклассового к классовому этапу его развития.

3. Культурно-исторические связи древнего населения Дагестана с Передней и Малой Азией

Хотя существует достаточно археологического материала, говорящего об этих связях, и наличие их констатируется почти в каждой работе, посвященной эпохе энеолита, бронзы и раннего железа, однако до сих пор нет монографического исследования этой проблемы. Следует отметить, что такое исследование должно носить комплексный характер, используя данные археологии, этнографии, лингвистики и фольклора.

4) Возникновение первых классовых обществ и государственных образований на территории Дагестана

Проблема эта исключительно важна, с ней связаны вопросы классообразования, возникновения государственности и формирования этнических общностей. Тут имеется в виду в первую очередь история Кавказской Албании до момента утраты ею государственной самостоятельности, а также Хазарское государство периода его становления (до переноса столицы из Семендера в Итиль). Та-

ким образом, данная тема не охватывает истории политических образований горного Дагестана. Проблема политической карты Дагестана накануне и в период арабского нашествия составляет поэтому особую историческую проблему, которая также ждет своего исследователя.

5) Место и роль географической среды в истории Дагестана

Не впадая в преувеличение указанного фактора, безусловно признавая определяющую роль в развитии общества за способом производства, мы, тем не менее, не должны впадать в другую крайность и недооценивать роли конкретной географической среды, важность которой, как известно, признается историческим материализмом. Воздействие географической среды на развитие дагестанского общества — бесспорный факт. Без учета своеобразия географической среды и её роли в жизни народов Дагестана невозможно понять происхождение многих особенностей их исторического бытия. Более того, и назревшая в последнее время в советской этнографической науке потребность изучения взаимодействия этноса и населения им ландшафта как единой системы — так называемой «этносферы» — делает указанную проблему весьма актуальной, в особенности учитывая этническую пестроту Дагестана.

6) О сопоставлении сведений античных авторов о Дагестане с археологическими и этнографическими материалами

Такое сопоставление пока что никем ещё не предпринималось. Между тем конкретный материал позволяет успешно заняться этой темой, а в решении этой проблемы назрела определенная потребность, ибо с ней связан вопрос о северной границе Албании и месте дагестанских племен в албанском этносоциальном комплексе, а также

многие вопросы этногенеза, истории и культуры дагестанских народов.

7) Проблема многоязычия в Дагестане

Почему в Дагестане так много языков? Этот вопрос привлекал внимание еще древних географов и историков, и интерес к нему проявляет вся широкая общественность.

Вопрос о происхождении дагестанских языков дореволюционная историография объясняла, исходя из миграционной теории. В Дагестане буржуазные ученые видели всего лишь конгломерат ничем между собой не связанных разноразличных народов и этнических групп. Языки Дагестана отрывались от кавказской почвы и рассматривались как остатки языков пришельцев чуть ли не со всех частей света.

Местные языковеды полагали, что в Дагестане в своё время существовал один язык-основа и в процессе исторического развития произошло дробление языка. Результатом дифференциации праязыка являются современные родственные дагестанские языки и диалекты. Вопрос о прадагестанском языке только ставится в исследованиях, и тут много еще неясного. Никто еще не доказал, почему именно прадагестанский язык лег в основу происхождения современных дагестанских языков. Может быть, был не прадагестанский язык, а был общий язык для всех родственных кавказских языков.

Этнографы и историки склонны объяснять многоязычие Дагестана естественно-географическими условиями. Географическая среда по-разному влияла на развитие населения. В одном случае она положительно воздействовала на их развитие и в другом случае, в горах, замедляла это развитие. Но замедление не объясняет причин самого возникновения явления, и поэтому объяснить причины многоязычия в Дагестане одними географическими условиями было бы неверно.

Проблема многоязычия всё еще остается одной из очень важных проблем в истории Дагестана.

В настоящее время научная разработка этой проблемы приобретает особое значение. В научном отношении изучение этой проблемы должно помочь выяснению многих сложных вопросов истории и языкознания. С практической точки зрения проблема многоязычия переплетается с вопросами национально-культурного строительства. Главные из них — пути развития мелких языков при социализме и вопросы консолидации и образования социалистической нации в Дагестане.

8) Города Дагестана древнего и раннесредневекового периодов

О том, что в Дагестане указанных эпох существовали города, спорить сейчас не приходится. Однако многим работам, касавшимся данной проблемы, были в той или иной мере свойственны два недостатка: 1) город этой эпохи часто рассматривается как тип поселения, а не как историческое явление, свидетельство далеко зашедшего общественного разделения труда и перехода к классовому обществу и 2) недостаточный учет регионального своеобразия этого явления в Дагестане (количество населения не всегда достаточно велико, выраженный аграрный характер).

Разрабатывая эту проблему, нашим исследователям следовало бы учесть методологию в этом вопросе наших закавказских коллег, работы которых в значительной мере свободны от отмеченных выше недостатков.

9) Дагестан и Хазария

Советские историки в своих работах уделяют Хазарии достаточное внимание. Дагестанским историкам необходимо подойти к этой проблеме с точки зрения выяснения роли и места Хазарии в исторической жизни Дагестана. До сих пор наши историки занимались изучением этой роли главным образом в аспекте раннесредневековой политиче-

ской истории Дагестана. Между тем необходимо еще много сделать в изучении социально-экономического, культурного наследия хазар в исторической жизни дагестанских народов, опираясь не только на письменные источники, но главным образом путем изучения археологического, этнографического и фольклорного материала. Например, для начала было бы неплохо выяснить значение топонима «Азайни» — не есть ли это древнедагестанское название Хазарии?

10) Денежное обращение и обмен в Дагестане

Данная тема фактически включает в себя несколько вопросов, требующих изучения: 1) вопрос о соотношении меновой и денежной торговли, о конкретных особенностях меновой торговли и её удельном весе в экономике Дагестана; 2) вопрос об обращении иностранных денежных знаков в Дагестане на всём протяжении его истории, сравнительный удельный вес денег разных государств в разные периоды в денежном обращении и соотношение его с политико-экономическими связями Дагестана в разные периоды его истории; 3) случаи чеканки монеты на территории Дагестана, их причины и роль (VIII—XVI вв.).

11) Дагестанские средневековые ремесла

Хотя советские этнографы и искусствоведы стали уделять в последнее время много внимания художественным промыслам Дагестана, средневековые истоки их до сих пор ждут своего комплексного изучения. Исследователи обращаются к средневековой истории того или иного вида ремесла лишь как к вступлению для исследования его состояния в XIX—XX вв. Между тем достаточно дать простой перечень дагестанских ремесел, упоминаемых в источниках, чтобы понять необходимость изучения их как целостной совокупности производства в рамках средневекового периода. При таком под-

ходе могут открыться интересные явления их взаимовлияния, внутренних и внешних связей. Другая сторона вопроса: до сих пор данная проблема изучается преимущественно в художественно-технологическом аспекте; если же изучать средневековые ремесла в их исторической совокупности, то будут решены важные вопросы роли их в экономике Дагестана и Кавказа. Бирюзовая керамика Южного Дагестана, ковровое и льняное ткачество Дербента, фигурное бронзовое литье Кубачей и западной части Аварии, средневековая резьба по камню и дереву ждут обобщающей монографии в хронологических рамках средневекового периода.

12) Оружейное производство в Дагестане

Древность оружейного промысла в Дагестане не подлежит сомнению — об этом красноречиво свидетельствует археологический материал. Многие формы холодного оружия были исторически выработаны оружейниками Дагестана и послужили образцами для последующих реплик в оружейном производстве Кавказа и Ближнего Востока. Общеизвестны старинные гнезда оружейного производства в Дагестане (Амузги, Кубачи, Казанище, Харбук, Кумух) — каждое со своими выдающимися мастерами, со своей технологической школой и неизменно высоким качеством производимого оружия, которое славилось далеко за пределами Кавказа. Всё это настолько общепризнано, что стало даже темой статей научно-популярных журналов. При таких условиях кажется поистине странным, почему эта тема не стала предметом особого монографического исследования, особенно если учесть, что в Закавказье есть примеры успешного исследования аналогичных тем (например, основательная работа К. Чолокашвили, всесторонне разработавшего проблему вплоть до изготовления опытных образцов в наше время по средневековым рецептам).

13) Сельская община в Дагестане

Важность изучения данной проблемы выходит далеко за пределы Дагестана: в XIX в. Фридрих Энгельс в своих гениальных выводах не в малой степени учитывал известную работу М. Ковалевского, значительная часть которой основана на дагестанском материале. Сельская община как социальная форма обнаружила в Дагестане удивительную живучесть: созданный еще в доклассовом обществе, этот институт сумел просуществовать вплоть до первых лет Советской власти, оказываясь на протяжении истории Дагестана достаточно гибким и устойчивым, чтобы на разных этапах исторического развития вмещать в себя различное социальное содержание вплоть до классовых отношений, а также совмещать в себе противоположные социальные тенденции. Изучение этой проблемы раскроет многие специфические своеобразные явления в социальном развитии дагестанских народов. История крестьянства Дагестана еще не написана, а исследования по дагестанским джамаатам явились бы началом составления истории основного производящего класса дореволюционного Дагестана. Это, в свою очередь, помогло бы определить классовую сущность отношений в ханствах, бекствах и в джамаатах.

14) Дагестанская традиционная метрология

Данная тема совершенно не разработана, в то время как исследование истории Дагестана достигло такого уровня, когда общие экономические понятия и явления стали остро нуждаться в детальном изучении и соответствующем количественном выражении. Только при этом условии мы сможем выразить на принятом в современной науке языке некоторые данные письменных и фольклорных источников о товарообороте Дагестана. Академик С. Г. Струмилин писал: «Всяким экскурсам в область экономической истории любой страны должно предшествовать изучение мер, в которых фиксиро-

вались факты хозяйственного значения в данной стране на разных этапах ее развития» (С. Г. Струмилин. Очерки экономической истории России. М., Соцэкгиз, 1960, стр. 7). Пока что ни в одной работе мы не находим перечня наиболее распространенных в эпоху феодализма единиц измерения. Нужна работа, где бы систематизировались данные о мерах длины, площади, мерах емкости сыпучих тел, мерах емкости жидких тел, мерах веса. Изучение традиционной метрологии имеет для экономической жизни Дагестана (где преобладала меновая торговля) такое же значение, как нумизматика для изучения рынков с денежным обращением.

15) Шитье золотой и серебряной нитью

Художественное шитье золотой и серебряной нитью было широко распространено в Дагестане вплоть до первых лет Советской власти, а такие его центры, как Кубачи и Кумух, сохранили живые традиции золотошвейного промысла донныне. Дагестанская народная вышивка золотом, серебром, жемчугом, шелком охватывала широкий круг тем и образов и была связана с бытом и трудовой деятельностью человека. Однако этому виду художественного ремесла наименее повезло в искусствоведческой и этнографической науке. Это тем более парадоксально, что немалые коллекции дагестанского золотого шитья (на коврах, настенных украшениях, сумках, седлах, кобурах, подушках, скатертях, рубашках) хранятся в фондах краеведческого музея и музеев СССР, а некоторый полевой материал можно собрать и сейчас. Возможно, это объясняется прекращением его бытования в последнее время, однако некоторые факты (в Губдене, Кубачи, Гимрах) позволяют надеяться на возможность его возрождения в будущем. В этом немалую роль может сыграть обстоятельное этнографическое и искусствоведческое исследование.

16) Классовая борьба в феодальном Дагестане

Это один из самых малоизученных и в то же время самых важных вопросов в истории Дагестана. Начиная со средних веков и вплоть до начала XIX в., в Дагестане никогда не прекращались антифеодальные выступления крестьян как в феодальных владениях, так и на территории вольных обществ. О накале этой борьбы на всех этапах развития антагонистического общества свидетельствуют многочисленные предания, бытующие и поныне в дагестанских аулах, где говорится об уничтожении феодальных родов в данной местности. Часто эти предания связаны с местной топонимикой, в особенности с руинами средневековых замков и жилищ феодалов.

Следует обратить внимание на то, что многочисленные акты антифеодальной борьбы нередко облекались в формы, присущие родовому строю, и как таковые осмысливались как в фольклоре, так и в адатном праве (кровная месть, незаконный угон скота или захват имущества и т. п.).

Следует отказаться также от квалификации борьбы ханов с вольными обществами как междоусобной и рассматривать ее как одно из проявлений антифеодальной борьбы средневекового дагестанского крестьянства. Задача современного исследователя—уметь выявить в архаических формах подобных актов их подлинное классовое содержание.

17) Общественно-политический строй дагестанских народов

Если суммировать недостатки работ по общественно-политическому строю, следует указать, что в них недостаточно показываются особенности в отдельных областях хозяйства. Так, например, экономические отношения даются слишком суммарно. Благодаря этой суммарности не могут быть поняты общественное устройство и формы эксплуатации. При экономической характеристике неже-

лательно избегать и разного рода технических подробностей.

При освещении территориальной структуры того или иного ханства или княжества не дается обзор отношений между центральной властью и местными феодалами, то есть не вскрываются отношения сюзеренитета и вассалитета. Не дается характеристика такого важного для феодализма института, как иммунитет.

Одним из наиболее существенных недостатков существующих работ является то, что при характеристике общественно-экономического и политического строя Дагестана на разных этапах истории не показывается, какие новые процессы, какие изменения, в частности в положении крестьянства и усилении власти феодалов, произошли за данный конкретный отрезок времени.

Остаются вне поля зрения исследователей консервативная, реакционная роль феодально-патриархальной знати во внутренней жизни дагестанского общества, а также расчеты правящей верхушки во внешних отношениях.

18) Союз вольных обществ

До сих пор еще не стала предметом специального изучения такая весьма интересная общественная единица, как союз вольных обществ. По своей форме вольное общество—это явление переходного периода от одной общественно-экономической формации к другой. Поэтому вольное общество может быть объектом для изучения стыка между двумя формациями. С другой стороны, изучение союза вольных обществ дало бы возможность понять, как и на какой организационной основе возникли дагестанские ханства.

19) Против модернизаторских высказываний

В отдельных изданных работах проскальзывает мысль, что в горах Дагестана уже в начале XIX в.

был развитый феодализм, в недрах которого едва ли не начали вызревать капиталистические элементы. Обычное имущественное расслоение крестьян изображается иногда в виде разложения крестьянства, типичного для капитализма. Говорится, что еще в первой половине XIX века Дагестан стоял на пороге буржуазного развития и только завоевание его русским царизмом помешало этому.

Монографические исследования, вышедшие в последние годы, полностью опровергают эти модернизаторские высказывания. На основе глубокого научного анализа богатого фактического материала исследователи пришли к выводу, что в начале XIX в. в Дагестане в целом господствовали патриархально-феодальные отношения, хотя в приморских, южных и плоскостных районах процесс феодализации достиг более высокого развития. О проникновении же буржуазных отношений речь может идти лишь со второй половины XIX в., а точнее — этот процесс совершался в последней четверти XIX века.

IV. ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, ЗАМЕТКИ

1. Горькие размышления у стен древнего Дербента

Дагестан — страна большой и древней культуры. Об этом свидетельствуют и многочисленные развалины древних городов и крепостей и эпиграфические памятники, разбросанные в разных частях нашей республики.

Самым замечательным и уникальным историко-архитектурным памятником на территории Дагестана является крепость Дербент.

Дербентский проход был известен античным писателям задолго до первых веков нашей эры, и уже тогда здесь, видимо, существовали укрепления. Они играли существенную роль в жизни каспийской части Кавказа и сооружены были не только потому, что это самая узкая полоса побережья. Дербент был воротами в Закавказье и на Ближний Восток. Здесь скрещивались пути, идущие с севера на юг и с юга на север. Следовательно, стратегическое значение этого пункта сочеталось с важностью торговых путей, проходивших через него. Имело значение и то обстоятельство, что по сравнению с любой областью Каспийского побережья дербентская земля была наиболее плодородной. Наконец, известно и то, что Дербент в течение долгого времени был одним из пунктов плавания на западном берегу Каспийского моря. Это преимущественное положение Дербента и выдвинуло его в первые ряды ещё в древнем мире. В период, когда на территории Дагестана и Северного Азербайджана существовало Албанское государство, в районе Дербента были расположены важнейшие политические и культурные центры.

За обладание Дербентом в свое время вели упорную борьбу Восточно-Римская империя, Сасанидская держава, Арабский халифат, Золотая Орда, шахский Иран и султанская Турция. Здесь происходило столкновение враждующих между собой сил ханов Закавказья и Северного Кавказа, здесь разворачивались важнейшие события древней и средневековой истории Дагестана и юго-востока нашей страны. Развалины дербентских памятников и поныне как бы воскрешают перед нами этот бурный период истории.

Каждый, кто побывал в Дербенте, не мог не восхищаться монументальностью его сооружений и красотой их архитектуры. На камнях дербентских памятников сохранились редкие надписи на разных языках, представляющие большой интерес для науки. В Дербенте в разное время побывали Петр I со своими сподвижниками, крупнейшие деятели Российской Академии наук — академики Гмелин, Френ, Дорн, Бутков, Бартольд и другие.

Многие из побывавших в Дербенте оставили подробное описание крепости и исторических мест города и его окрестностей. Величие его воспел Низами, а затем Бестужев-Марлинский. У Александра Дюма есть описание Дербента. Слава о седом Дербенте шла из страны в страну.

Последний раз мне довелось побывать в Дербенте в шестидесятых годах. Зрелище, представшее взору, наводит на печальные размышления. В главной цитадели, известной под названием Нарын-кала, пасутся коровы и лошади. На остатках стен некогда многочисленных зданий цитадели высечены надписи жаждущих славы туристов. Выступы южной стены цитадели с внутренней стороны разрушены, а камни унесены жителями на индивидуальные домики. Сейчас трудно установить, не были ли эти камни с надписями и орнаментами. В одном из углов цитадели расположено водохранилище — интереснейшее инженерное сооружение древности. Еще в 1944 году в куполе этого огромного резервуара было лишь небольшое отверстие. Сейчас купол полностью разрушен, а дно резервуара разрушено проросшими на свету кустами.

Стены зданий, сохранившиеся еще местами в Нарын-кале, готовы обвалиться. Продвигаться по цитадели не всегда безопасно. Если не принять срочных мер, строения внутри Нарын-калы разрушатся окончательно, потеряют свой первоначальный вид. Этого допустить нельзя.

Еще более плачевно состояние городских крепостных стен. Толщина их доходит местами до четырех метров. С обеих сторон стены выложены массивными тесаными блоками. Каждый имеет более метра в длину, около 70 сантиметров в ширину и 30—40 сантиметров в толщину. Пространство между этими облицовочными блоками заполнено камнем на извести.

Сильно пострадала южная стена города. Она уцелела лишь в нескольких местах, но и уцелевшие части стен совершенно не оберегаются. Я видел на ул. Баят-Капи и других местах жилые дома, построенные прямо на остатках стены. В некоторых случаях дома просто приставляются к стене, причем в ней пробиваются окна и двери. Разрушается северная городская стена и её бастионы. Когда-то эта стена, защищая город, выдерживала мощные натиски гуннов и степных кочевников Предкавказья, ее не могли разрушить удары стенобитных машин татаро-монгольских полчищ Чингис-хана, но под ударами наших индивидуальных застройщиков они не устояли.

Разрушающиеся крепостные стены опасны для населения города. Вдоль северной городской стены сейчас без риска для жизни не пройдешь, — недавно у Кирхляр-капы произошёл несчастный случай.

На некоторых участках городских стен еще до начала Великой Отечественной войны я видел зубчатый парапет. Сейчас его нет и в помине. Близ цитадели были ворота Кала-капы. Ныне они совершенно разрушены и вокруг валяются камни с надписями и рисунками. Одним словом, можно сказать, что в Дербенте все правила застройки исторических населенных пунктов забыты.

Все это свидетельствует о том, что у руководителей городских организаций нет заботы о сохра-

нении ценнейших памятников материальной культуры.

Если такое равнодушие к охране памятников древности существует в городе, то что можно сказать о грандиозной системе оборонительных сооружений, тянувшихся от Дербента в глубь гор на 60 километров и известных под именем Даг-Бары — горной стены! Никто не знает, что там творится и в каком состоянии они находятся.

Нам известно, что на реставрацию дербентских памятников старины отпущены большие средства. Мы видим, что кое-где в Дербенте реставрационные работы уже начаты. Но можно ли назвать эти работы реставрационными? Мы привыкли под реставрацией понимать восстановление памятников в их первоначальном виде. В Дербенте же разрушенные места крепостной стены и бастионов заделываются обычным пиленным камнем небольшого размера, а огромные древние камни, выпавшие из стены валяются рядом. Это не реставрация, а уродование памятников древности. Реставрация — это трудоемкая работа и руководить ею должен опытный специалист. Но по той работе, которая проделана, этого не чувствуется.

С юга и с севера Дербент окружен древними строениями и кладбищами. Всюду здесь многочисленные надгробные памятники. Тут ценнейшие образцы дагестанского искусства: и замечательные орнаменты, и художественная обработка камня, и искусно выведенные надписи. Но всё это находится в запустении. Не принимается в Дербенте никаких мер и к охране эпиграфических памятников.

Дербент — один из древнейших городов Советского Союза. Согласно пехлевийской надписи, имеющейся на северной стене города, Дербенту уже свыше 1500 лет. Это город-музей, созданный руками народов Дагестана и Кавказа. Я не знаю ни в Закавказье, ни на Северном Кавказе памятника, равного крепости Дербент. Как свидетельствует член-корреспондент АН СССР К. В. Тревер «Дербентская стена — единственная в мире крепостная стена, дошедшая до нас от Сасанидского

Ирана...». Нельзя относиться безразлично к гибели этого выдающегося памятника культуры Дагестана и Ближнего Востока.

Исключительное значение памятников истории и культуры Дербента настоятельно потребовало поставить их под особый контроль государственных учреждений и всей общественности. Это и сделано сегодня. Дербент объявлен памятником истории и культуры всесоюзного значения. Долг Министерства культуры ДАССР и Дербентского горисполкома, Общества охраны памятников истории и культуры обеспечить и охрану дербентских памятников, и их восстановление. К охране памятников Дербента следует привлечь школьников, комсомольцев и всю общественность города. Дербент — это прекрасное место для экскурсий по изучению истории родного края. Там можно было бы организовать и туристическую базу широкого значения.

Следует сказать несколько слов и в адрес научных учреждений республики и краеведческого музея. По совершенно непонятным причинам научными учреждениями Дагестана совсем не ведется изучение уникальных памятников Дербента, где сохранились образцы древней планировки, старинные исторические места, кварталы и отдельные памятники. Институту истории, языка и литературы и Дагестанскому краеведческому музею следует начать планомерные археологические раскопки как на территории самого города, так и в его окрестностях. Отношение к Дербенту как к историческому или художественному памятнику мы пока что определяем по объектам, находящимся на поверхности, но мы не знаем, что остается скрытым под землей. Я убежден, что научные раскопки дадут материалы, которые раскроют новые яркие страницы древней истории Восточного Кавказа.

2. Из традиций героического прошлого горских народов

Настало время поднять вопрос о некоторых исторических традициях, связанных с героизмом

и воинской славой советского народа. Эти качества выковывались на протяжении многих веков, и советские люди по праву являются законными наследниками всего того, что создали народы в прошлые времена. Из прошлого наследия мы должны брать всё лучшее, всё полезное, что украшает нашу жизнь.

Конечно, прежде всего советская молодежь должна знать события и героев славного 1917 года. Партия Ленина совершила величайшую революцию в мировой истории. Если мы сегодня живем и здравствуем на свободной земле, то это произошло благодаря социалистической революции.

Наша революция — это революция, которая открыла совершенно новый, невиданный до этого мир в истории человечества. Советский народ гордится тем, что он первым в Октябре поднял победоносное знамя коммунизма. Но социалистическая революция не есть дело одного года и даже не плод одной эпохи. К этой революции человечество шло на протяжении сотен лет. Сменялись одна за другой формации, гибли государства, сменялись правительства, а история неумолимо совершала свой бег. Много горечи и поражений было на этом пути, пока, наконец, партия Ленина не взяла в свои руки дело освобождения народов нашей страны. Обо всём этом никогда не следует забывать нашей молодежи.

Взять, к примеру, наш Дагестан. Ведь это небольшая страна. Всё ли мы знаем о его историческом прошлом? Известно ли, как эта небольшая страна смогла устоять, выдерживая непрерывный натиск завоевателей? Всё ли мы знаем о том, как в борьбе с врагом народы Дагестана шли на любые лишения ради своей свободы и независимости существования?

Надо восстановить образы эпических и исторических героев дагестанских народов. Ведь каждый народ воспевает силу, ловкость, храбрость своих героев, сражавшихся с врагами. Стоит оглянуться на прошлое горских народов и перед нами раскроются картины, которые обязательно заставят задуматься о героях.

Воины степных пришельцев бились с горцами, и дагестанские племена не погибли под этим страшным напором варваров.

Рабовладельческий Рим посылал на Кавказ свои легионы, чтобы поработить его народы, и Кавказ устоял перед этими легионами.

Земли Дагестана топтали войска сасанидских царей, гуннов, половцев. Дагестан устоял перед их натиском и выдержал страшные нашествия орд Чингис-хана, Батыя и Тимура, Надир-шаха.

Кто назовет имена мужественных и отважных сынов Дагестана, отличившихся в этих битвах?

Волею истории боевая слава сделалась насущной потребностью в жизни горцев. Потому-то в песнях и преданиях горцев так много воспоминаний о славных боевых делах их предков. Они в борьбе с врагами развили в себе превосходные боевые традиции и передавали их из поколения в поколение. И так было не только потому, что деды хотели сохранить предания о былых днях, рассказать о них внукам, но и потому, что героические боевые традиции имели практическое значение.

Народ не сохранил в своей памяти воспоминаний о лёгких и случайных победах. Он бережно сохранил в памяти именно те битвы и те дела, которые потребовали напряжения всех сил, стоили многих жертв и были связаны с борьбой за независимость, за честь, за будущее.

Народ обобщает прошлое. В одно целое сливается всё, что говорит о стойкости, напоминает о людях с сильным характером. Не началом ли таких эпических обобщений в фольклоре и является тот цикл, который нам известен под названием «Песни о джигитах»? А сколько пословиц и поговорок создано о смелости и отваге дагестанского народа и в то же время беспощадно клеймящих людей нерешительных и трусливых. Не случайно одна из аварских песен начинается со слов: «Не рожайте, женщины, трусливых!»

В первой половине XIX века, в мрачные годы царствования Николая I горы и долины Дагестана были затоплены кровавой войной. Горцы и здесь

не посрамили себя. В полувековой своей борьбе с царизмом во главе с Шамилем они еще раз проявили свою доблесть и стойкость. Разве не декабрист А. А. Бестужев-Марлинский говорил об этом, когда писал: «Я топтал снега Кавказа, я дрался с сынами его... как искусно умеют они сражаться, как героически решаются умирать!...»

Однако историческое возвышение дагестанского народа началось после того, как Дагестан вошел в состав России. Тут мы имеем в виду не экономическое и не социальное возвышение, а политическое.

Раньше дагестанские народы были одиноки, теперь они были вместе с народами России. Началось тесное сближение их с русским революционным движением. Народы, до того политически отсталые, стали прозревать. Перед ними открылись новые горизонты революционной борьбы за свое освобождение. Ленинская партия, разрушив разъединяющие дагестанские народы стены, объединила их в единую армию борцов против царизма и привела к победе.

Кто знает, что было бы, если бы дагестанские народы к моменту революции не прозрели бы политически.

История Дагестана — это история множества его народов. Играя на национальных чувствах и различии языков, представители господствующих классов вынашивали националистические идеи о «самостоятельности», о «независимости» каждого дагестанского народа. Это была линия на раскол дагестанских народов по этническому принципу. Если бы он произошел, это было бы величайшим несчастьем для народов Дагестана, и если этого не случилось, то этим трудящиеся Дагестана обязаны большевистской партии.

В октябрьские дни и в годы гражданской войны в гуще народных масс Дагестана работали верные ленинцы, глашатаи интернационализма и дружбы между народами. Среди них в первую очередь следует назвать имена С. Шаумяна, С. Кирова, С. Орджоникидзе, Н. Нариманова и многих других. Они с юношеских лет посвятили

свою жизнь борьбе за счастье угнетенных народов. Дагестанские народы с чувством большой благодарности вспоминают их имена и торжественно заявляют, что их пример служения делу революции всегда будет для них маяком, он поможет воспитанию и новых поколений строителей коммунизма.

Народы Дагестана пошли за русским народом в октябре 1917 года, и это принесло им победу. В совместной борьбе с царизмом и в огне трех революций крепло боевое содружество русского и дагестанских народов. В дни 50-летнего юбилея республики дагестанские народы говорят своему русскому брату: наша дружба вечна и нерушима. Мы будем воспитывать молодежь на лучших традициях этой дружбы.

Советская власть дагестанским народам далась нелегко. В борьбе за власть Советов они проявили чудеса героизма и самоотверженности. Это было время, когда из своей среды горцы выдвинули пламенных революционеров, имена которых стали широко известны всей стране. Имена У. Буйнакского, М. Дахадаева, К. Агасиева, С. Казбекова, Оскара Лещинского, Г. Саидова, М. Хизроева, А. Богатырева, М. Карабудагова, Д. КORKмасова, Омара Чохского, Г. Далгата, М. Атаева, С. Габиева и их товарищей, бесстрашно шедших на смерть и подвиг во имя революции, вечно будут жить в сердцах советских людей.

Революционные традиции — неиссякаемый источник идейной закалки новых и новых поколений советских людей. Вдохновляющая сила революционных традиций с особой силой проявилась в годы Великой Отечественной войны.

Тяжелые испытания, выпавшие на долю советских людей в годы войны, еще больше сроднили народы нашей страны. Традиции боевого героизма советских народов множились в жестокой схватке с немецко-фашистскими захватчиками. Кто не знает о бессмертных подвигах капитана Гастелло, Александра Матросова, подвигах 28 панфиловцев, героев Краснодона, Севастополя, Ленинграда, Сталинграда.

В нерушимом содружестве с русским народом и другими народами Советского Союза и дагестанцы показали в эти дни беззаветную храбрость и верность завоеваниям Октября. Уходя на фронт, сыны Дагестана давали клятву биться насмерть, не щадя своих сил и самой жизни до полного разгрома фашистских орд. Бессмертные подвиги подводника Магомеда Гаджиева и знаменитый таран Ахмедхана Султана, подвиги многих сынов дагестанских народов на фронтах вписаны золотыми буквами в летопись Великой Отечественной войны.

Народ обессмертил имена тех, кто верно служил Родине. Во всех горных аулах им воздвигаются памятники и монументы.

Такие исторические памятники имеют огромное значение в воспитании советского патриотизма, укреплении дружбы народов. Надо сделать так, чтобы молодежь взяла под свою ответственность сохранение всех революционных исторических памятников на территории республики и пропаганду боевых дел того, кому поставлены эти памятники. Беречь и развивать боевые традиции — это значит проявлять заботу о каждом монументе, напоминая о героическом прошлом народа, о революционных событиях в стране. Учить на революционных традициях партии и народа — это значит развивать в каждом юноше и девушке качества страстного борца за коммунизм.

Величайшим завоеванием Советской власти является дружба народов в нашей стране. Сам Дагестан является ярким примером этой дружбы, ибо это республика многонациональная и в ней трудятся единой семьей представители почти всех народов СССР. Дружба народов выковывалась у нас в героической борьбе партии и народа за новую жизнь.

И всегда следует помнить имена героев революции и гражданской войны, которые по примеру своих старших русских братьев дружбу народов ставили во главе угла своей деятельности.

Уллубий Буйнакский. Вся его жизнь является примером интернационализма. Кто читал его замечательные, полные мысли и чувства письма, тот

поймет, что значили для этого человека идеи дружбы и братства народов.

Махач Дахадаев. Вся его жизнь и практическая деятельность — это тоже дружба партизан кумыков, аварцев, даргинцев, лезгин, лакцев, — всех он умело объединял в единую силу борьбы за Советскую власть.

Алибек Богатырев и Сафар Дударов на аварской земле за дело всех народов сложили свои головы.

Казимагомед Агасиев — ленинец, интернационалист. Националисты и турецкие интервенты замутили его.

Гарун Саидов — и в революционной деятельности, и в литературной своей работе — пример интернационалиста.

Кого бы мы ни брали из тех, кто боролся за Советскую власть, во главу угла они ставили дружбу народов. Никто из них никогда, нигде и ни в чем не противопоставлял один народ другому. Всей своей жизнью они показали пример дружбы народов.

3. Заметки из истории и обычаев дагестанских аулов

с. Датун

Сохранилось предание об образовании селения Датун. Небольшая партия грузин поселилась в ущелье Датун. Но они были изгнаны людьми из Хунзаха. Один из грузин, что жил здесь, — имя его было Тавади (Тавадиев) — обратился к нуцалу с просьбой разрешить ему остаться на этом месте. Он говорил, что ему нельзя возвращаться на родину, так как он был во вражде с грузинскими феодалами. Тавади обещал: если нуцал разрешит ему остаться в Датуне, он будет его союзником в борьбе с грузинами.

На этом и договорились. Тавади принял мусульманство и остался в Датуне. С ним же посе-

лился житель Хунзаха по имени Гусейн. Они и положили начало образованию с. Датун.

с. Ашты

Аштинцы раньше жили недалеко от с. Кубачи в местности Аంచి-Бачи. Кубачинцы часто нападали на них. Однажды, когда кубачинцы готовились к нападению, аштинцы подковали лошадей подковами задом наперед и ушли в горы, поселившись отдельными хуторами. Но жить отдельно было не безопасно. Поэтому беглецы со временем решили объединиться. Когда стали выбирать место для общего села, назвали Ишту. По-кубачински ишта означает — это место. Сами аштинцы говорят про себя иштала, а соседи их называют аштала. Отсюда и произошло название Ашты.

Язык аштыпцев кубачинский. Одежда и украшения тоже почти такие же, как и у кубачинцев.

Аштинцам пришлось на новом месте вести много войн за свою свободу с лакскими феодалами. Один аштинец по имени Гилял служил нукером у казикумухского хана. Он предложил хану покорить аштинцев, и хан дал ему отряд нукеров. Гилял обманом отвлек часть аштинцев, а другую часть окружил и взял в плен. Впоследствии хан удавил и самого Гиляла. Так аштинцы стали данниками Ханал-бека. Они были обложены многими повинностями и в их числе была обязанность аштинских женщин кормить грудью ханских щенят. Лакские ханы со своими соколами и собаками часто приходили на аштинские земли. Буркиханским бекам принадлежали земли под названием Калакина, Урка-Бута, Хана-Бута.

с. Кутиша

Сохранилось предание о том, что аул Кутиша образовался из переселенцев разных аварских сел. Эта территория принадлежала шамхалу, когда он властвовал в Кумухе и на плоскости. Шамхал

враждовал с нуцалом и имел ряд столкновений с ним. Всем беглецам с территории ханства и недовольным нуцалом он представлял убежище в местности Кутиша.

с. Цудахар

У цудахарцев сохранилось предание, что они до прихода арабов жили в предгорье и на плоскости. У них было множество поселений. Был и город с крепостными стенами. Он был расположен где-то между Джэнгутаем и Волчьими воротами. Передают, что первоначально цудахарцы, дегвинцы, каларцы и губденцы говорили на одном диалекте. После расселения по разным местам появились различия и в языках. Девять аулов переселились в горы, остальные три селения основали Губден.

В подтверждение этой легенды приводится такой пример. Вплоть до организации колхоза пастбищными землями в районе Дегва пользовались цудахарцы и губденцы: девять месяцев — цудахарцы, а летом — губденцы.

Аул Чуни до прихода арабов служил пограничным пунктом нуцала с акушинцами. Здесь располагалась стража аварского владыки.

с. Гапшима

В ауле Гапшима каждый тухум имел свое знамя. Передают что, когда гапшиминцы шли в поход, каждый тухум брал с собой это знамя. Набеги совершались в Грузию и Азербайджан. Основной целью этих набегов была добыча скота и имущества. Пленные рабы использовались в сельскохозяйственных работах.

В ауле Гапшима днем свадьбы играли только богатые, а бедняки невесту приводили только ночью, так как расходов на свадьбу тогда было меньше.

Из повадок гапшиминских девушек. К северо-востоку от села в местечке Кабкар име-

ется высокая скала. Девушки с этой скалы опускали на веревке чучело. Потом они прибегали в село и поднимали тревогу, будто человек соскользнул со скалы и висит. С чем связан этот обряд гапшинских девушек, никто не знает.

В ауле Мегва, чтобы получить отдельно от семьи земельный пай, человек должен был жениться и пригласить на свадьбу всех сельчан. Если свадьба была скупая, земельного участка не давали.

с. Мюрего

В ауле Мюрего на невесту по пути к дому жениха сыпали с крыш муку.

Люди, сопровождавшие невесту, не входили с невестой в дом жениха до тех пор, пока в их присутствии родители жениха не сделают метки на ушах рогатого скота, предназначенного невесте.

В с. Балхар, наоборот, невеста лично должна была ощупать за уши корову, быка или другую скотину.

с. Тузла

Селение это состоит из восьми хуторов, которые образовались в результате переселения из аула Наца во время чумы.

В Тузле есть место, носящее особое название: «Площадь перед большой мельницей». Говорят, что здесь во времена нашествия Надир-шаха его воины устроили молотьбу горских детей.

В ауле рассказывают о кулинарной хитрости молодой невестки. По пятницам, в своеобразный праздничный день, у мусульман в домах горцев готовили обычно какое-нибудь праздничное блюдо. Молодая невестка решила сделать халву, но не знала, нужна ли для этого соль. Она вышла на улицу, затеяла ссору с соседкой и стала, в частности, упрекать ее в том, что та кладет соль в халву. Соседка стала кричать: «Это я-то в халву соль

кладу?! Сумасшедшая! Кто же солит халву?» Так молодая женщина узнала секрет приготовления халвы.

с. Нахки

Нахкинцы близки с нацинцами. Население Сирга делится на нахкинцев, ураринцев, дуакарцев, цугнинцев, карбучинцев. В ауле есть местность под названием «Духа биргем», где представители всех джамаатов 2—3 раза в году собирались, чтобы решать спорные дела и устанавливать новые адаты. В каждом ауле выделялось несколько сельских исполнителей, которые должны были следить за порядком в селе. Они же собирали в свою пользу штраф за потравы и другие нарушения.

Сирга — в этническом отношении особый даргинский район со своими диалектами и особенностями развития. Для охраны территории Сирга от каждого джамаата выделялся один человек. В случае какого-либо конфликта на границе с соседями охранники сами собирались и решали некоторые тяжбы здесь же на месте, не прибегая к созыву джамаата.

Среди сельчан до сих пор бытует предание о том, как во время нашествия кызылбашей им на помощь пришли из аулов Бутри, Акуша, Гинта. Бой длился 15 дней. В ауле сохранились надгробные плиты с именами погибших в борьбе с Надир-шахом. У одного из местных жителей сохранилась рукопись с завещанием, на полях которого сказано: «Тот, кто хочет знать, что произошло, знайте: дома разрушены кызылбашами. Село разрушено в 1735 году. Тогда убиты были жители аулов в количестве 6055 человек. Свидетелями разрушений, убийства людей являются Таймаз-хан, Сурхай-хан и Шамхал».

Записи эти — со слов Рабадана Омарова, жителя с. Нахки.

с. Бутри

Слово «бутри», говорят, произошло от слова «батур» — «оставили». Передают, что какие-то пришлые враги часто нападали на село, уводили людей, жители села сопротивлялись, и враги долго не могли взять села, но в конце концов ворвались в него. Уцелел лишь маленький хутор, расположенный недалеко от села. Когда оставшиеся в живых жители села увидели неразрушенный хутор, они стали кричать: «Они прошли, Батур!»

Сохранилось предание, что раньше бутринцы называли себя армянами и в местности «Асияла-Къаб» произошло столкновение между арабами и местными жителями. На этом месте находят погребения людей, человеческие кости.

Среди окружающих жителей распространено предание, что бутринцы последними приняли мусульманство. Поэтому у соседей они получили прозвище «капур усала», что означает безбожники. Позднее они стали ревностными мусульманами. Известно, что бутринский кадий силой оружия внедрял ислам в Харбуке и Маджалисе. Видимо, был период, когда бутринцы играли главенствующую роль среди даргинских сел в их политической и хозяйственной жизни. Тогда бутринцы распевали песню:

Мы бутринцы — гинтинцы

Даргинские головы!

В старину Бутри входило в состав Мекегинского общества. Население делилось на узденей и лагов. Лаги-рабы состояли из людей, происшедших от грузин, иранцев и других народностей.

Передают, что в старину бутринцы партиями ходили в леса, в Урахи, в Ванаши-Махи и занимались разбоем.

Население аула делилось на «къаты», их было четыре: Хала-къат, Урга-къат, Ура-къат, Биша-къат. Каждый къат имел свои земли и распоряжался ими.

О свадебных обрядах в ауле. Когда ведут невесту, зажигают костры на пути ее следования, разбрасывают зерно. Зажигают костры лю-

ди из дома жениха. У каждого костра невесту останавливают, требуют выкуп, кричат: «Невесту согреть, невесту согреть».

(Запись произвел в беседе с К. И. Магомедовым, 70 лет, И. Халимбековым, 84 лет, М. Закарьевым, 89 лет).

с. Усиша

Раньше село состояло из семи хуторов, потом они объединились в одно село, чтобы обороняться от постоянных нападений акушинцев. До арабского нашествия усишинцы были огнепоклонниками, поэтому, мол, во время свадьбы на пути следования невесты зажигают костры. Во время лунных затмений усишинцы также зажигают костры.

Говорят, что ислам среди усишинцев стал распространяться только после войн Тимура.

У усишинцев был свой талкан, который вел свое происхождение от арабских завоевателей.

с. Верхнее Мулебки

Когда-то существовал обычай везти невесту верхом на лошади. Потом случилось так, что лошадь, на которой ехала невеста, была убита. Тогда лошадь из свадебного обряда исчезла, но обычай разбрасывать ячмень на пути следования невесты сохранился.

с. Муги

В местности, где сейчас Ая-Махи, находился аул Ме-Муги. Поблизости проходила дорога, и ме-мугинцы занимались разбоем. Жители окружающих сел сперва жаловались на ме-мугинцев, а потом собрались вместе и стали грозить, что уничтожат селение, и предложили ме-мугинцам покинуть эту местность. Ме-мугинцы бежали в Андалал и основали там новый аул Ме-Муги. Земли, ранее

принадлежавшие им в местности Карбучидерка, перешли в общее пользование акушинцев, ушинцев, мугинцев, цудахарцев, мекегинцев.

В Муги после завоевания арабами был поставлен эмир. В самом ауле сохранились развалины крепости, где он раньше жил. Старожилы передают, что в одно время Муги было подчинено шамхалам.

Когда кадием в ауле Муги стал Шейх-кади, шамхалу не раз приходилось ходить войной на мугинцев. Часть населения во время войн уходила в Гапшиму. В ауле сохранилось предание о том, как туда пришли иранцы и устроили «шахскую молотьбу». Передают, что такую молотьбу детей в свое время устроил Тимур.

Население делилось на узденей и лагов. Уздени, в свою очередь, подразделялись на две категории. К первой категории относились юртла — коренные жители. Судьи выбирались только из их числа. Эта часть населения делилась на четыре тухума и выбирала из каждого тухума по одному судье-каттын.

Юртла-эганты — это некоренные жители, пришедшие позднее. Они составляли вторую категорию. Они не имели права выбирать судей и не делились на тухумы.

Среди четырех судей был халал-каттын, старший судья. Кроме судей был еще кадий.

У мугинцев существовал обычай при женитьбе закладывать дом и всё имущество на имя невесты. В случае развода муж лишался всего. Есть даже поговорка: «Если не хочешь жить, бери свою палку и убирайся». Имеется в виду, что муж гол, как палка, и без имущества он никуда не уйдет.

У мугинцев существовал и такой обычай. Мать жениха выливала на голову невесты ковш масла, которое растекалось по лицу, плечам, одежде. При этом она приговаривала: «Пусть твоя жизнь будет сытной, в достатке».

Своеобразен обряд оплакивания. Во дворе умершего собираются женщины, они образуют круг, в который выходит одна из близких покойника. Она начинает песню-плач, а все стоящие в кругу

начинают подпрыгивать, постукивая себя по бедрам и плача. Причитая, перечисляют умерших заслуженных родственников покойного, упрекают аллаха за то, что он забрал такого хорошего человека.

с. Н. Хварши

Недалеко от с. Н. Хварши есть гора под названием Хумы (разбитая голова). По преданию, здесь христиане из Тушетии устраивали Джевори (святой день Георгия). Праздник продолжался больше двух недель и сопровождался шумным весельем. До настоящего времени сохранились большие обломки сосудов, в которых христиане привозили напитки для праздника. Здесь же сельчане нашли каменный крест и бронзовую статуэтку.

В старину хваршинцы дружили с тушинцами. В сезон свадеб все взрослое мужское население находилось в Тушетии.

Когда рождался сын, тушинец преподносил своему кунаку хваршинцу в подарок ружье, кинжал или коня.

с. Тадмагитль

Замуж выдавали в очень молодом возрасте: в 12—13 лет девочку считали совершенно зрелой, и, согласно корану, держать в доме родителей ее уже было нельзя. Жениха выбирали родители. За кого хотели, за того и выдавали. Был и такой обычай: старейшина аула засидевшуюся девушку выдавал за того, чье имя она назовет. Тот человек, хочет или нет, все равно должен был жениться.

с. Кара-Кюра

До нашествия арабов жители аула исповедывали христианскую веру и жили в пяти населенных пунктах: Армут-Куза, Яркийль, Чурухюр, Старалай

Хев, Кара-Кюра. Вокруг аула был густой лес. Жители считают, что они происходят от армян.

Кара-кюринцы имели своего правителя Камкама. Он предводительствовал в войнах с арабами. Арабы разбили кара-кюринцев и разорили до основания все их селения. В борьбе погиб и Камкам.

Из других правителей, живших после Камкама, жители помнят Рази-бека, который носил уже мусульманское имя. По его приказу старые поселения брошены и жители пяти населенных пунктов были переселены в Кара-Кюру.

Лучшие пахотные земли — Чияр и Чувухур, расположенные вокруг аула, считались бекскими. Беку принадлежали также земли, расположенные в нынешнем Усхчае.

Кара-кюринцы называли своего правителя то ханом, то беком. Самих себя они считают раятами. Беки посылали крестьян через горы в Бакв за нефтью для светильников.

Кара-кюринские беки не имели никакого отношения к лакским бекам. Это была самостоятельная ветвь, идущая от Камкама.

Сохранились предания о жестокостях и насилиях кара-кюринских ханов и беков. Народ сопротивлялся насилию. Существуют рассказы о том, как крестьянин Демир со своими родственниками вел длительную борьбу с беками. Своей борьбой против беков памятен народу и Зинги Мулла.

с. Яраг

Яраг состоит из Юхари-Ярага и Ашари-Ярага. В XVIII—XIX веках Юхари-Яраг был центром ярагского ханства. Сохранились развалины ханского дворца. Вокруг дворца было семь домов беков, братьев хана. Рядом с ханским дворцом была кладовая. Дворец и бекские дома были окружены крепостной стеной с бойницами и башнями. Во дворец вода по трубам поступала из Бил-билкентского родника. После того, как хан отвёл воду, окрестные жители стали испытывать большую нужду

в воде. Они разбежались и в новой местности основали аул Билбилкент-Казмалар.

Внутри крепостной стены находилась ханская мечеть. В настоящее время уцелел жилой дом Тагир-бека из восьми комнат. Верхняя часть дома служила жильем, а нижняя часть помещения занята была под хозяйственные нужды. В одной из комнат на земляном полу располагались до десяти глубоких ям с крышками для хранения муки, вина и других продуктов питания.

Первым ярагским ханом был Юсуф. Он имел сыновей: Тагир-бека, Халим-бека, Селим-бека, Магомед-бека. Последние двое сыновей жили беками в Курахе.

Ярагский хан владел пастбищными землями в Курахе и был собственником большого количества кутанов. Ему было подвластно население от Ашага-Стала до Магарамкента.

Все, кто не был связан родством с беками, назывались раятами. На территории ханства имелись и рабы (лукъ). Раяты работали на хана и беков: обрабатывали ханские поля, убирали урожай, косили сено. В обязанность раятов входила также заготовка и доставка дров в Курах из магарамкентских лесов. Из Кураха в Яраг раяты возили глину для ханских и бекских крыш.

Ярагские ханы славились своей жестокостью и деспотизмом. Хан установил право первой ночи. Во время прогулки хана или бека раятам запрещалось появляться на улице.

с. Целегюн

Аул основан лезгинами, выходцами из нынешнего Кусарского района Аз. ССР примерно в 14—15 веках. Аул, откуда вышли целегюнцы, назывался Цалагур.

До XVIII века аул был независимым. С XVIII века жители Целегюна стали подданными лакских феодалов. В ауле были и беки: Абас-бек и Атем-бек. Отцом Абас-бека был Гарун-бек, живший

в Курахе,— он был двоюродным братом лакского феодала Чулак-Сурхая.

Когда Целегюн был завоеван лакскими феодалами, в Южном Дагестане было вообще неспокойно. Слабые аулы терпели притеснения от сильных. Везде царил разбой. Этим и воспользовались лакские феодалы. Жители на первых порах не возражали, ибо лакские феодалы ограждали их от разбоя и других бедствий.

Целегюнские беки владели аулами Целегюн, Гезеркент, Кайсун, Магарамкент, Барбар-кент, Бирбир-кент. Целегюнцы отбывали бекам дегек: с каждого двора рипе (4 1/2 пуда) ячменя и столько же пшеницы с каждого двора, а с тех, кто имел свыше десяти овец, бек брал по одной овце.

с. Кака

Какинцы являются выходцами из местности Ших-капландарег в нынешнем Нухинском районе Аз. ССР. Местность эта и сейчас населена лезгинами. Ушли с прежнего местожительства из-за частых нападений врагов.

Поселение небольшое. Местность хорошая, бекам она понравилась, и они захватили какинские земли.

Какинские беки происходили от буркиханских беков. Пришли из Рутула. В разное время беками в ауле Кака были Али Султан-бек, Шуай, Муса-бек, Аслан-бек.

Какинские беки владели пастбищными землями и в Рутуле — Куртай и Олекандер. В ауле Кака они владели пахотной землей в местности Перрег. Кроме того, беки имели много мелких кусков пахотных земель, вкрапленных в крестьянские земельные угодья.

Какинским бекам принадлежали села Луткун и Ялах. Жители этих сел считались раятами, шесть дней в неделю они работали на беков.

Положение какинцев несколько отличалось от положения раятов Луткуна и Ялака. Беки пытались обращаться с ними как с раятами, но какин-

цы сопротивлялись. Много столкновений с беками было из-за воды. Поля и сады были поливные, а беки забрали всю воду. Беки поджигали сено, кизяки, похищали скот.

Бек Аразай особенно памятен какинцам. Он оскорблял жителей аула, не щадил и стариков. Однажды он явился на очар и стал ругать крестьянина Корчугая. Тот ударил бека по лицу. Бек стерпел и ушел, так как тут было много его врагов, но вскоре, вооруженный кинжалом, подкараулил Корчугая, когда тот был один, напал на него и отрубил ему голову.

с. Сумбатль

У сумбатлинцев сохранилось предание о столкновении между бедняками и богатыми жителями села. Во главе бедноты стоял Вали-Абдулла. Он был чабаном в тухуме Магуля и разоблачал проделки богачей. Сельчане его поддерживали. Тогда богачи стали обвинять Вали-Абдулла в том, что он соблазняет их жен и дочерей и грозил убить его. Вали-Абдулла вынужден был переселиться в село Урова. Рассказывают, что перед уходом из села он пожелал сельчанам, чтобы у них всегда был урожай, чтобы у их овец было по одному ребру лишнему и чтобы они добились полной свободы.

с. Гуми

Жители табасаранского села Гуми рассказывают, что в соседнем селении Вертил жил богач по имени Жюгель. У него было много земли, ему принадлежала пастбищная гора Ралак, и на него работали крестьяне Урги, Ярага, Джучи, Фурдага и Вертила. Они обрабатывали поля Жюгеля и заготавливали на зиму корм для его скота. Крестьяне этих селений сговорились и однажды отказались работать на феодала. Тогда Жюгель запретил крестьянам пасти скот на горных лугах, а кто нарушал запрет, того штрафовал. Крестьяне роптали.

Когда семеро сыновей Жюгеля пошли со своими слугами косить сено на горе Ралак, крестьяне тоже отправились на эту гору. Произошла стычка, и все сыновья Жюгеля были убиты. Жюгель бежал в Дербент и оттуда пришел в аул с отрядом иранских войск. Все население верхнего Табасарана выступило против захватчиков. Сражение продолжалось целую неделю, но выступление крестьян было подавлено. Жюгель с захватчиками учинил жестокую расправу над повстанцами. Было это вблизи села Фурдаг.

с. Зрых

Аул основан переселенцами из нынешнего Кубинского района АзССР в середине XV века. Место, откуда переселились, называлось Зрых. Жить там было опасно, аул подвергался частым нападениям.

В стене мечети в новом Зрыхе вложен камень. На нем надпись о времени постройки—1253 год.

Рутульцы вели много войн из-за Зрыха. Соседнее со Зрыхом село Кусер рутульцы за сопротивление им разорили до основания, а население обратили в рабство. После этого рутульцы еще чаще стали нападать на зрыхцев. Каждый раз зрыхцам на помощь приходили ахтынцы (Ахты не было заинтересовано в усилении рутульского общества на его границе). С обеих сторон постоянно совершались жестокости. Однажды зрыхцы захватили в плен пятнадцать рутульцев, посадили их в подземелье, отравили их дымом, а потом бросили на гумно и стали молотить тела хирмапамн, как молотят хлеб.

4. Классовая борьба в народных преданиях и в воспоминаниях стариков

Записи эти о классовой борьбе в дагестанских аулах сделаны в разные годы.

В Карате сохранилось предание о борьбе с хунзахскими ханами, которые часто совершали нападения на каратинское общество.

Предводителем каратинцев был Малла. При нем хунзахский Ибрагимхан с большими отрядами приблизился к высоким горам, окружающим с. Карату и другие аулы. Прикрываясь тем, что он родственник и потомок рода курейшитов, Ибрагимхан стремился присвоить лучшие пастбища и земли каратинцев.

С горы, как на ладони, была видна вся Карата, вплоть до Анди, Цунта и Бурты. Малла благодаря этому заранее узнал о приближении врага и послал гонцов за помощью в дружественные аулы. Всех каратинских женщин он тем временем отправил на каратинские участки на полевые работы, всех детей послал играть в мяч, а всех взрослых мужчин небольшими отрядами по 5—7 человек направил друг за другом в низ горы, у подножья которой стояли люди Ибрагимхана. Через некоторое время небольшие отряды стали приближаться и из Арчо, и из Хелетури, и из В. Инхело. Ибрагимхан увидел все это, испугался и сказал: «Я не знал, что Каратинское общество так богато населением... Столько людей идут против нас, столько мужчин пашут свои поляны, а юноши и дети, как ни в чем не бывало, играют в мяч и веселятся,—им даже дела до нас нет... И из других аулов еще идут. Лучше нам иметь в их лице друзей, чем врагов».

У самой вершины горы было некогда сгоревшее селение Эшха. Люди Маллы наполнили там золой огромный глиняный кувшин и сбросили его вниз. Поднялось огромное облако пыли. Ибрагимхан подумал, что это оружие, и еще больше испугался и дал слово никогда не ступать на землю Каратинского общества.

Хунзахские ханы все-таки продолжали нападать и снова пытались захватить горные пастбища. Особенно здесь помнят ханов Фаталиевых, Баталиевых, Сурхаевых. Этим и объясняют каратинцы тот факт, что на пограничных с ними землях, вдали

от Хунзаха поселились люди с хунзахским языком. Это были передовые посты хунзахских ханов, задача которых была охранять захваченные ханами территории. В Местерухе, Цолоде и Ингердах — хунзахский язык, в ауле Тукита — свой язык, но идет он от каратинского корня, а дальше в пяти ахвахских селениях уже свои языки.

* * *

Между уркарахцами и урахинцами часто происходили столкновения из-за земель. Чтобы избавить людей от кровопролития, оба джамаата договорились организовать единоборство силачей; спорные земли перейдут к той стороне, чей богатырь победит в единоборстве. Уркарахцы выбрали для борьбы жителя аула Кубагу по имени Ваклаки. Он победил урахинского силача. Так уркарахцы отстояли свои пастбищные земли.

Ваклаки после единоборства жил недолго. Могила его стала у уркарахцев местом поклонения.

* * *

Во время одного из столкновений на границе Каба-Дарга погибли все урахинские воины. Матери, жёны и сестры, тревожась о своих близких, направились к месту сражения. На пути им повстречался урахинец Маки, возвращавшийся с места боя. Он сообщил печальную весть и сказал, что только он один и уцелел. Женщины стали кричать: «Зачем он вернулся живым! Кому он теперь нужен?» — и закидали Маки камнями.

* * *

Мурсал-хан не раз ходил на аул Куга, стремясь подчинить кугинцев своей власти. Они сопротивлялись, но хан продолжал беспокоить аул своими набегами. Кугинцы даже на полевые работы выходили вооружёнными.

* * *

В 1911 году безземельная беднота аула Куруш потребовала от сельских старшин, чтоб беднякам была выделена земля из общественного фонда. Старшины посоветовались и отвели беднякам самые плохие земли — самые лучшие остались по-прежнему у богатеев. Тогда беднота подняла восстание против старшин и богачей. Борьбу возглавили Ферзали и Мурад. Но выступление бедноты было подавлено. Главари восстания скрылись из аула. В 1915 году Мурад и Ферзали вернулись в Куруш, организовали новое выступление бедноты, подожгли дома старшин и богачей. Большинство участников было схвачено, а Мураду удалось бежать в Азербайджан.

* * *

Жители села Куркак считались раятами вечерикского бека. Некий Гаджи не вытерпел бекских поборов и стал выступать против бека. Бекские нукеры напали на Гаджи и ранили его. Но смельчак не смирился. Его стали поддерживать сельчане. Они угоняли бекский скот. Бек стал преследовать семью Гаджи. Он ходил с жалобой к начальнику Кайтаго-Табасаранского округа, к губернатору Дагестана. Его ругали, арестовывали.

* * *

90-летний Хидир Набиев из Кураха рассказывает о Мурсал-хане. Это был очень злой хан. Что он хотел, то и делал. Когда ему хотелось свежего мяса, он приказывал нукерам зарезать первого попавшегося барана или быка. У того, кто оказывал сопротивление его воле, он отрубал пальцы, руку и даже резал человека, как это делают, когда режут скотину на убой. Когда хан переезжал из одного селения в другое или выходил на прогулку, никто не имел права выходить на дорогу. Если кто-нибудь случайно и оказывался на пути хана, то должен был немедленно пасть лицом наземь.

Однажды хан встретил одного крестьянина, который не узнал хана и не поклонился ему. Хан приказал нукерам схватить грубияна и отрубить ему голову. Откос под горой, к которому скатилась голова казненного, народ объявил зияратом, то есть священным. Все говорили об убитом, как о мученике.

* * *

В местности Чахха, в семи километрах от Хаджалмахи в сторону Левашей, по преданию, было расположено небольшое феодальное владение во главе с талканом. Люди этого ханства были настолько бесправны, что не могли даже дочерей своих выдавать замуж без ведома талкана. Среди девушек этого ханства нашлась одна сильная волей, и когда наступило время замужества, она заявила своим родным, что скорее умрет, чем пойдет в дом талкана. Родители стали уговаривать её не делать этого, но девушка была непреклонна. Она, её брат и жених сговорились между собой и совершили побег из села. Они бежали и поселились в местности Кунпражи, чуть южнее Цудахара.

* * *

Сохранилось предание, что в ауле Бутри жил с четырьмя своими братьями талкан по имени Аку. Он притеснял жителей, и братья были такими же насильниками, как и он. На насилия бутринцы ответили бунтом, и талкан с братьями вынужден был бежать в Акушу. Так бутринцы избавились от угнетения талкана.

* * *

Между уркарахцами и кабадаргинцами часты были вооруженные столкновения. В стычках гибло много людей. Говорят, что во время одного из столкновений за мужчинами-кабадаргинцами отправились и женщины селения. Об этом узнали уркарахские женщины и тоже последовали за своими мужьями. Когда противники стали прибли-

жаться, женщины выступили вперед и устроили живое заграждение. Мужчины не осмелились стрелять в женщин враждебного им селения. Так вооруженные мужчины постояли немного, а потом разошлись.

* * *

В Куркенте правил Мирза-бек из Векилара. Он был жесток и чинил насилия над жителями. Один из жителей Куркента по имени Чулак Эскер выступил против бека и ударил его. Обозленный бек с помощью своих нукеров расправился с Чулаком. Впоследствии, запугивая провинившихся жителей, он говорил: «Смотрите, в Чулак отправлю».

* * *

При рутульском Хасан-хане участились грабительские набеги на ялахцев. Рутульцы требовали от ялахцев пахты (угощения) и являлись за пахтой иногда два раза в неделю. Ялахцам это надоело, и они решили оказать сопротивление насильникам. Однажды, когда к ним прибыл посланец из Рутула и предупредил, чтобы они готовились к пахте, ялахцы схватили его и сбросили в пропасть. Явившихся на пахту рутульцев они тоже убили. Чтобы избавиться от мести, ялахцы решили обратиться за покровительством к курахскому хану. Он послал в Ялах своих родственников, и население этого аула стало отрабатывать курахским бекам по три дня в неделю и давать им по три мерки хлеба с каждого двора.

* * *

При Шамиле ялахцы отказались платить дань бекам, и беки вынуждены были переехать в с. Кака. Когда установилась царская власть, ялахцев заставили вновь отбывать бекам повинности.

* * *

В Оротнинском ущелье Ахидури люди занимались виноградарством. Всеми виноградниками

владел Ачакилав из аула Чинквада (сейчас этого аула нет). У него была большая дружина; она охраняла виноградники и никому из оротинцев не разрешала собирать виноград до тех пор, пока Ачакилав не отбирал для себя лучший виноград.

Оротинцы пытались забрать виноградники в свое владение, но дружина Ачакилава всегда побеждала их. Тогда оротинцы пошли на хитрость. Они послали в дружину своих людей и каждому из дружинников сказали, что его вызывает в Харахи наиб. Так по одиночке они убили всех дружинников. Ачакилав узнал об этом и убежал в Аргвани.

Могила дружинников сохранилась до сих пор. Оротинцам в результате их победы досталась богатая долина.

* * *

В селении Уцхдике (Табасаран) борьбу крестьян против Амир-Гамза-бека возглавил крестьянин Насур из тухума Гаджиляр. Крестьяне требовали, чтобы бек возвратил им захваченные им земли и освободил их от податей и повинностей. Насур от имени односельчан ходил в Темир-Хан-Шуру с жалобой на бека к губернатору. Когда беки узнали об этом, они подкупили убийц и напали на уполномоченного крестьян: когда Насур возвращался из Темир-Хан-Шуры в Дербент, они сбросили его с поезда.

Борьба крестьян против беков продолжалась и после этого. Против бека поднялись люди тухума Уцугар. Братья Ашурбег, Раджаб и Ибрагим вместе с родичами пришли вооруженные на бекские поля и стали убирать с них хлеб. Беки послали против крестьян вооруженный отряд. Во время вооруженной схватки были убиты жена бека и его сын Эскендер-бек.

* * *

Во время владычества хунзахского Уммахана его войско находилось в Грузии под начальством Хаштахил Исы. В войске были и оротинцы. На со-

держание войска Уммахан взимал по мерке зерна с каждого двора. Народ боролся против этого налога.

Оротинцы сообщили хану, что они не будут больше платить налог. Тогда Уммахан написал письмо в Грузию и приказал Хаштахил Исе, чтобы тот немедленно привел войско в Хунзах, а всех оротинцев, служивших в его войске, убил.

Иса отвёл оротинцев в сторону, сообщил им о письме хана и не убил оротинцев, а отпустил их домой.

Когда войско Уммахана вернулось в Хунзах, хан решил двинуться на оротинцев. Но они уже были предупреждены об опасности, покинули свой аул и расположились в Чинкваду (название исчезнувшего аула). Уммахан остановился в долине Ахидури.

В пятницу, когда народ выходил из мечети и не прятался, таким образом, от Уммахана, хан издали выстрелил из ружья в толпу и тяжело ранил одного человека. Но оротинцы подхватили раненого и увели его в ближайший дом, чтобы Уммахан подумал, что его пули не долетают в Чинкваду. Тогда Уммахан занял позицию поближе к аулу.

Войско Уммахана превосходило силы оротинцев, и поэтому они послали гонцов в Инхо, Игали, Унцукуль и просили о помощи.

Уммахан не стал дожидаться, пока к оротинцам подоспеет помощь, и приказал Исе выступить против оротинцев. Иса хотел отговорить хана от выступления, но не сумел. Тем временем ночью на помощь оротинцам прибыл отряд из Игали. Игалинцы устроили засаду и, когда ханское войско двинулось в путь, напали сзади. В живых в отряде Уммахана осталось всего несколько человек.

Узнав о поражении своего войска, хан убежал в Хунзах. Начальник его войска Иса был убит. В долине Ахидури есть ущелье, которое так и называется: «Ущелье, где убит Иса».

Говорят, что мать Исы спела над трупом сына следующие слова: «Пусть родится в Оrote тысяча человек. Они оставили на груди Исы лишь одну рану. Пусть не останется ни одного человека

в Хунзахе. Хунзахцы привели его в Ороту, чтобы его там убили».

После этого столкновения оротинцы перестали платить хану дань.

* * *

В Мушули жили беки, происходившие из хунзахского ханского дома. При приближении имама Гамзат-бека мушулинские беки укрепились в башнях и к этим башням нельзя было подойти. Тогда мюриды стали рубить сады вокруг башен. Срубленные деревья они побросали поближе к башням, а затем подожгли. Дым позволил Гамзат-беку подойти к башням, взять их и истребить всех мушулинских беков.

* * *

В Курахе и окрестных селах сохранились предания о шах-хирмане. Каджары сгоняли женщин с грудными младенцами на сельские гумна, связывали их по рукам, валили на землю и затем устраивали по телам скачки, топтали женщин и детей конскими копытами.

* * *

Ортастальцы рассказывают, что до нашествия Надир-шаха неподалеку от Орта-Стала было расположено укрепление Кард. Местное население называло это укрепление городом. Когда Надир-шах послал в Кард людей с требованием покориться, кардцы убили посланцев шаха; Надир-шах штурмом взял город и разрушил его. Он согнал в одно место всех детей и на глазах оставшихся в живых родителей связал детей и погнал на них лошадей. Так шах за непокорность устроил ток из людей и разрушил город.

* * *

Табасаранцы в местности Зидьян, прозванной населением Иран-хараб (гибель Ирана), нанесли

чувствительный удар войскам Надир-шаха. В наказание за это шах вторгся в земли табасаранцев и разрушил множество сел. Жителей увел в плен. На территории Ашари-яракского сельсовета сохранились развалины одиннадцати сел. В местности Ишмиг шах устроил молотьбу детей — шах-хирман. На территории, прилегающей к селению Чулак, имеются развалины трех разрушенных сел: Хтараг, Гюржар и Гебрыг.

* * *

В ауле Карацан известна легенда, рассказывающая о борьбе против Магомета — ставленника Надир-шаха в Кайтаге и Табасаране.

Обосновавшись у Солёного родника (Чумусиниц), неподалеку от современной станции Мамедкала, Магомет посылал в окружающие его селения своих людей для сбора дани. Сперва он брал гроздь винограда с каждого жителя или же её стоимость. Потом стал брать корзину и, наконец, дошел до того, что стал похищать девушек для шахского гарема. Население, возмущённое наглостью иноземцев, восстало. Селения объединились, избрали руководителей вооруженных отрядов, и они стали совещаться, как лучше организовать нападение на становище шахского наместника у Солёного родника.

Руководитель отряда селения Хадаги предложил прибить лошадям подковы наоборот, чтобы следами лошадей обмануть противника. Большинство согласилось с этим, но сказало, что главное выступить не в одиночку, а соединиться вместе. Так и решили.

Выступили ночью. Сперва небольшой отряд напал на людей наместника Надир-шаха, а когда персы погнались за смельчаками небольшого отряда, основные силы восставших, засевшие в засаде, напали на людей шахского наместника и захватили почти все его войска. Наместник Надир-шаха послал новые войска, но горцев и след простыл. Погоня ни к чему не привела — отряд восставших ушел совсем не туда, куда показывали

следы копыт. Так хитрость и сплоченность выручили горцев из беды.

* * *

В сел. Урари рассказывают, что царский наиб Шахбан взимал с каждого, кто не посещал в пятницу мечеть, штраф — три барана. Одного ураринца по имени Амирбек-кади привели в мечеть силой. Но крестьянин стоял в мечети и не молился. Тогда наиб созвал жителей аула на сход и потребовал, чтобы Амирбек-кади объяснил собравшимся, почему он не молился. Амирбек-кади во всеуслышание заявил: «Я не верующий и не могу молиться». За ним с тех пор пошло прозвище Капур-кади.

* * *

Кайтагский уцмий во время Кавказской войны пытался подчинить своей власти жителей селения Шияги. Он говорил им: или вы все будете моими лагами, или я призову царских солдат против вас. Так угрожал он и другим крестьянам. Тогда кайтагцы обратились за помощью против уцмий к Шамилю. Шамиль послал в Шияги своего наиба Бук-Магому с отрядом. В сражении с уцмием и царскими войсками Бук-Магома получил много ран и умер. Уцмий разрушил с. Шияги. Многие крестьяне были убиты и сосланы.

* * *

В Согратле рассказывают, что Надир-шах перед тем, как спуститься с Чолда-меэра в Андалалскую долину, послал к согратлинскому кадию гонца с мешочком пшена. Этим самым шах давал знать, что у него столько воинов, сколько тут пшена. Не лучше ли покориться без сопротивления? Согратлинцы ответили шаху так: «Возвращаем мешок с пшеном и впридачу посылаем общипанного петуха. Сам пойми».

Высокомерный Надир-шах не внял предупреждению горцев, пошел войною против них и погубил все свое войско.

* * *

Когда-то в Телетле были свои беки. Еще до Кавказской войны телетлинцы восстали против беков и истребили их. Но один из потомков истребленных феодалов, Магомед, был тогда ребенком. Одна из рабынь спасла его и отвезла в Хунзах. Нуцал вырастил его и, когда Магомед достиг совершеннолетия, выдал за него свою сестру и поселил в своем имении, где сейчас расположен аул Голотль. Так Магомед стал родоначальником бекской династии в Голотле.

5. Исторические памятники — свидетели нашей истории

Дагестан — это своего рода музей разнообразных археологических, этнографических и историко-географических сокровищ. Но жизнь любого памятника истории, архитектуры и искусства особенно ценна для людей тогда, когда обращение к этим памятникам служит средством обогащения духовной жизни советского человека, содействует коммунистическому воспитанию трудящихся.

Для улучшения охраны памятников и их пропаганды в нашей республике создано Дагестанское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а при Министерстве культуры — Государственная инспекция по охране памятников. В самом факте создания общества охраны памятников истории и культуры проявляется внимание партии и правительства к культурному наследию народа. Но ответственность за это важное государственное дело, к сожалению, проявляется не везде.

Сказывается тут и стремление некоторых товарищей, увлеченных практическими сегодняшними делами, отмахнуться от всего прошлого. Мы должны

сказать этим товарищам, зараженным узким практицизмом: нельзя быть передовым человеком своего времени, не чувствуя связи времен вообще. Нельзя смотреть вперед, не оглядываясь в то же время и назад. Мы, советские люди, в ответе за все, что было, есть и будет. Мы не можем оставаться равнодушными к тем лицам, которые смотрят на прошлую историю народа, как на ветхозаветный хлам.

Богата и самобытна культура народа Дагестана, разнообразны его памятники. В них запечатлены и талант народа, и его трудовые и революционные традиции. Это священные реликвии народа, его национальная гордость.

Памятников в Дагестане много, но не все они еще учтены. Мало того, мы то и дело сталкиваемся с фактами варварского разрушения и расхищения ценнейших историко-культурных памятников. Приведу вопиющий факт. Вдоль Каспийского побережья для вновь создаваемых виноградарских совхозов отведены земли, на которых находятся множество курганных погребений. Бульдозеристы выходят в поле и разравнивают их. То же самое происходит в Манасе, в совхозе им. Герейханова, в Белиджах, Андрейауле, Аксае, Каякенте и в окрестностях Дербента.

Пора понять, что сохранение памятников — задача большой государственной важности. Исполкомы местных Советов должны регулярно рассматривать на своих заседаниях вопросы о состоянии памятников и мерах улучшения их содержания. Надо добиться, чтобы памятники, особенно историко-революционные и боевой славы, имели своих шефов в лице отдельных предприятий, колхозов, совхозов, учреждений, школ, молодежных организаций и т. д. Памятники должны приобщить своих друзей, умеющих защищать их и пропагандировать. Чтобы добиться этого, требуется только одно — возродить в широком масштабе и развить ленинские принципы отношения к культурному наследию народа. Добился же В. И. Ленин в трудные годы революции замечательных успехов в охране памятников истории и культуры. Что нам мешает

продолжить эти ленинские традиции в нынешних, более благоприятных для этого условиях?

О некоторых задачах в этой области следует сказать особо. Прежде всего нужно подчеркнуть, что настало время подумать о создании в ряде мест историко-культурных заповедников. Ими могут быть и интересные в историко-архитектурном отношении старые селения, ныне брошенные жителями из-за непригодности к современным формам быта, и старинные оборонительные сооружения, например башни, и такие археологические памятники, как Урцки и Аркас. В заповедные зоны должны войти Дербент с его окрестностями, Гуниб, Кубачи и район Калакорейша. Со временем заповедные зоны станут местом массового туризма.

Уже несколько лет производятся реставрационные работы в комплексе памятников архитектуры Дербента. Но без внимания остаются ценнейшие памятники народного зодчества в горной зоне республики. Среди большого числа таких объектов можно отметить следующие:

1. Боевая башня в с. Ицари (Дахадаевский район). Необходимо восстановить внутреннюю стену, междуэтажные перекрытия и крышу, реставрировать карниз.

2. Боевая башня в с. Муни (Ботлихский район). Восстановить перекрытия и крышу, реставрировать карниз.

3. Боевая башня в с. Мусрух (Советский район). Восстановить перекрытия и крышу.

4. Жилой дом Абдукаримова в с. Хиндах (Советский район). Это хорошо сохранившийся дом в ныне заброшенном селении. Уникальный образец древней архитектуры. Нужно купить эту постройку, реставрировать ее в первоначальном виде и устроить в ней туристскую базу.

Авл Гамсутль (Гунибский район) — очень подходит под архитектурный заповедник. Здесь на скале площадью 70×30 шагов наклеплено сто домов, воплотивших в себе в целом все особенности народной архитектуры. Здесь есть боевая башня, а на глиняной обмазке каминов — штампованные,

редкой техники рельефы. Гамсутль интересен и в географическом отношении; на его скалу можно попасть только двумя тропинками.

Следует назвать некоторые памятники старины в горных селениях.

Хотода. Сохранились ворота селения с аркой, машикулями и сторожевым помещением. В старину ворота на ночь запирали. В селении — боевая башня, башня и дом Хочбара.

Урада. Сохранились арка ворот селения и дома с петроглифами.

Хиндах. Сохранились: арка ворот, боевая башня, редкое по технике жилище Айшат Мусaeвой (в нем, кроме двери, ни одного деревянного элемента — всё, включая перекрытия и кровлю, выполнено из камня).

Кахиб. Боевая башня в селении. Их несколько в ауле. Сохранилась на 6—7 этажей. Башня была выше.

Тидиб. Боевая башня, дома с петроглифами, дом А. Нухулова — первичное, пережиточного характера однокамерное горское жилище.

Мокок. Боевая башня в селении. Дом Т. Магомедова в семь этажей, дом Рамазанова в шесть этажей (именно дома, а не башни).

Хуштада. Круглая боевая башня (у источника) и дома с петроглифами.

Ругуджа. Боевая башня в селении; здание бывшей христианской часовни («*klalga rukh*» или «*ghatlan rukh*» — «церковный дом», ныне собственность г-ки Гандил Галилай), дома с петроглифами (в том числе резное изображение на камне битвы человека с чудовищем).

Гочоб. Боевая башня в селении.

Карата. Древнее, очень редкое турлучное жилище (собственность Патимат Аличуевой).

Чох. Дом Мамалова — резные украшения всех видов.

Местность Анада около Ругуджи. Развалины замка «Ханасулхъала» (IX—XI вв.).

У слияния рек Хван-ор и Джурмут. Хорошо сохранившаяся сторожевая башня, сложенная на растворе.

Гапшима. Круглая боевая башня с бойницами. Расположена на выступах горы на высоте около четырехсот метров над селом. Там же сохранились крепостные сооружения.

В горных селениях Дагестана (Калакорейш, Хучни, Хив, Ицари) имеются ценные произведения монументального декоративного искусства — резные каменные и деревянные детали разрушенных или разрушающихся построек. Их необходимо вывезти в музей и сделать доступными для обозрения.

В связи с поднятыми здесь вопросами хотелось бы коснуться и вопроса о дагестанской сакле. Многие о ней отзываются с пренебрежением. Между тем сакля горца — ценный историко-архитектурный и художественный комплекс, складывающийся веками. Если хотите, это памятник строительного искусства, быта и художественного творчества народа. В Дагестане во многих аулах сохранились почти в нетронutom виде средневековые дома со всем соответствующим интерьером. Сейчас, когда аулы перестраиваются на новый, социалистический лад, следовало бы сохранить наиболее интересные в историко-архитектурном отношении старые жилые дома.

Необходимо также поддержать развертывание сети народных музеев. В каждом районе должен быть свой музей. Кстати, непонятно, почему столица республики до сих пор не имеет своего музея по истории города?

Многие наши районы богаты свидетельствами героического прошлого. Почему бы, например, согражданинам, чохцам и мегебцам не создать объединенный музей славных дел 1742 года, когда их предки нанесли сокрушительный удар грозному восточному завоевателю Надир-шаху? Много материала для такого музея можно собрать в окрестностях этих аулов.

В Дагестане есть много того, что должно сблизить и укреплять дружбу между советскими народами. В Дагестане были М. Лермонтов, Л. Толстой, декабристы Полежаев, Бестужев-Марлинский, здесь родился Багратион. Сыны русского

народа просвещали горцев и ковали дружбу между ними. Памятные места, связанные с именами этих представителей русской культуры, тоже требуют внимания.

Немаловажен вопрос о художественном оформлении воздвигаемых сейчас обелисков. Тут у нас не всё благополучно: большинство памятников в честь борцов за власть Советов в Дагестане угнетающе похожи друг на друга. При сооружении этих памятников не используются местные камнерезные и строительные традиции.

В наших аулах много таких элементов монументально-декоративного искусства, резных камней, деревянных деталей разрушающихся построек, предметов быта, которые усиленно собирают сейчас отдельные любители старины и дельцы-коллекционеры, которые наживаются на этих произведениях, вывозя их на легковых машинах за пределы Дагестана. Было бы более разумным сосредоточить все эти богатства в городах нашей республики в специальных павильонах и выставочных залах.

Дагестан всегда славился обилием рукописей на восточных языках. Они гибнут. Некоторые частные лица спекулируют ими, сбывают за большую цену в соседние республики. Надо пресечь расхищение старинных рукописей и документов.

Говорят, что Дагестан — это хранилище древних ценностей и реликвий прошлого. Но памятники, спрятанные в сундуках, не доступные человеческому обозрению — это еще не народное богатство. Задача состоит в том, чтобы сделать их доступными всем людям и с их помощью воспитывать новые и новые поколения.

6. К истории города Махачкалы

Если учитывать официальные сведения об образовании Порт-Петровска, то столице нашей республики всего 127 лет. На самом же деле историю города нельзя отделить от истории тех человеческих поселений, которые здесь существовали с глубокой древности. Об этом говорит хотя бы неоли-

тическая стоянка Тарнаир в шести километрах к западу от Махачкалы и памятники эпохи бронзы у селений Альбурикент, Кяхулай и Тарки.

В первом тысячелетии до н. э. по узкой территории от Тарки-Тау до моря проходили киммерийцы и скифы. Здесь передвигались и сарматские племена, а позже другие кочевники. Часть из них оседала у берега Каспия, смешивалась с коренным населением предгорий.

Наиболее известное из древних прикаспийских поселений — город Семендер. До VII века это была столица обширного государства, сыгравшего большую роль в истории юга нашей страны — Хазарского каганата. О Семендере много сведений у арабских и других восточных авторов. В VII—VIII веках арабы во время своих завоевательных походов неоднократно разрушали населенные пункты Прикаспия. Тогда был разрушен и Семендер, и крепость Анджи-Кала (глиняная крепость), расположенная неподалеку от современного селения Тарки.

Со второй половины XIII века Приморский Дагестан стал ареной почти столетней ожесточенной борьбы между Золотой Ордой и государством Хулагидов. За этой эпохой следуют разорительные нашествия Тимура. В результате некогда процветавший в районе горы Тарки-Тау край пришел в упадок.

С конца XV века, когда политическое положение на Востоке стабилизировалось, этот район начал быстро возрождаться и стал экономическим и политическим центром крупнейшего из дагестанских феодальных княжеств — шамхальства Тарковского. Об этом шамхальстве свидетельствуют известия русских и западноевропейских путешественников того времени, а также обращение грузинских царей к России с просьбой устранить шамхала Тарковского как источник постоянной военной угрозы. В 1590 году при царе Федоре Ивановиче против шамхала был предпринят поход под начальством князя Г. Засекина. В 1594 году отряду князя А. Хворостинина, астраханского воеводы, удалось на некоторое время захватить Тарки.

В 1604 году отряд под начальством воевод Плещеева и Бутурлина, овладев Тарками, воздвиг неподалеку укрепление, которое было названо Новым городом. В 1669 году стенам Тарков пришлось выдержать трехдневную осаду людей Степана Разина. Взять аул они не смогли.

В 1722 году Петр I совершил свой поход вдоль Каспийского побережья. 12—16 августа он стоял укрепленным лагерем неподалеку от Тарков, на территории современного города Махачкалы. Остатки этого лагеря еще в 1796 году видел русский офицер Бакунин. В дневнике Петра имеется следующая запись. «12 августа. Пришли в Тарки, от которых верст за 5 встречал шефкал. Не доходя Тарков версты за три, зная фундамент великого города, от гор даже до моря». По приказанию Петра I все участники похода положили по камню на месте, где предполагалось воздвигнуть город.

В период Кавказских войн район Порт-Петровска стал одним из опорных пунктов царизма. В апреле 1821 года над Тарками на плато Тарки-Тау была заложена крепость Бурная. Ближе к морю заложили её форштадт (хозяйственную базу) — Низовое укрепление, обнесенное канавой и земляным валом. В 1831 году Бурную осаждал имам Гази-Магомед. В 1839 году крепость была упразднена.

В ноябре 1843 года, в период наивысших успехов Шамиля, горцы во главе с акушинским кадием подвергли Низовое укрепление осаде. Гарнизон был вынужден оставить укрепление, уничтожив продовольственные склады.

В июне 1844 года вместо упраздненного укрепления Низового в двух верстах от него, на месте, где, по преданию, был лагерь Петра I, было заложено укрепление Петровское. У местных жителей оно получило прежнее название Анджи-Кала. Укрепление Петровское стало важным военно-экономическим пунктом. Через него осуществлялось снабжение царских войск продовольствием и военными материалами, которые перебрасывались сюда морем из устья Волги. В 1851 году царская администрация купила у шамхала Тарковского

земли вокруг Петровского укрепления и начала их хозяйственное освоение — здесь были разбиты казенные виноградники. В 1852 году на эти земли были переселены из Темир-Хан-Шуры 40 хозяйств.

Академик Абих нашел вблизи города серно-щелочные грязи в местности Ах-Гель, изучал таркинскую серно-щелочную воду и Туралинское соленое озеро. Он выявил и четыре нефтяных источника.

Еще во время Кавказской войны возникла необходимость в создании на побережье условий, благоприятных для судоходства. 1 апреля 1852 года в Петровске загорелся действующий и поныне маяк. К постройке гавани приступили уже после окончания Кавказской войны.

24 октября 1857 года Петровское укрепление было преобразовано в город. В 1867 году было закончено начатое за шесть лет до этого сооружение южного мола. Двумя годами позже был построен северный мол. Порт, строившийся для нужд военных операций на Кавказе, ввиду окончания войны приобрел в основном торговое и транзитное значение. Укрепление Петровское было упразднено.

Что представлял собою Петровск к концу XIX века? Любопытную картину состояния города дает годовой отчет Петровского городского общественного управления за 1898 год. Город занимал площадь в 2,5 кв. версты. Мощенные улицы только начинались, обсадка проезжей части деревьями и тротуары тоже были новшеством. Улицы города освещались 220-ю керосиновыми фонарями, а уже существовавший городской сад — 12-ю бензиновыми лампами «Чудо». Воду город получал из двух родников: городского и таркинского. Пожарной команды не было. В 1086 домах Петровска (сюда включаются и церкви, и лавки) жили 2642 человека. Города с населением менее десяти тысяч человек в те времена официально именовались в России «заштатными».

В 1898 году превышение смертности над рождаемостью составило 37 человек, однако за счет 349 приезжих наблюдался прирост населения.

В городе было девять молитвенных домов и храмов разных религий. Существовало семь

школ, из них три религиозные, в которых обучалось 242 мальчика и 102 девочки. Из четырех светских школ наивысшее образование давало Николаевское трехклассное училище. Условия обучения в нем были следующие: с ученика в 1-м классе брали 5 руб. в год, во 2-м — 7 р. 50 к. и в 3-м классе — 10 рублей.

В отчете за 1898 год градоначальник писал: «В городе имеется военно-местный лазарет, два железнодорожных лазарета, городская амбулатория для приходящих бедных больных, а также частная аптека и аптекарский магазин». Штатного врача не имелось, а обязанности его, как и в предшествовавшие годы, исполнялись врачом тюремного ведомства. «Больницы в городе не имеется и обыватели города, нуждающиеся в госпитальном лечении, за установленную плату, имевшие средства, пользовались в местном военном лазарете и военных госпиталях в гор. Владикавказе и Грозном, а беднейший класс населения по отдаленности пунктов военных госпиталей вовсе лишен был этого рода врачебной помощи, а потому желательно и необходимо иметь в городе больницу хотя бы на 12—13 коек». Примечательно, что в городке, в котором не было и трех тысяч человек населения и пределом мечтаний в котором была больничка на дюжину коек, с 1893 года имелась тюрьма на семьсот мест, её хватило бы на каждого третьего жителя города!

Отчет меланхолически сообщает: «С 1892 г., после холерной эпидемии, в г. Петровске развилась болотная лихорадка, которая продолжала все более развиваться, а в особенности в отчетном году дошла до широких размеров и унесла много жертв; большей частью заболеваемость и смертность выпадала на долю пришедшего и не освоившегося с климатом чернорабочего и бедного класса-люда». Санитарно-исполнительная комиссия, изучая причины болотной лихорадки, после многочисленных заседаний признала, что в возникновении данного заболевания повинно... разрыхление почвы при строительстве железной дороги от Петровска до Дербента.

О социальном положении и занятиях основной массы городского населения отчет сообщает: «Жители г. Петровска крайне бедного сословия, за исключением лишь нескольких торговцев, имеющих свои капиталы. Для поддержания же материального благосостояния занимаются торговлею мануфактурными, галантерейными и др. товарами, продажей на базаре в незначительном числе необходимых домашних продуктов, извозом, плотничеством, столярничеством, сапожничеством и др. ремеслами, и изделия свои сбывают на местных базарах... Жители занимаются в незначительности рыболовством. Существующие ныне на городской земле в общей садовой местности фруктово-виноградные сады занимают пространство земли 45 десятин 1611 сажень... и хотя выгодность этой отрасли жители вполне сознают, но лишены возможности расширить садоводство за отсутствием воды для орошения садов и собственной земли».

Развитие капитализма в России не могло не коснуться Петровска. Он находился на скрещении морских и железнодорожных путей. В конце XIX века в городе появляются конторы пароходных обществ «Кавказ и Меркурий», «Лебедь», «Волга» и контора Донского банка.

Весною 1892 года общество Ростовско-Владикавказской железной дороги начало постройку железнодорожной ветки, которая должна была соединить Петровск с Владикавказом. В 1893 году линия была окончена. Среди населения Петровска все больше становится рабочих, обслуживающих порт и железную дорогу. Число промышленных рабочих на двух «предприятиях» города еще незначительно: 17 рабочих на пивном заводе и 78 — на табачной фабрике, но отчет 1898 года говорит о строительстве к югу от города «Каспийской мануфактуры» (ныне фабрики им. III Интернационала). На трех петровских складах работало 113 рабочих. Из этих пока еще небольших групп рабочих Петровска позже выросли кадры дагестанского пролетариата, который стал во главе классовой борьбы трудящихся Дагестана.

7. Материал к истории гражданской войны в Дагестане

Записи эти сделаны в разное время еще накануне Великой Отечественной войны.

I

В годы гражданской войны в Чиркее был образован сельский военно-революционный комитет. В него входили Магомед Алиханов, Сурхай Тыхау, Абакар Гамзатов. Действиями чиркеевского ревкома руководили Уллубий Буйнакский и Махач Дахадаев.

Историю образования партизанского отряда во главе с Алихановым чиркеевцы тоже связывают с именем Уллубия Буйнакского. В 1918 году он вызвал Алиханова и его друзей в Шуру и, побеседовав с ними, выдал денег для помощи голодающим беднякам. Алиханов, вернувшись в аул, собрал 80 потомственных бедняков и создал из них партизанский отряд, а деньги раздал семьям партизан.

Партизаны Алиханова рвались на борьбу с Гоцинским, но Уллубий Буйнакский звал Алиханова в Петровск — здесь Советской власти грозили банды князя Нух-бека Тарковского. Отряд Алиханова расположился на кумторкалинских высотах, оберегая подступы к городу. Когда Уллубий выехал за поддержкой в Астрахань, отряду Алиханова разрешили вернуться в аул. При возвращении на одном из кумторкалинских кутанов партизаны встретили отару овец в пятьсот голов. Это было добро имама Гоцинского, и Алиханов приказал угнать отару в Чиркей и поделить овец между нуждающимися сельчанами. Гоцинский решил наказать чиркеевцев. Он послал против них отряд в триста человек во главе с офицером из аула Кудади — Тагиром Чиграевым. Но чиркеевцы во главе с Алихановым сумели дать отпор отряду Чиграева.

В 1919 году, когда Уллубий Буйнакский вернулся из Астрахани, партизаны Чиркея все усилия сосредоточили на борьбе против деникинцев. Особую активность они проявили тогда, когда белогвардейцами был арестован подпольный областной комитет партии во главе с Уллубием Буйнакским. У станции Капчугай партизаны попытались задержать поезд, в котором большевиков везли в Петровск, но выручить арестованных не удалось. Алиханов тоже был арестован, но ему удалось бежать в Астрахань. В 1923 году он был председателем сельсовета. Его убили кулаки.

2

Шейх Магома Балаханский был по происхождению лагом — рабом. Он обладал выдающимися личными качествами, был образован и пользовался большим уважением среди окружающих. Потому-то имам Гоцинский старался привлечь его на свою сторону, как бы не замечая, что этот раб не чета ему, крупнейшему барановоду Дагестана.

Когда Махач Дахадаев пришёл со своим отрядом в Унцукуль, балаханцы, которые находились тогда под влиянием духовенства, поверили кулацким провокаторам и решили, что Махач обязательно пойдёт на них войной. Они начали укреплять своё село. Один только шейх Магома не вышел на постройку завалов и ушёл с семьёй в лес. Его примеру последовали и мирно настроенные балаханцы, не желавшие подвергать свои семьи опасности. Вся эта история кончилась ничем. Махач Дахадаев и не думал воевать против мирных соседних аулов, и опасения балаханцев оказались напрасными.

Однажды в аул Балаханы пришёл Муслим Атаев. Он хотел набрать здесь добровольцев в свой партизанский отряд. В ауле в эти дни было неспокойно. Одни были сторонниками большевиков, других обманула имамовская агитация, и противники большевиков были так возбуждены, что готовы были даже перебить их. Муслим Атаев жил в этом селении больше недели. С ним были его друзья М. Мурзаев, М. Гусейнов, А. Гаджиев.

Тем временем в ауле продолжал свои происки имам Гоцинский. В этом ауле у него был один из родственников, имевший здесь лучшие пахотные земли и пастбища. Многие балаханцы поверили людям имама Гоцинского и готовы были пойти за ним, согласившись участвовать даже в походе на Баку.

Но и на этот раз шейх Магома не примкнул к противникам большевиков.

Обстановка между тем накалялась и наступил день, когда и шейху Магоме пришлось сделать окончательный выбор. Было это в одну из пятниц, когда аул собрался на молитву. Шейха Магомы не было со всеми. Тогда джамаат снарядил к нему специальную депутацию и не расходился, ожидая шейха. Когда шейх Магома появился на площади перед мечетью, собравшиеся стали требовать, чтобы он повёл их на большевиков, противников ислама. Шейх согласился. С этого времени шейх Магома Балаханский стал одним из злейших врагов социалистической революции.

Во время боя близ аула Аракани, когда отряд Сафара Дударова был уничтожен в белогвардейской засаде, а руководитель отряда расстрелян, бандитам, которыми командовал шейх Магома, достались две-три легкие горные пушки. В банде балаханского шейха не было ни одного военного, умевшего обращаться с пушками, и озверевшие бандиты принялись ломать пушки, считая их причиной своих больших потерь.

Успех банды шейха Магомы в Араканском ущелье привел к тому, что воспрянули духом и другие контрреволюционные шайки, прятавшиеся в горах. Имам Гоцинский мечтал объединить их и поднять против неверных весь Дагестан. Дней через пять после событий в Араканском ущелье он решил созвать в ауле Тануси, где размещался тогда его штаб, специальное совещание правых.

Расположенная рядом с аулом Тануси Хунзахская крепость находилась в руках красноармейских частей. Во главе их был Атаев. Крепость была осаждена ближайшим помощником Гоцинского

полковником Алихановым. Попытки захватить крепость не удавались. Между тем Алиханов совещание главарей банд, которое созывал Гоцинский, хотел открыть в крепости. Он говорил, что это усилит повстанцев. Но крепость не сдавалась и Алиханов особенно досадовал, что у него не было пушек. Вся надежда у полковника была на пушки, захваченные шейхом Магомой в Араканском ущелье.

Крепость не сдавалась и совещание контрреволюционеров пришлось начинать в Тануси. Надо сказать, что это был наиболее представительный сговор контрреволюционной верхушки Дагестана. Был на совещании и шейх Магома Балаханский. Гоцинский с Алихановым были особенно довольны, узнав, что после Араканской победы за шейхом пошли не только балаханцы, но и вся контрреволюционная часть Койсубулы, за исключением Унцукуля и части ирганайцев и мочохцев. Был у шейха и такой кадровый военный, как Джамал Гоцатлинский, который считался у контрреволюционеров отчаянным храбрецом и хорошим командиром.

На совещании в Тануси первым выступил Нажмудин Гоцинский. Он долго говорил о своих кутанах и отарах, которые захватили большевики, говорил, что большевики — это разбойники (вахъавшияб кхоьм), которые покушаются на установленную аллахом собственность и состояние, полученное от отцов. Пока я жив, сказал Гоцинский, я не намерен это терпеть. Хотя Гоцинский и был имамом, он ни словом не упомянул об обязанностях мусульман заботиться о своих семьях и о святой вере, ни слова не сказал о народе, о горских адатах. Говорил он, ни к кому не обращаясь и никого ни к чему не призывая. Слушатели были разочарованы.

Затем выступил полковник Кайтмаз Алиханов. Он говорил, что особенно опасны те большевики, которые появились в самих аулах, среди мусульман. Он по именам назвал большевиков из хунзахских и из других сел и разразился угрозами в их адрес. Затем он, как и Гоцинский, стал говорить об отнятых у него богатствах и сказал, что ни он, ни его сыновья не успокоятся до тех пор, пока они

не выпьют кровь из рода большевиков Атаевых и будут пить из тех самых стаканов, которыми они будто бы делили мёд с его пасек между защитниками крепости Хунзах.

После выступления Алиханова наступило молчание. Никто не просил слова. Молчал и шейх Магома. Гоцинский и Алиханов стали уговаривать его, но он отказался и все разошлись на полуденную молитву. Во время перерыва шейх Магому стали уговаривать земляки. Тогда после перерыва шейх выступил и сказал примерно следующее: «Я лаг, я самый бедный человек в ауле, мой дом похож на шалаш и расположен на окраине села. Ни я, ни мой отец никогда не имели со своей земли такого урожая, которого хватило бы, чтобы прокормить семью. Я с детства батрачил в своем ауле, и если бы я сейчас сказал другие слова, кроме тех, что я говорю, то мои хозяева в душе смеялись бы надо мной. У меня только одна жена. Она такая чёрная и худая, такая некрасивая, что на неё никто не позарится, если даже на улице её найдёт. И если бы дело было только в том, что большевики отнимают у богатых лишнее и отдают его беднякам, тогда нам и не нужно было бы опоясываться оружием и идти против них, так как богатство не у всех богатых получено честным путем и даровано оно не только аллахом». (Это был намёк на Гоцинского. Всем было известно о его ссоре с родным братом Абдулатипом-Хаджи из-за отцовского наследства. Абдулатип-Хаджи отказался от этого наследства, сказал, что его не радует богатство, полученное от продажи Дагестана, и призывал Нажмудина также отказаться от наследства. Отец и брат за это выдали Абдулатипа-Хаджи губернатору. Брату Гоцинского пришлось спастись бегством в Аравию).

Шейх Магома продолжал: «Такие бедняки, как я, должны были бы приветствовать большевиков, если бы дело было только в уничтожении частной собственности. Но я думал, что и вы, и мы, и все идут на войну против неверных «гяуров» потому, что они уничтожают наши обычаи, оскорбляют нашу религию и зеленое знамя ислама. Я думал, что

мы поэтому и объединимся. Но ваши заботы — только о ваших богатствах. Я же считаю: каждый мусульманин должен думать о своих семьях и напрасно кровь не проливать».

Гоцинский и Алиханов поняли свою оплошность и стали обхаживать шейха. Он им был нужен. При всей своей бедности, он был ученым и храбрым человеком, и он был удобен для того, чтобы разжигать религиозную вражду к большевикам.

После совещания шейх Магома по-прежнему остался в Койсубулинском участке. Отсюда он пошёл со своей бандой на Левашу, через Куппу, Хаджалмахи, Кутишу. Большевики, появившиеся со стороны Левашей, выбросили шейха из этого села. Затем его банда восемь месяцев оборонялась в Гергебиле. После падения Гергебиля бандиты отступали вплоть до границы Чечни. Там шейх Магома и Нажмудин Гоцинский и встретились, признав, что война проиграна.

Когда пушки, привезенные шейхом Магомой, оказались под Хунзахской крепостью, Алиханов не решился на бомбардировку. Он боялся, что крепость будет разрушена, и приказал стрелять только так, чтобы снаряды попадали лишь во внешние стены крепости. Он рассчитывал на то, что осажденные испугаются и сдадутся. Он знал и то, что у осажденных не было продуктов питания.

Шейх Магома, видя, как снаряды ложатся только вокруг крепостной стены, сказал, что он не оставит пушки тем, кто их не использует как надо.

После совещания в Тануси отношения между шейхом Магомой и Гоцинским с Алихановым обострились. Своим людям шейх сказал, чтобы они оседлали лошадей и собирались домой.

В. ВОСПОМИНАНИЯ И ВСТРЕЧИ

1. О Махаче Дахадаеве

С юных лет моя память сохранила рассказы старших товарищей о славных делах дагестанских революционеров. Потом я стал научным работником и в поисках интересного побывал во многих аулах Дагестана, встречался с разными людьми, беседовал с участниками давно минувших событий. Вышло так, что путешествовать мне довелось там, где жил и работал замечательный дагестанский революционер Махач Дахадаев.

Его часто называют дагестанским Чапаевым. Это потому, что в памяти народа он остался прежде всего как человек огромной отваги и мужества.

По рассказам людей, знавших Махача, он был небольшого роста, худощав, статен. Когда он появлялся на улицах, проходящие говорили о нем: «Человек он быстрый, смелый и бесстрашный».

Чем же завоевал Махач Дахадаев такую популярность в народе? Ответ на этот вопрос надо искать в революционной закалке, которую он получил в России. Биография Махача Дахадаева хорошо известна. Но не знаю, обратили ли читатели внимание на то, что как только Махач вернулся из России в родной край, он сейчас же стал выступать как активнейший защитник трудового крестьянства от гнета и произвола царизма и местных феодалов. Еще задолго до Февральской революции он был известен своими революционными делами и всему трудовому населению Дагестана, и, конечно, царской охранке, у которой Дахадаев давно уже был на примете.

В полной мере оценить деятельность Махача Дахадаева невозможно, не разобравшись в том, что происходило в Дагестане в первые годы революции. Февральская революция вызвала всюду невиданную активность масс. Только те, кто окружал военного губернатора Дагестана, царских полицмейстеров и дагестанских князей, беков и барановодов, тревогой и неприязнью прислушивались к доносившимся из России революционным взрывам. Для Махача Дахадаева это давно уже была глубоко враждебная среда. По своему рождению и воспитанию он принадлежал к той немногочисленной дагестанской интеллигенции, которую революция привела к движению, вызвала к жизни дух национального пробуждения. Но в интеллигенции этой не было единства. Не совсем зрелая часть интеллигенции занимала выжидательную позицию или оставалась совершенно в стороне от всего происходящего. Была и активная, революционно настроенная демократическая интеллигенция. Она горела желанием поскорей начать строить новую жизнь в Дагестане, а для этого, прежде всего, убрать с пути царских чиновников, князей и беков. Такие настроения совпадали с самыми заветными чаяниями горцев. Душой этой части интеллигенции и был инженер Махач Дахадаев.

Когда некоторые историки характеризуют события, происходившие в Дагестане после Февральской революции, они обычно сводят всё к разногласиям между многочисленными социально-политическими группировками. Исследователи недоучитывают, что даже в далеких от линии большевиков позициях есть то, о чём приходилось тогда задумываться большевикам, что было частью их громадной работы по завоеванию масс на сторону революции. Именно в этом свете, мне думается, и надо рассматривать кипучую деятельность Махача Дахадаева в первые месяцы революции. Когда он беспощадно разоблачал идеологов феодально-клерикальной и националистической верхушки, день за днём выступал против старых порядков и контрреволюционных замыслов сторонников Временного правительства, он делал то, что обеспечивало ему

симпатии большевиков — он звал за собой народ на защиту и развитие революции. Даже в наши дни встретишь немало людей, которые сохранили в себе дух революционного обаяния Махача Дахадаева. Они помнят его смелые выступления в реальном училище и в женской гимназии в Темир-Хан-Шуре, рассказывают, что где бы он ни появлялся, он своими огненными выступлениями революционизировал слушателей, говорил он от всего сердца, с необычайной силой убеждения.

Как-то Махач Дахадаев пришел в помещение летнего клуба в Темир-Хан-Шуринском городском саду. Здесь на собрании, которые шли в те дни беспрестанно, завязалась дискуссия о формах будущего правления в Дагестане. Одним из ораторов на этом собрании был Гайдар Бамматов. Это был яркий националист, стремившийся отвлечь крестьян от самовольных захватов земли разговорами о референдуме. Махач Дахадаев вступил с Бамматовым в горячий спор. Он говорил: «Вы хотите обмануть народ. Вы здесь представляете князей, беков, барановодов, национальную буржуазию. Вы сторонники Временного правительства. Вы хотите сохранить в нетронутом виде старые порядки, но вы запомните раз и навсегда, что мы вам этого не позволим». В каждом слове Махача сквозила жгучая ненависть к угнетателям и предателям дагестанского народа.

Махач Дахадаев состоял в социалистической группе. Он был одним из ее ведущих лидеров, и о самой группе можно судить по его выступлениям против таких мракобесов, как князь Тарковский, имам Гоцинский, шейх Узун-Гаджи, против таких прожженных политиков, как Чермоев, Бамматов и др.

Махач всегда говорил горячо и страстно. Когда он брал слово, всем казалось, что он сейчас на месте поразит своего противника, настолько сильна была в нем ненависть к врагам народа. Враги отвечали Махачу Дахадаеву такой же ненавистью. В чем только они его не обвиняли!

Ситуация в Дагестане в то время была исключительно сложной. Здесь происходила бесконеч-

ная смена властей, на арену борьбы выскакивали авантюристы от политики, объявляли себя восточными царьками то Узун-Гаджи, то Гоцинский и им подобные. Все это не до конца осознаётся современными исследователями. Говорят, что в тогдашних речах Махача Дахадаева не всё, мол, было ладно. Это правда, не всё у него согласуется с современными нашими понятиями. Ну что ж из этого? Ведь это и вытекает из той сложной и противоречивой обстановки, в которой протекала его кипучая деятельность. Махач Дахадаев формировался как революционер в ходе борьбы за Советскую власть. У него на первых порах действительно многое шло от иллюзий мелкобуржуазного интеллигента, но он освобождался от этого и исследователи принесли бы много пользы познанию той эпохи, если бы разобрались поглубже в вопросе о том, как шел процесс освобождения сознания этого сложного по своему характеру человека от всего, что шло у него от старого.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции произвела коренной перелом в сознании Махача Дахадаева. Материалы, с которыми мне довелось познакомиться, приводят меня к мысли о том, что с этого момента он особенно сближается с руководителем дагестанских большевиков Уллубием Буйнакским. С особой силой он разоблачает пантюркистов, идеологов буржуазного национализма, пропагандирует идеи союза и дружбы народов Советской России. Вся его жизнь отныне посвящена установлению Советской власти в Дагестане.

Горцы всегда откликались на клич Махача Дахадаева. Именно эта популярность в горах и выдвинула его на одну из ведущих ролей в Дагестанском Военно-революционном комитете. Он был назначен военным комиссаром области, возглавил вооруженную борьбу против внутренней и внешней контрреволюции. Только такой человек, как Махач, человек большого гражданского мужества, дерзновенности и смелости, мог справиться с тем участием работы Военно-революционного комитета, который ему был поручен партийной организацией.

На посту военного комиссара он проявил такую кипучую деятельность и знание дела, что это всех изумляло. Он сумел в кратчайший срок создать регулярные части Красной Армии, установил связи с горными аулами, помог организации и вооружению партизанских отрядов и сам лично стал во главе вооруженной борьбы.

Обстановка в Дагестане особенно осложнилась после того, как против молодой Советской власти выступили английские интервенты и их наймит генерал Бичерахов. Приостановить стремительное движение вооруженного до зубов врага не удалось. Но Махач не смирился с поражением. Он решил поднять против интервентов горные районы и отправился в Даргинский округ. Ему не удалось осуществить этот замысел. Прислужники князя Тарковского перехватили его в засаде неподалеку от Верхнего Дженгутая и зверски убили его.

Это произошло 22 сентября 1918 года. А 12 октября Г. К. Орджоникидзе писал в телеграмме В. И. Ленину: «Бичерахов по приказу англичан удерживает побережье Каспийского моря, включая Дербент и Петровск. Офицерскими бандами Бичерахова-Тарковского зверски замучен и убит популярнейший советский работник Дагестана инженер Дахадаев. Социалистический Дагестан понес тяжелую потерю».

Уллубий Буйнакский был в эти дни в Москве. О тяжести этой потери и о роли Махача Дахадаева в революции он писал 31 октября 1918 года в газете «Известия»: «Дагестан понес большие потери. Зверски замучен и расстрелян товарищ Дахадаев и арестован т. Коркмасов. Товарищи Дахадаев и Коркмасов старые, известные всему дагестанскому населению, деятели. Если подтвердится известие о гибели товарища Дахадаева и об аресте т. Коркмасова, можно будет определенно сказать: в одном отдаленном, чрезвычайно обездоленном уголке трудовые элементы народа лишились руководителей, лишились подлинных вождей. Социализм, а в последнее время большевизм в крестьянских массах Дагестана неразрывно сливались с именами этих борцов, хотя ни тот, ни другой не

были большевиками, но правильно понимали ход мировой революции и сделались решительными сторонниками Советской власти».

Роль Махача Дахадаева в борьбе за Советскую власть в Дагестане хорошо понимали и враги революции. Передо мной — копия одного из документов, хранящихся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции. Этот документ составлен деникинским командованием, является чем-то вроде справки или докладной записки и называется так: «Российская революция и образование правительств республик союза горских народов Кавказа в Дагестанской и Терской областях». В этом документе говорится: «...Более значительная часть населения Терской и Дагестанской областей попала под влияние большевизма. Надо отдать полную справедливость дагестанским большевикам Дахадаеву, Коркмасову и Буйнакскому и чеченскому Шерипову: роль свою по насаждению большевизма на Кавказе они провели прекрасно... Prestиж Дахадаева достиг наивысшего предела в глазах темных масс. Убийство его в окрестностях Темир-Хан-Шуры произвело потрясающее впечатление... Проповеди Дахадаева и К^о о благах большевизма произвели гораздо большее впечатление на умы мусульманского населения, чем учение самого пророка, имама Шамиля и всех шейхов и святых, заботившихся о насаждении ислама на Кавказе».

Трудящиеся Дагестана саму Советскую власть связывали с именем Махача. Уллубий Буйнакский говорил: «Когда красноармейские части, агитаторы или вообще кто-либо, имеющий отношение к Советам, являлся в какой-либо аул Дагестана, говорили: «Пришли Махачи».

Имя Махача Дахадаева стало символом правды и мужества в борьбе за новую социалистическую жизнь дагестанских народов.

2. А. А. Тахо-Годи

Об Алибеке Алибековиче Тахо-Годи я много слышал еще будучи студентом Дагестанского го-

сударственного педагогического института, но близко познакомился с ним во время учебы в аспирантуре в Москве. Этому способствовало рекомендательное письмо широко известного в нашей республике просвещенца С. М. Омарова, работавшего заместителем директора пединститута. Напутствовал меня в аспирантуру к А. А. Тахо-Годи и профессор С. В. Юшков. Не будь его стараний и помощи, может быть по-другому обернулась бы моя жизнь.

А. А. Тахо-Годи расположил меня к себе с первой же встречи. Это был человек по натуре своей необыкновенно простой и ласковый в обращении. При разговоре с людьми его лицо почти всегда освещала доброжелательная улыбка. Когда я впервые увидел Алибека Алибековича, он работал заведующим сектором университетов и школ в Центральном Комитете партии и находил время для работы в ряде научных учреждений Москвы. Мне часто приходилось встречаться с ним и в домашней обстановке, и по работе, так как он был моим научным руководителем. Во время этих встреч он вел со мной долгие беседы по истории Дагестана и Кавказа, заинтересованно относился к моим аспирантским занятиям. В его лице сочетались черты философа, историка, этнографа, искусствоведа и литератора. Во всех этих направлениях проявлялась и его блестящая эрудиция, и талант новатора, первооткрывателя. В самом деле, когда задумаешься о том, что он успел сделать в жизни, внимательно читаешь труды, вышедшие из-под его пера, воочию убеждаешься, какой глубокий след в культурной и научной жизни республики он оставил. Можно себе представить, какой след он оставлял во всех своих учениках.

Когда я готовился в аспирантуре к научной работе, кроме научного руководителя со мной занимались такие специалисты в области истории, этнографии, археологии и антропологии, как профессор Г. А. Кокиев, А. В. Шестаков, А. И. Казаченко, С. П. Толстов, С. А. Токарев, В. К. Горданов, М. Г. Левин. В той или иной форме все они были связаны с А. А. Тахо-Годи и то, что он был моим

руководителем, было в их глазах лучшей для меня рекомендацией.

Ум, природную обаятельность, доброту я ощущал за всё время работы с А. А. Тахо-Годи. В моих глазах, он был человеком, стоявшим на голову выше всех, кого я вообще до того знал. Он был не только всесторонне образован, но всегда находился в постоянном общении с виднейшими деятелями культуры и науки. Все признавали его высокий авторитет, и никто никогда не мог отметить у него даже признака высокого мнения о себе. Я это ощущал особенно наглядно, ибо ко мне лично он относился как к равному, несмотря на то, что я ни по возрасту, ни по положению этого не заслуживал.

У Алибека Алибековича был наверно прирожденный педагогический талант. Я и сейчас удивляюсь, как умело он направлял формирование меня как научного работника. Он научил меня прежде всего порядку, системе в работе. Так как я специализировался по кавказоведению, то все экзамены по истории Дагестана и Кавказа я должен был сдавать ему, непосредственному своему научному руководителю. Алибек Алибекович начал с того, что определил общее направление моей работы и установил сроки сдачи экзаменов. Мне предстояло наиболее рационально распределить свое время и самому искать нужную литературу. Никаких навыков самостоятельной работы я до этого не имел, но это не смутило моего руководителя. Он направлял меня, но все расчеты строил на том, чтобы пробудить прежде всего мою личную инициативу. День за днем я всё больше и больше втягивался в активную работу, а Алибек Алибекович никогда не забывал проконтролировать исполнение заданий и давал мне новые, более сложные поручения. Это была подлинная школа активной творческой работы, и я благодарен своему наставнику за эту научную школу.

В настоящую школу превратил для меня А. А. Тахо-Годи и само написание моей кандидатской диссертации. Он помог мне выбрать тему — «Восстание горцев Дагестана в 1877 году» и сде-

лал это так, что тема несколько не была мне навязана, и я сразу увлёкся ею. Вопросы борьбы горцев за независимость, всё, что связано с национально-освободительным движением, интересовали меня еще в пединституте. Алибек Алибекович все эти проблемы знал с исчерпывающей полнотой, а о восстании горцев 1877 года у него было и немало специальных статей. Я был горд, что у меня вырабатывалась своя точка зрения по теме диссертации, я чувствовал, что смогу её обосновать. Алибек Алибекович иногда вступал со мной в дискуссию по вопросам, которые я выдвигал. Не знаю чем объяснить, было ли это его педагогическим маневром или проявлением снисходительности ко мне, но факт остается фактом, что мое мнение он выслушивал всегда внимательно, и не было такого случая, чтобы я ушел от него, не получив чего-то нового в результате наших дискуссий.

В научной подготовке Алибек Алибекович немалую роль отводил приобщению своего аспиранта к московской культурной жизни. Он следил, чтобы я регулярно посещал выставки, работал в историческом музее, в музее народоведения. Ему я обязан тем, что научился слушать лекции по искусству, постепенно стал принимать участие в обсуждении и таких научных проблем, которые выходили за круг моей специальности. Положительно сказалось на моей подготовке и то, что А. А. Тахо-Годи никогда не связывал меня своими взглядами в вопросах истории и культуры. Он хотел, чтобы человек разобрался во всем, что касалось науки. Позже я убедился, как много значит такой подход научного руководителя для аспиранта. Я понял, что мой руководитель толкал меня к тому, чтобы я сравнивал, сопоставлял разные мнения и взгляды и сам определял свое отношение к ним, не боясь, что это может вызвать что-то недовольство. Но всё это не означало, что я не поддавался влиянию моего руководителя. Я не мог не подпасть, прежде всего, под влияние таких его привычек и манер, как, например, тактичность, вежливость, внимание, которые проявлялись во всех его делах и поступках и которые, как я те-

перь вижу, как воздух необходимы для каждого научного работника. Сказалось влияние моего руководителя и в том, что на его опыте, на его практических примерах я научился работать над источниками, научился анализировать их, приобрел вкус к архивам и рукописям.

Алибек Алибекович никогда не хвалил меня за успехи в учебе, хотя они были ему хорошо известны (все экзамены, которые я ему сдавал, он оценил на отлично). Только дважды за три года пребывания в аспирантуре он высказался обо мне как молодом научном работнике и сделал это публично: один раз на заседании Института национальностей при ЦИК СССР, другой раз — на защите моей кандидатской диссертации в Московском институте философии, истории и литературы. На всю жизнь я запомнил эти скупые, но лестные для меня отзывы. Я всегда дорожил его мнением, и малейшие его замечания подстегивали меня, заставляли трудиться еще больше и еще серьезней относиться к своей общей и специальной подготовке.

Трудно переоценить тот вклад, который сделан А. А. Тахо-Годи в культурном строительстве в Дагестане. Он помог развитию нашей исторической науки, и у него есть труды по истории Дагестана как по досоветскому, так и советскому периодам. Его книга о революции и гражданской войне в Дагестане сама стала историческим памятником. Однажды Алибек Алибекович поделился со мной своим замыслом написать общую историю Дагестана. Особенно интересовал его в этом плане девятнадцатый век. О взглядах Алибека Алибековича по этому периоду я имел некоторое представление по размноженной на ротаторе программе курса истории Северного Кавказа, который он читал на историческом факультете Московского университета. Как никто другой, А. А. Тахо-Годи был подготовлен к работе в области истории Дагестана не только в силу его огромной эрудиции, но и потому, что располагал богатой кавказоведческой литературой, собрание которой начал еще до революции. В его личном архиве хранились уникальные документы.

Кое с чем из этого богатого архива я был знаком, и Алибек Алибекович дал мне немало и фактического материала для работы над моей кандидатской диссертацией. Очень жаль, что всё кропотливо собранное этим учёным бесследно исчезло в 1937 году. Это большая потеря для исторической науки.

Несколько слов следует сказать об А. А. Тахо-Годи как ораторе. Я знал его по выступлениям на конференциях и ученых советах. Когда объявляли, что он будет выступать с докладом или в качестве оппонента, на заседания собирались специалисты не только общественных наук, но и смежных специальностей. У него была своя манера публичных выступлений. Мне запомнилось его выступление по моему докладу, который мне довелось делать на заседании кафедры истории СССР Института национальностей, возглавляемой проф. А. В. Шестаковым. Это было в 1935 году. Доклад мой был посвящён социальной сущности движения Шамиля. Случилось так, что на это заседание кафедры пришло много историков и доклад неожиданно для меня вызвал такие бурные прения, что их пришлось перенести на следующий день. В своем докладе я утверждал, что движение Шамиля было национально-освободительным и что основной движущей силой восстания являлись массы трудящихся горцев. Некоторые товарищи, выступившие по моему докладу, считали, что Шамиль был феодалом, что даже Маркс называл его Шамиль-беем и, следовательно, движение горцев под его руководством необходимо характеризовать как феодальное. А. А. Тахо-Годи в первый день заседания кафедры внимательно слушал все выступления, а на следующий день выступил сам. Я чувствовал, что все ждут его выступления, но не ожидал, что вообще можно выступить так, как это сделал Алибек Алибекович. Речь его была удивительно простой и в то же время неотразимо убедительной. Аргумент за аргументом он развёртывал доказательства национально-освободительного характера движения Шамиля, и его яркое, образное выступление надолго вооружило меня для дальнейшей работы.

Таково главное, что сохранилось в моей памяти от яркого и светлого образа Алибека Алибековича Тахо-Годи.

3. Несколько слов о Сулеймане Стальском

Лично я не был знаком с Сулейманом Стальским. Но я дружил с его сыном, и у меня есть даже несколько фотографий, где я снят с Мусаибом. Когда я сблизился с сыном поэта, Сулеймана уже не было в живых. Но я, как и все мои сверстники, чтит нашего замечательного ашуга и преклонялся перед его величием. Потому-то я позже и принял такое активное участие в юбилейной научной сессии, посвященной 10-летию со дня смерти Сулеймана Стальского, а еще до войны постарался издать сборник материалов и документов о нем. В дни 100-летия со дня рождения великого ашуга мне снова пришлось держать слово о нем.

Я тогда говорил, что 100-летие Сулеймана Стальского — это праздник не только литературы, но и праздник науки. Подошел я к этому вопросу как историк.

На прстяжении всей истории развития литературы ученые не раз ставили вопрос: каково соотношение труда художника и труда ученого, каково отношение писателя к науке? Иногда по этим вопросам разгорались споры, сталкивались разные мнения и вкусы. Нужно сказать, что сама жизнь практикой крупнейших писателей мира давно ответила на те вопросы, которые становились время от времени объектом оживленных дискуссий. Сама жизнь показала, что, если писатель подлинно велик, он должен объять весь мир. Ни одна сторона человеческой деятельности, ни одна сторона жизни не может оставаться вне его интересов.

Известно, что в древнем мире поэт Лукреций был и художником, и популяризатором науки. И поэтом, и ученым-естествоиспытателем был Гёте. У Бальзака, по признанию классиков марксизма, об экономической жизни современной ему Франции можно было узнать больше, чем у ученых-эко-

номистов. В России глубоко и всесторонне знал жизнь Лев Толстой. Достоевский был и художником, и замечательным психологом. Исключительно всесторонними были, наконец, научные интересы великого пролетарского писателя Максима Горького. Все художники, которые встречались с ним, поражались, как исключительно хорошо он знал живопись, скульптуру, архитектуру, как глубоко разбирался во всех видах искусств. Точно таковы же воспоминания о Горьком крупнейших учёных. Горький даже тогда, когда заботился об учёбе писателей, не забывал о самых различных областях науки. В первом в мире писательском литературном институте он мечтал, чтобы будущих писателей учили истории культуры, знакомили с археологией, с точными науками. Горький был художником, но с его именем связано в первые годы революции создание Цекубу — учреждения, которое заботилось об учёных. В последние годы жизни писателя с его именем связано создание такого научного центра, как Всесоюзный институт экспериментальной медицины. Везде и всюду великий пролетарский писатель связывал литературу, искусство и науку в единое содружество человеческой мысли. Он писал: «Две силы наиболее успешно содействуют воспитанию культурного человека: искусство и наука».

Когда мы говорим о Сулеймане Стальском, нельзя не вспомнить имя Алексея Максимовича Горького. Это Горький удивительно метко назвал Сулеймана Гомером XX века, выразив тем самым то, что больше всего характеризует широту мысли и взглядов нашего ашуга, его место в развитии дагестанской национальной культуры. Горький подчеркнул, что Сулейман — это человек, хотя и не владеющий грамотой, но мудрый. А мудрости никогда нет, если человек замкнётся, как в скорлупе, только в кругу своей профессии, своих узких, односторонних интересов. Сулейман Стальский был не таким. Потому-то Горький и Стальский так быстро и хорошо поняли друг друга. Они, как подлинно великие писатели, были людьми самых широких интересов.

Возьмите поэзию Стальского. Он сам протестовал, когда его считали поэтом кюринских предгорий, хотя у него и есть стихи о родной Кюре. Он сам подчёркивал, что он поэт не только лезгинский, но и дагестанский. Сама жизнь показала, что он — поэт не только дагестанский, но и замечательный певец всех народов Советского Союза.

Широта интересов Сулеймана Стальского была одной из причин того, что его слава давно перешагнула за рамки нашей страны. В его стихах мы отмечаем и любовное внимание к родному дагестанскому колхозу, и восторженное слово о Москве, и сердечную боль за венгерскую революцию, и горячее обращение к героям Испании, и глубоко созвучную нашему времени мечту о мире. Именно широта интересов Сулеймана Стальского делает его поэзию и сегодня близкой нам, и сегодня делает его нашим современником.

Писательская широта интересов сблизила великого ашуга и с исторической наукой. Можно даже сказать, что по существу он стоял у самой колыбели зарождения советской исторической науки в Дагестане, и в связи с этим следует напомнить известное письмо Сулеймана Стальского к Горькому и ответное письмо Горького. Переписка эта, относящаяся к 1935 году, к дням 15-летия Советской власти в Дагестане, была, несомненно, толчком к дальнейшему развитию исторической науки в Дагестане. Сулейман Стальский думал и о будущем, и о прошлом. Он писал Горькому об огромных переменах, происшедших в жизни народа и беспокоился о том, чтобы молодёжь знала, как были достигнуты наши победы, каким путём народ пришел к ним. В Стальском жило сознание историка, и в образе самого Стальского Горький подчеркнул самое главное в методологии истории как науки. Главное — народ, его роль в истории.

Горький поддержал мысль Сулеймана Стальского о том, что давно пора «создать книгу по истории Дагестана, изобразить картину длительной кровавой борьбы горцев против царского самодержавия, против грабителей, купцов и кулаков». Горький подчеркнул только, что было бы лучше,

если бы о ней, этой истории, рассказали сами горцы. Он писал Стальскому: «Вероятно, в Дагестане сохранились в памяти старых людей, бывших бойцов, боевые песни, рассказы, легенды — вот что и должно быть основой истории вашего края. Наверное у вас есть хорошо грамотная молодёжь, — сделайте так, чтоб она собралась и записала рассказы о прошлом Дагестана, чтоб она нашла документы истории своей родины и рассказала о ней всем людям Союза Социалистических Республик. Хорошее дело будет!»

Это хорошее дело уже сделано и писателями, и фольклористами, и учёными-историками. И в этом смысле то, что начал Сулейман Стальский, стало одним из стимулов развития исторической науки в Дагестане.

Книги по истории Дагестана, о которых мечтал Сулейман Стальский, уже созданы. У молодежи, к которой обращались и Горький, и Стальский, в наши дни уже поселились не только виски, но за рядами той молодежи, к которой обращался наш великий ашуг, уже встали, выросли и растут новые поколения научной молодежи. Это знаменует дальнейший расцвет и литературы, и искусства, и культуры, и науки Дагестана. Всё одно с другим неразрывно связано.

4. О Гамзате Цадасе

Встречаются люди, которые на всю жизнь оставляют незабываемые воспоминания о себе. К таким людям относится Гамзат Цадаса.

Первое мое знакомство с ним состоялось в 1938 году. Тогда я работал директором Института истории, языка и литературы. В то время институт являлся местом встреч работников не только науки, но и культуры и искусства. В институте обязательно бывали все, кто приезжал в Дагестан. Многие из наших встреч запечатлены и на фотографиях. Одна из таких встреч была в дни подготовки к 20-летию Советской автономии Дагестана, когда наш институт готовил к этой дате специаль-

ный фольклорный юбилейный сборник. У нас в институте собрались Гамзат Цадаса, Эффенди Капнев, Роман Фатуев, Наталья Капиева, художник Николай Лаков, скульптор Оскар Сарыджа, художник Муэддин Джемал, композитор Маидян. У нас была интересная непринужденная беседа, а потом мы долго прогуливались в сквере Сулеймана Стальского, и А. Ф. Назаревич фотографировал нас. В центре нашего внимания был Гамзат Цадаса, и это ощущается на всех фотографиях. С лица Гамзата не сходила добрая улыбка. Таким он навсегда и запомнился мне.

Встречи мои с писателями продолжались и в дальнейшем. Особенно по душе мне пришелся Гамзат Цадаса. Как сейчас помню довоенного Гамзата. Помню хитринку в его глазах, помню его легкие сапожки, каракулевую шапку, статность его фигуры, подпоясанной дагестанским ремнем, его осанку. Всё ему шло и ходил он легко, держался непринужденно, но с достоинством.

Потом началась война, я ушел на фронт. Вновь с Гамзатом Цадасой я встретился лишь в 1943 году. На этот раз он оказался моим соседом, мы жили с ним в одном доме и в одном подъезде. Встречи наши стали теперь повседневными. Гамзат Цадаса обычно вставал очень рано и перед тем, как усесться за работу, любил походить во дворе у подъезда — тут мы и встречались с ним. Соседство сблизило меня и мою семью с Гамзатом Цадасой и его верной подругой жизни Кантулай — обаятельной женщиной, матерью Расула Гамзатова.

В моей семье мнение о нашем соседе сложилось как о человеке весьма скромном, простом, отзывчивом. Он жил в городе, но не порвал еще с горским укладом жизни. Мне нравились привычки Гамзата Цадасы и порядок в его доме. Во всем этом было много народного, чистого, и мне хотелось хоть немного быть таким же, как он. Я поражаюсь его умению вести себя в среде самых разных по возрасту, профессии и привычкам людей. Ко всем он был одинаков, но ему чужды были люди кичливые и подчеркнуто важные.

Все знали Гамзата Цадасу как замечательного народного поэта, но не все сознавали, что он обладал буквально классической образованностью. Он в совершенстве знал арабский язык, читал много художественной, философской, географической, исторической литературы на восточных языках. Глубокое знание восточной культуры всегда выделяло Гамзата Цадасу среди других дагестанских писателей.

В 1946 году постановлением Союзного правительства в Махачкале был создан академический центр, органическая составная часть Академии наук СССР. Учреждение наше было расположено неподалеку от того дома, в котором жил Гамзат Цадаса, и поэт часто заходил к нам. Мы, научные работники, высоко ценили заслуги Гамзата Цадасы в культурном развитии Дагестана, и мы сочли прямым своим долгом в числе академических изданий дагестанской литературы дать прежде всего Гамзата Цадасу. Это мы сделали в 1947 году, к 70-летию со дня рождения народного поэта, издав под редакцией А. Ф. Назаревича в академическом издании однотомник Гамзата Цадасы.

Навсегда запомнилась мне моя поездка вместе с Гамзатом Цадасой на празднование 20-летия Северной Осетии, где на юбилейной сессии Верховного Совета от имени трудящихся Дагестана должен был выступить Гамзат Цадаса. У нас был заранее подготовлен перевод его речи на русский язык. В городе Орджоникидзе нашей делегации в составе трех товарищей (я, Цадаса и Мамашева) выделили каждому отдельные номера в гостинице. Гамзат Цадаса был явно недоволен. Он тут же, в вестибюле гостиницы сказал мне: «Мы приехали вместе, а почему же жить должны в разных номерах? Ты что, не хочешь быть со мной?» Что я мог на это возразить? Мы конечно, поселились в одном номере. Свообразно он повел себя и в столовой. Для гостей здесь все было организовано с исключительной предупредительностью—каждый из нас по своему выбору мог дать любой заказ. Но, усевшись за стол, мы не осмелились сделать свой выбор, пока старший среди нас Гамзат не

сделал этого. Но Гамзат сам выжидающе смотрел на нас. Я спросил Гамзата, что он хотел бы заказать для себя, и он сейчас же решил: «Вах! что вы, то и я». Ел он мало, как горец ограничивал себя от излишнего, и вообще он всегда старался делать так, чтобы никогда не выделяться среди окружающих его людей.

Гамзат Цадаса по натуре был человеком веселым, отличался юмористическим отношением ко всему окружающему. Помню, как собирались после завтрака идти на открытие юбилейной сессии. Времени оставалось в обрез, а Мамашева всё еще не выходила из своего номера. Я стал проявлять нетерпение, а Гамзат Цадаса был спокоен и подшучивал надо мной: «Нас с тобой, Расул,—говорил он,—женщина наказывает за чужие мужские грехи. Раньше горянки ждали нас, мужчин, теперь мы, мужчины, должны их ждать. Время перевернулось не в нашу пользу».

Совсем неожиданно для меня мне в Осетии пришлось стать переводчиком Гамзата Цадасы с аварского на русский язык. Нас с ним ввели в президиум юбилейной сессии и дали слово для приветствия Гамзату Цадасе. Его появление на трибуне вызвало бурные овации. Он говорил горячо, от всего сердца. Но когда приблизился черед моего выступления с переводом речи я, просматривая заранее приготовленный текст, с ужасом вдруг заметил, что там нет ничего гамзатовского: ни образности, ни чувства, которые ощущались даже при том условии, что никто не понимал аварский язык, на котором выступал Цадаса. Когда я увидел, как Гамзат преподносит в дар музею Северной Осетии шашку, отделанную слоновой костью, серебром и золотом, и как все аплодируют нашему поэту, я отбросил заготовленный перевод и построил речь по-другому, стараясь приспособиться к тому, как говорил Цадаса и не думая о том, что он говорил. По лицу Гамзата было видно, что и он доволен. Он поблагодарил меня и сказал: «Ты мой переводчик, а другого мне и не надо». С тех пор я стал признанным переводчиком Гамзата Цадасы.

Но дело с переводом речи Цадасы в Северной Осетии на этом не кончилось. После заседания у меня попросили перевод речи Цадасы, и я отдал тот перевод, который был заготовлен в Махачкале. Но перед нашим отъездом в гостиницу явился секретарь Президиума Верховного Совета и заявил, что ему дали не тот перевод, что ему нужна та речь, которую он слышал на юбилейной сессии. Как ни убеждал я его, что это та самая речь, из этого ничего не вышло. В конце концов я вынужден был признаться, что моя речь была устной и что я постараюсь восстановить её в письменной форме и пришлю её из Махачкалы.

Моя жена Джума Магомедова всегда с особым уважением относилась к Гамзату Цадасе. Как-то, это было под Новый год, она пришла со двора и сказала: «Цадаса сидит на крыльце. Неудобно его оставлять одного». Хотя я понимал, что по возрасту ему подходил бы круг более старших товарищей, я все же осмелился пригласить Гамзата к себе на новогоднюю ёлку. Он пришел. Обстановка в доме сразу оживилась. Дети к этому времени разошлись по соседним подъездам, а за праздничным столом между мной, женой и Гамзатом завязалась беседа. Мы шутили, смеялись. Я шутя спросил: «Гамзат, а что бы было, если бы в горах появилась ёлка?» Он серьезно посмотрел на меня и сказал: «Какая ёлка? Мы жили мусульманскими обрядами». Я не унимался и продолжал: «А вот сейчас и в горах появилась ёлка. Это хорошо или плохо?» Гамзат ответил: «Дети любят ёлку. Я и внукам купил ёлку, и у школьников бываю на новогодних ёлках. Что детей радует, то радует и меня».

В 1948 году в театре им. М. Горького торжественно отмечалось 70-летие со дня рождения Гамзата Цадасы. С отличным докладом о жизни и творчестве Гамзата Цадасы выступил проф. Х. Фаталиев. Цадасу усадили посередине сцены в специальном кресле чуть ближе к авансцене, чем президиум, расположившийся по бокам от Гамзата. Внимание всех сидящих в зале было обращено на Цадасу. По нему было видно, что он чувствует

себя неловко, что он не хотел бы, чтобы его выделяли из общей массы. Но положение обязывает, и поэту пришлось смириться.

Гамзата Цадасу в майские и октябрьские дни всегда приглашали на правительственную трибуну. У меня есть любительская фотография, запечатлевшая Цадасу на одном из праздников. Он сидел на скамейке, рядом со многими приглашенными, а не на правительственной трибуне. Я спросил: «Почему не на трибуне, а здесь?» Он ответил: «Место писателя среди масс, здесь мне хорошо».

Не могу забыть, как болезненно реагировал Гамзат Цадаса на выступления, необоснованно шельмовавшие Шамиля. Однажды, когда речь зашла о Шамиле, он даже прослезился. В его рабочем кабинете даже в дни ожесточенных нападок на Шамиля продолжал висеть его портрет.

Гамзата Цадасу часто можно было увидеть окруженным детьми. Детей самого Цадасы, Расула и Гаджи, я почти не замечал в их среде, но дом у Цадасы был полон детьми. Чьи они, я так до сих пор и не разобрался. Детей с нашего двора Гамзат любил по-особому нежно и никого из них не давал в обиду. Не помню ни одного случая, чтобы он кого-либо из детей ругал. Вначале я не мог понять, почему все дети, в том числе и мои, когда хотели пить воду, бежали именно к нему и к его жене. Увидев их пьющими воду, Гамзат спрашивал: «Может и кушать хотите?» Позже я понял, в чем тут секрет, его выдал мне один из моих сыновей. Дело в том, что дети боялись идти к себе домой, так как потом их родители могли и не выпустить снова во двор. С Гамзатом все было по-иному. Гамзат вообще всё прощал детям. Я был свидетелем, как ребята выстрелом из рогатки разбили у Гамзата окно. Услышав звон разбитого стекла, он спокойно подошел к окну, посмотрел на детей, принявших невинные позы, и ушел к себе. Дети также платили Гамзату своей детской привязанностью и любовью. Когда он тяжело болел, они навещали его. А когда он умер, его смерть потрясла детей. Они ходили вокруг дома, в котором жил Цадаса, присмирившие, молчаливые.

Гамзат Цадаса был человеком большой души. То, что я вспомнил о нем, это только один штрих в общем народном представлении об этой большой душе. Из тысяч таких штрихов и складывается народный поэт и гражданин, прославивший наш родной Дагестан.

5. Эффенди Капиев

Мое знакомство с Эффенди Капиевым состоялось в 1929 году в годы моей учебы на рабфаке в г. Буйнакске. В то время по всему Дагестану наблюдалось увлечение изучением тюркского языка, который стремились сделать языком межнационального общения для всех горцев. В обязательном порядке заставляли тогда изучать этот язык студентов учебных заведений. Для меня это был совершенно новый непонятный язык, а многие мои товарищи по учебе преуспевали в нём. Очевидно, мое отставание в знаниях этого языка объяснялось тем, что мои юношеские годы прошли далеко за пределами Дагестана. Поэтому мне пришлось заняться изучением этого языка в группе начинающих.

Моим первым учителем тюркского языка был Эффенди Капиев. Как сейчас помню появление его в аудитории. Молодой, красивый, весьма опрятно одетый человек, войдя в аудиторию, внимательно, изучающе стал вглядываться в каждого из нас. Мы тоже проявили любопытство к нему. Обычно шумные во время урока, тут мы притихли. К нам Эффенди обратился со словами: «Я ваш новый учитель, будем изучать тюркский язык. У вас должны быть тетрадь и учебник по этому языку». Так начался первый урок, положивший начало моему знакомству с будущим писателем, именем которого ныне гордится вся наша советская литература.

Моя учеба под руководством Эф. Капиева протекала не гладко. Наверно я был не из прилежных его учеников: много во мне было еще шаловливого, детского, к тому же язык мне давался нелегко. Поэтому Капиеву приходилось поневоле обращать

внимание на меня и настойчиво растолковывать мне элементарные основы грамматики тюркского языка. Это был строгий и требовательный учитель. Тюркский язык он знал превосходно. Каждое слово произносилось им четко, ясно. Чувствовалась большая требовательность его к самому себе.

Вскоре нас, студентов рабфака, перевели в Махачкалу в Дом кадров, где сейчас размещен сельхозинститут, мои встречи с Капиевым прекратились надолго.

В годы учебы в педагогическом институте, а затем в аспирантуре, я не переставал интересоваться Капиевым. Имя его все чаще стало появляться в литературе. О нем шла слава как о первоклассном переводчике. Особенно восхищали всех нас его переводы стихов и поэм Сулеймана Стальского. Сулейман Стальский стал любимым поэтом молодежи, рядом с ним в наших глазах всегда стоял и Капиев. Особенно этим гордился я, ведь он был моим учителем.

Снова я встретился с Капиевым в Махачкале после окончания московской аспирантуры в институте истории, языка и литературы в 1938 году. С этого времени я близко соприкоснулся с Эффенди, и вскоре мы стали друзьями. Дело в том, что тогда в Дагестане другого научного литературного центра, кроме Института истории, языка и литературы, по существу не было. И мне как руководителю этого учреждения часто приходилось встречаться с людьми самых разнообразных направлений культуры и науки. Особенно близки были отношения коллектива института с писательской средой. Писатели, газетные работники, переводчики считали своим долгом бывать в институте, советоваться с его работниками. Мы считали, что делаем общее дело и проявляли взаимную заинтересованность. Может быть это объяснялось тем, что ученым секретарем института работал А. Ф. Назаревич — большой знаток дагестанского фольклора, критик и литературовед. Работали мы с ним дружно. В моих глазах, да не только моих, А. Ф. Назаревич был человеком острого ума и высокой культуры, и совершенно не жалевший себя, когда дело

касалось любимой работы. Его большой жизненный опыт всем нам, работникам института, очень пригодился.

Отношения А. Ф. Назаревича с Э. Капиевым были приятельские. По правде говоря, я иногда даже завидовал их дружбе. Эфенди советовался с ним и считался с его мнением. Всё, что бы они ни делали, у них выходило как бы само собой подразумевавшимся.

Тяготение писательского мира, журналистов к институту объяснялось не только тем, что его коллектив был отзывчив к их запросам, но и тем, что в нем был сосредоточен богатый фонд устного народного творчества из разных районов Дагестана. Доступ к источнику духовного богатства у нас в институте был широко открыт всем желающим. Пользовался этими материалами и Капиев. Часами просиживал он в рукописном отделе института, просматривая фольклорные записи. Как правило, всегда в конце рабочего дня перед уходом заходил или к А. Ф. Назаревичу, или ко мне в кабинет, радостный, и с увлечением передавал нам свои впечатления о разнообразии народного творчества дагестанских народов, говорил о необходимости сделать его достоянием широких масс. Бросалось в глаза его ровное отношение к культурному наследию всех горских народов. Хотя он сам был лакец, но никогда по этой причине он не выделял лакский фольклор. С одинаковой любовью он относился к богатствам всех дагестанских народов, а в ряде случаев отдавал предпочтение совсем маленьким народностям и этническим группам, как бы этим подчеркивая, что и они в стране Советов равноправные члены единой семьи братских народов. Может быть, за точность, не ручаясь, результатом бесед и встреч с Капиевым возникла у нас с А. Ф. Назаревичем идея издания специальных фольклорных сборников на всех языках Дагестана. В 1938—1940 гг. многие сотрудники института были переключены на подготовку лезгинского, татского, лакского, даргинского, аварского, табасаранского, кумыкского, ногайского фольклорных сборников. Из них при жизни Капиева вышло два

сборника. Работа над ними осуществлялась под руководством А. Ф. Назаревича.

В 1940 году московским издательством была выпущена книга Э. Капиева «Резьба по камню». Книгу эту я получил от автора с дарственной надписью. Надпись была сделана убористым почерком на всю страницу. Содержание надписи не припомню, так как, к моему огорчению, после возвращения с фронта книги не оказалось в моей библиотеке.

Книгу Э. Капиева я несколько раз старательно перечитывал. В поэтических произведениях, помещенных в книгу, мне как историку все было знакомо и близко. Трудно сказать, чем объяснить, но на меня эпическая поэзия всегда оказывала сильное воздействие. Мне казалось, что в книге всё было связано с историей и при каждом её чтении передо мною как бы оживали события и люди далекого и недавнего прошлого Дагестана. Из этой книги я узнал некоторые исторические подробности, о которых до этого имел смутное представление. Во всем, что касалось истории, могу сказать откровенно, ощущалась скрупулезность и добросовестность автора. Меня поражало то, с какой старательностью и душевной симпатией Капиев воскрешал в нашей памяти имена давно забытых эпических героев, их благородство, подвиги борцов за народное счастье. Найти такие вдохновенные песни мог только человек, который хорошо знал свой народ и являлся сам носителем многих черт, которыми он наделил своих героев.

Таким представлялся мне Э. Капиев после ознакомления с книгой «Резьба по камню».

Своими мыслями о книге я поделился с автором. К моей оценке он отнесся внешне равнодушно. Он лишь сказал, что он тоже «любит историю» и добавил: «Как было бы хорошо, если бы была написана история Дагестана. Это крайне необходимо всем литераторам. Знание исторических событий обогащает поэта». И он тут же переключился на вопрос об исторической теме, заговорил о фольклорном образе «Азайли». Он спросил меня, как я понимаю этот топонимический образ? Я ему

ответил, что этот вопрос и меня интересует, но название «Азайни» употребляется только лакцами и даргинцами в смысле жителя равнин, равнинной страны. И еще добавил, что сами кумыки не имеют представления об этом слове. Тогда я не смог высказать даже в виде предположения, что «Азайни» это, возможно, старинное дагестанское название Хазарии. Для этого я тогда не располагал достаточным материалом, да и сейчас никто по существу не интересуется этим вопросом. Между тем это не частный вопрос истории, с ним связан целый исторический период развития Нагорного Дагестана и Хазарии.

Из наших бесед стало ясно, что без повсеместного сбора легенд, сказок, мифов не обойтись и историкам. «Во всем этом,— говорил Эффенди,— звучит подлинный голос народа, это для нас история, рассказанная самим народом». Он внушил мне мысль, что и мне лично надо заняться сбором народных преданий. Я так и сделал, и это обогатило мое представление о прошлой жизни Дагестана и исследования мои приобрели большую научную глубину. Если бы я не был вооружен историко-этнографическим материалом, я не смог бы дать живую картину событий. Был у нас разговор и о характере набегов горцев. Я убедился, что его интересовало в песнях о набегах только удалство, героизм, мужество горцев.

Наши встречи еще более частыми сделались в связи с подготовкой к двадцатилетию автономии Советского Дагестана. На институт был возложен ряд обязанностей и в том числе подготовка текста письма трудящихся Дагестана на имя ЦК партии и сбор материалов к кантате «Дагестан». Руководителям республики хотелось, чтобы письмо от трудящихся было написано полупрозаически, полустихотворно. Эта работа осуществлялась под руководством А. Назаревича и Э. Капиева. Оба они очень много трудились и прежде, чем составить окончательный, обсуждавшийся по всей республике текст, им пришлось испробовать много вариантов. Совещались они и с писателями, и с партийными работниками, и с композиторами, и с художни-

ками. Как очевидец, могу засвидетельствовать, что Эффенди проявил кипучую энергию, чтобы достойно ознаменовать XX-ю годовщину Советской власти в Дагестане. От этой подготовки не остался в стороне и я. На мою долю выпала честь написания и издания серии научно-популярных брошюр по истории Дагестана.

Начались торжества юбилейной сессии Верховного Совета ДАССР. Среди участников сессии радостный и возбужденный расхаживал Э. Капиев в окружении гостей братских республик и Москвы. Он очень близко принял к сердцу это событие и связывал с ним большие надежды и планы на будущее. Еще накануне юбилейных торжеств во время одной из встреч Капиев спросил меня: «Расул, интересно, кто будет читать на юбилейной сессии письмо в Москву?» Я ему ответил: «В письме больше поэзии, очевидно, поручат кому-нибудь из писателей». Конечно, ему как одному из авторов письма хотелось, чтобы письмо прочли по-профессиональному — с пафосом и поэтично. Но получилось совсем наоборот — письмо пришлось читать мне, хотя для меня это было полной неожиданностью и я не был подготовлен к этому.

Видимо, я прочел не так, как хотел бы этого Капиев. Да, и сам я чувствовал, что при чтении стихотворных строк письма не проявил особой выразительности. Несмотря на это, своего неудовлетворения Капиев ничем не проявил, и от сознания того, что я огорчил Эффенди, мне было как-то не по себе, потому что я очень дорожил его мнением.

Помню, как-то Капиев пришел в институт с только что законченной книгой «Поэт». Тогда мы всем коллективом дружно, тепло восприняли чигку им новелл из новой книги. После окончания чтения тотчас началось оживленное обсуждение книги. Надолго врезалось в моей памяти одно пожелание, которое упорно навязывалось выступавшими автору. Можно сказать, что почти все выступавшие хотели, чтобы в книге «Поэт» главными действующими лицами оставались реальные исторические личности. Обязательно хотели, чтобы в лице Сулеймана видеть Сулеймана Стальского

и в Габибе — Эффенди Капиева. В заключение, когда Капиев отвечал на это пожелание, мне показалось, что в душе он не против такого сравнения, но публично резко возразил против персонализации. Он разъяснял присутствовавшим, что «Поэт» — книга о Дагестане, о родном народе, о его думах и чаяниях и что в книге выведены такие лица, которых вы знаете, но там говорится и о тех, которые еще появятся. Мы все от души под гул аплодисментов поздравили Капиева с творческим успехом, сказали, что с нетерпением будем дожидаться выхода его новой книги. Я сказал ему: «Ну, что, Эффенди, книга уже принята публикой; в ней отразился блеск таланта автора и «Поэт» — это большое событие не только в личной жизни автора, но и в жизни всей республики». Я говорил так, будучи уверен, что я прав, хотя собралось нас тогда на капиевские чтения всего человек семь-восемь, и это были первые читатели «Поэта». Обсуждение показало, что Эффенди уверенно шел вперёд, совершенствуя свои силы, к вершине своего писательского творчества.

Война меня вновь разлучила с Капиевым. Мне так и не пришлось с ним поговорить после выхода из печати книги «Поэт». Мы оба оказались на разных участках фронта.

С человеком, которого я так высоко ценил, мне не удалось увидеться и после своего возвращения в 1943 году в Махачкалу. Внезапная смерть Эффенди Капиева поразила нас, его друзей. Нам не хотелось верить, что среди нас уже нет нужного и близкого нам человека.

Он жил большой идейной жизнью, и то, чего Э. Капиев достиг за свою короткую жизнь, по праву заслуживает, чтобы дагестанский народ назвал его великим своим сыном.

VI. ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ

I. Человек и общество

1. Разрушение задворков былой мелко-национальной замкнутости

(Заметки к статье)

В одном из изданных у нас сборников дагестанских пословиц и поговорок целый, весьма интересный для историка, раздел назван тоже пословицей. Она очень старая и очень многозначительная по своему содержанию: «Дом пришельца — на краю селенья».

Мимо такой пословицы не пройдешь. Это ведь — сама история. Огромная многовековая эпоха в жизни горцев Дагестана, когда в силу исторических условий были страшно далеки, были отделены друг от друга и горами, и языками, и порой совершенно нелепыми обычаями не только многочисленные горские народности и племена, но и отдельные, иногда даже рядом стоящие аулы, а внутри аулов древние, закосневшие кровнородственные общины — то, что позже дошло до нас в форме тухума, разъедавшегося в XVIII—XIX веках язвой социального неравенства.

Если сравнить старую жизнь в горах и новую социалистическую явь и попытаться выделить главное, что достигнуто Коммунистической партией и Советской властью в переделке сознания горца, то надо признать, что самой характерной чертой нового сознания является революционное и окончательное преодоление былой мелконациональной замкнутости. Новое, интернационалистское, свидетельствующее о нерушимой, навеки утвердившейся дружбе народов, является в наши дни наиболее характерным и в общей постановке проблемы — человек и общество, и во всём, что относится к быту — и в крупном, и в мелочах.

Вопросы, связанные с национальными традициями, с народными обычаями, доставшимися в наследство от старины (пусть многие из этих традиций и обычаев и кажутся порой достойными возрождения и широкого распространения) — всё, всё надо оценивать прежде всего с этой точки зрения. Старое, задержавшееся где-то на задворках нашей жизни — на свалку, а новому, ещё больше укрепляющему межнациональную дружбу — широкую дорогу!

2. Ещё к этой же теме...

На заре Советской власти партия большевиков, создавая новую экономику в Дагестане, выдвинула задачу переустройства жизни и быта его населения на коммунистических основах. Много трудностей пришлось преодолевать на этом пути. Пережитки старого быта в домашней и семейной жизни, в обычаях и нравах сильно мешали успешному социалистическому строительству в республике.

С того дня, как началась битва с вредными привычками и предрассудками, бытующими среди людей, и развернулся поход за переустройство горского быта, прошло полвека. Срок этот, конечно, не очень большой и нельзя сказать, чтобы он был особенно заметным для обычного хода истории. Но в том-то и дело, что история этих лет необычна для народов Дагестана. Эти годы вызвали такие перемены, о которых немислимо было и мечтать при ином общественном строе.

В жизни дагестанских народов восторжествовал социализм. С построением социализма в корне изменилось общественное и материальное положение трудящихся Дагестана. Величайшие культурные достижения советских народов и всей мировой культуры стали составным элементом жизни и быта горцев. Налицо невиданный культурный подъём масс и рост их духовных потребностей.

Но, как ни громадны достижения в перестройке всей жизни гор, наш быт и сегодня не свободен от позорных пережитков прошлого. Они дают о себе знать на каждом шагу и мешают стремительно-

му движению вперед. В любом ауле мы найдём рядом и отжившее, и ростки нового.

И всё-таки ни старые привычки, ни вредные обычаи прошлого, ни религиозные обряды — ничто не в состоянии задержать формирование коммунистического быта у советских народов. Новые черты, характерные для человека коммунистического общества, преобладают во всём, что отражает жизнь народа.

Замена старого новым происходит не мирно, а в ожесточённой борьбе. Вот о том, как идет укрепление коммунистических форм в жизни дагестанского крестьянства и как люди освобождаются от предрассудков, доставшихся в наследство от старины, и надо рассказать нашей молодёжи убедительно и ярко. Методологический путь к этому — живое, наглядное сопоставление старого и нового.

3. Страницы далёкого прошлого

В Тидибе пришельцам жить не разрешалось.

В Ураде, Ланубе — кто помогал человеку из чужого аула, тот подвергался штрафу. На чужаков не распространяется ни добро, ни зло.

(Из записей в полевом дневнике)

* * *

«Если кто женится на женщине из чужого аула и не приведет её в своё селение, а оставит там, с того взыскивать три овцы, как с вора».

(Из составленных в XIX веке соглашений разных магалов Цекубского сельского общества).

* * *

В нынешнем Ахтынском районе у стариков можно записать самые различные предания о вооружённых столкновениях между аулами. Ахтынцы господствовали над другими аулами. Существовал так называемый обычай «пахты» — каждый житель аула Ахты раз в год мог поехать в гости в любой

из подчинённых аулов. Иногда отправлялись в гости отрядами в сто-двести и больше человек и гостили с утра до ночи. И гостей и коней в этом ауле должны были кормить до отвала.

Обычаем «пахты» пользовались и рутульцы. Однажды была целая война между аулами Рутул и Хрюг. Хрюгцы отказали рутульцам в «пахте», и те обратились к ахтынцам за помощью в наказании строптивых. В результате войны аул Хрюг был сожжен, а среди ахтынцев было двенадцать убитых.

Всегда воевал с ахтынцами аул Джаба. Враждовали между собой аулы Борч и Хнов.

В аварских районах адаты предусматривали специальные обычаи по примирению аулов. Кодекс Умму-хана лишал за это обычной доли в горных пастбищах.

* * *

Внутри дагестанских аулов в прошлом не было единства. Их раздирали всё время нараставшие имущественные противоречия. В почёте были физическая сила и самый откровенный разбой. Не случайно даже в названиях тухумов (родовых групп) имеются отголоски разбоя и идеализации наживы. Всё построено на вражде, на войне людей друг с другом.

Старики в Кайтаге так объясняют происхождение названия тухума Кара-иби (кара, в переводе, — чёрный). Когда-то, давным-давно морские разбойники ограбили волжских купцов, плывших в Персию. Суровое Каспийское море поглотило и их корабль. Всё награбленное оказалось выброшенным на берег. Вот за это имущество и началась борьба между маджалисскими и янгикентскими беками. Война была долгой и кровопролитной. Маджалисский бек был в конце концов разбит. На стороне янгикентцев находился и башлинец Кара-иби. Он был храбр, был ранен в бою и умер от ран, а его имя с тех пор стало именем всего его тухума.

В ауле Кубачи самым первым тухумом считался тухум Акайлы-Али. Это название тоже связано

с межнациональной войной. Акайлы-Али участвовал в военных походах Уммахана Аварского на Грузию. Возле Кубачей есть камень, на котором высечены имена погибших в походе. Акайлы-Али был самым беспощадным среди воинов Уммахана.

Горские феодалы всячески разжигали межнациональную вражду. Прикрывалось это религией. Самая первая глава первого же раздела наиболее обширного сборника адатов Дагестана (сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского, составленный в XIX веке) гласит: «За отступление от мусульманской религии по адату виновные убиваются — тотчас же».

Межаульную вражду разжигали и мюриды. Известный мемуарист Шамиля Абдурахман пишет, что мюриды говорили о мегебцах: это, мол, люди безумия. О гидатлинцах они говорили: «Нравы этого народа имеют сходство с нравами животных». Об ахвахцах сам Абдурахман пишет: «Люди эти до того, как настигла их сабля трёх имамов, были скверными и беспутными. И другие дагестанские земли не были избавлены до шарията от этого порока».

Чтобы истребить порок слабой веры в догмы мюридизма, мюриды и натравливали одни дагестанские аулы на другие.

4. Тухум как наследие дикой старины

Об адатах дагестанских горцев мне довелось в 1960 году делать специальный доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. Там я подошёл к этому материалу как к историческому источнику. До того, в 1949 году, я выступил на научной сессии в Махачкале с небольшой работой о тухуме. Там тоже были попытки исторического анализа. В помощь пропагандистам отбираю из старых набросков на отдельных листках только то, что раскрывает социальную сущность тухумной организации и её отрицательное влияние на отношения людей в наши дни.

Тухум (в некоторых аулах: тлибил, эвлед, джинс, утцы-урши и т. д.) — это один из самых

далеких пережитков старины. Это замкнутая семейная организация, которая всегда была носителем консерватизма и частнособственнической психологии. Именно с тухумом связан такой дикий обычай, как кровная месть.

Тухум делил на враждующие группы многие старые аулы Дагестана. У нас, пожалуй, нет ни одного аула, где бы не было несколько тухумов.

Тухумы раздирались социальным неравенством. Были тухумы «высшие» и «низшие». Неравенство тухумов приводило к постоянным дракам между тухумами, а «высшие» надменно подчёркивали свою неприязнь к людям другого тухума.

Во многих аулах браки заключались только между членами одного и того же тухума. Двоюродный брат женился на двоюродной сестре. Это ещё больше разъединяло людей и приводило к болезням.

Пережитки тухумной организации были так сильны, что даже после организации колхозов родственники по тухуму в общественных местах держались обособленно, а на колхозном поле старались работать отдельно от остальных членов колхоза. Вся земля давно уже стала общеколхозной, но кое-где и сейчас старики, проходя мимо колхозных полей, говорят детям: эта, мол, земля когда-то принадлежала нашему тухуму. В селениях Гигатль, Тлох и Кинхи и до сих пор иногда предъявляются претензии на бывшие тухумные участки, если на них строится кто-либо из чужого тухума.

Но колхозный строй делает своё дело. Он перемолол старое и всей своей практикой утверждал новые отношения между людьми. Отмирает старое, узкородственное сознание, побеждает новое, коллективное. Производственные бригады и бригады коммунистического труда в колхозах состоят из всех сельчан. В сёлах теперь живёт и трудится новый тип крестьянина-колхозника. Недалеко уже то время, когда будет забыта даже самая память о бывших тухумных перегородках. Уже сейчас тухумы по сути дела потеряли всё своё реальное значение. Они смешались с другими тухумами, установились новые родственные начала, и они ох-

ватывают людей и внутри, и вне колхозного села. Но ещё более важным является то, что старые кровнородственные отношения люди уже всё больше и больше расценивают как отношения пережиточные, и на первый план выдвигаются не кровные узы, а узы дружбы, социалистического доброжелательства и взаимоуважения.

5. Одна из примет роста межнациональных связей

(О смешанных браках в аулах Дагестана)

Старое:

«В Унцукуле духовенство и кулачье организовали порядки времён газавата. Куренье воспрещено, все музыкальные инструменты перебиты, девушки с одиннадцати лет должны закрывать лицо, не показывать его посторонним. Пять девушек, возвращаясь с родника, в насмешку над новым указом закрыли не свои лица, а лица ишаков, которых они гнали домой. Шариатисты беспощадно покарали за это святотатство: девушек присудили к двадцати пяти палочным ударам каждую. Все девушки после экзекуции заболели».

«В Кумухе перед самой революцией, в 1916 году, состоялся шариатский суд над лачкой за то, что она вышла замуж за армянина. По решению шариатского суда её посадили на осла, лицом к хвосту, вымазали лицо сажей и провезли по аулу в сопровождении изуверов, которые плевали на женщину и забрасывали её камнями».

(Из корреспонденций в газете «Илчи» за 1918 год)

Новое:

В «Дагестанской правде» описана интересная свадьба, проведенная по-своему в Новолакском районе. Примечательны сведения о национальных признаках молодых. Лачка Атикат Гамидова из аула Тухчар, передовая доярка, связала свою судьбу с чеченцем Султановым из селения Шихой-юрт.

* * *

В лакском ауле Шовкра с 1948 года проживает учительница Р. М. Ситникова. Она замужем за лак-

цем. Муж её — колхозный шофёр. У них трое детей. Имена детей то лакские, то русские. Все в семье, включая русскую мать, знают и лакский, и русский языки. Мать одевается как лачка и ничем не отличается от всех других женщин аула.

* * *

В Унцукульском районе следы обычая, запрещавшего выдавать девушек замуж в чужие сёла, сохранились вплоть до пятидесятих годов. Сейчас в этом районе, в маленьком ауле Харачи восемь семей со смешанными браками. Тут отмечены только харачинцы, женившиеся на русских девушках.

Старое:

В кайтагском ауле Джарабачи я записал поговорку, намекающую на женщин, выходящих замуж в чужие аулы: «Хороший камень из аула не вынесут».

В одной из даргинских песен с насмешкой говорится о девушках из чужих аулов:

«Пусть множится урожай
и девушки из чужого аула.
Чтоб по две приводить,
Да по одной и по две отсылать».

Новое:

Из экспедиционных записей шестидесятих годов: большое число девушек из Кайтага имеется в табасаранских селениях Дюбек, Хустиль, Ханаг, Кужник. В селениях Хив, Лака, Сиржат у местных жителей и лезгинские, и рутульские, и русские, и азербайджанские жёны.

* * *

В высокогорном ауле Н. Хваршни пять горцев имеют русских жен. Большое количество молодых людей этого аула женаты на девушках самых различных национальностей. Когда-то в этом ауле запрещались даже междухимные браки. О том, чтобы выбрать жену из девушек соседнего аула, нельзя было и заикнуться.

* * *

В аварском ауле Ирганай меня познакомили с учительницей Е. М. Семенюк. Она живет тут с 1932 года. У неё аварская семья. Муж смеялся, вспоминая, как жена однажды заупрямилась, когда сын решил жениться на русской. В конце концов всё произошло так, как хотели молодые.

6. Несокрушимые традиции великой ленинской дружбы между народами

(Факты и цифры к статье)

Интересное явление я отметил на одном из общерайонных митингов в ауле Хучни. Это центр Табасаранского района, абсолютное большинство населения здесь табасаранцы, но все выступавшие на митинге говорили почему-то на азербайджанском языке. То же самое было и на пленуме райкома КПСС. Меня это удивило. Я заинтересовался, в чем здесь дело, и оказалось, что в районе имеется несколько азербайджанских сёл, жители которых не знают табасаранского языка. Выступая на языке жителей этих сёл, табасаранцы тем самым отдавали дань уважения своим братьям по труду — азербайджанским товарищам.

* * *

В составе Левашинского района имеется несколько сёл с аварским населением. Отношения между даргинским и аварским населением стали настолько близкими, что они не различают себя друг от друга, хотя говорят на разных языках. Высшим проявлением этой дружбы явился выбор большинством даргинского населения района общего языка в качестве языка общения со своими братьями по труду. Таким общим языком для даргинского и аварского населения Левашинского района стал русский язык.

В соседнем Акушинском районе все собрания, митинги, совещания проходят на даргинском, а в Левашах — на русском языке.

* * *

По мере развития материальных и духовных сил советского общества расширяется взаимное общение народов СССР, крепнет их дружба. Ленинская национальная политика обеспечила подлинное равноправие всех народов, их сближение и братскую взаимопомощь в строительстве новой жизни.

Народы Дагестана вступили в советский строй в условиях экономической отсталости, при наличии национальной розни, национальной ограниченности и эгоизма. С этим покончено навсегда. При братской помощи всех народов СССР, прежде всего русского, народы Дагестана пришли к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Они теперь идут в одном строю со всеми народами СССР по пути экономического и культурного подъёма и вместе со всеми народами СССР закладывают основы новых, коммунистических отношений между людьми.

Советская действительность подтвердила правильность ленинских взглядов на существо национального вопроса. Социализм сблизил народы Дагестана в такой степени, в какой они никогда не сближались и не могли сблизиться за всю свою многовековую историю. В настоящее время в Дагестане живут представители более 60 народов нашей страны. Все национальности получили самые благоприятные условия для своего развития, и в то же время национальные различия очень мало сказываются в отношениях между людьми разных национальностей. Различия стираются и среди малых народностей, и среди более крупных. Об этом говорит хотя бы такая деталь. Во время переписи населения пять тысяч дагестанцев указали в переписных листках, что родным для себя они считают русский язык.

В 1959 году жителей из коренных национальностей было в Дагестане 67 процентов всего населения. Рука об руку с аварцами, даргинцами, кумыками, лезгинами, лакцами в Дагестане трудилось около 214 тысяч русских, свыше 10 тысяч украинцев, более 1300 белорусов, 38 тысяч азербайджанцев и т. д. В то же время свыше 210 тысяч дагестанцев проживает за пределами своей республики.

Всё более изменяется состав населения в аулах Дагестана. Здесь тоже живут выходцы из самых разных мест. В колхозе «Правда» проживает семьсот семейств кумыков, двести семейств аварцев, пятьдесят даргинцев. В совхозе «Дружба» Хасавюртовского района трудятся представители четырнадцати национальностей. К началу первого года семилетки свыше 44 процентов сельского населения республики проживало в условиях тесного национального общения. Города Дагестана вообще интернациональны по составу своего населения.

Расширяется практика образования районов со смешанным национальным населением. Таких районов в Дагестане насчитывается четырнадцать. Так, например, в Дербентском, Бабаюртовском, Кизлярском, Буйнакском, Левашинском, Хасавюртовском районах живут русские, кумыки, аварцы, ногайцы, чеченцы, даргинцы, лезгины, табасаранцы, в Новолакском — лакцы, кумыки, русские, чеченцы. Появляются и аулы со смешанным меж-аульским населением. Так, ещё в 1948 году в ауле Батлаиш работало около двухсот человек выходцев из аулов Кулцма, Абши, Аймаки, Кутиша, Араканы, Батлук, Гоцатль, Кахиб и других.

Совместная экономическая, культурная жизнь способствует ускоренному сближению и слиянию разных народов. В Дагестане этот процесс, видимо, ещё более развивается в связи с увеличивающимся с каждым годом переселением с гор на плоскость. За годы Советской власти за счет переселенцев из горных районов на плоскости выросло 73 населенных пункта.

В новых населенных пунктах горцы живут значительно лучше, чем в горах. Примером может

служить лезгинский переселенческий колхоз им. Карла Маркса в Хасавюртовском районе. Переселившиеся с гор курушцы на старом месте, в горах, никогда не могли и мечтать об условиях, которые они имеют на плоскости.

То же самое следует сказать и о лакских переселенческих колхозах в Новолакском районе.

В ближайшие годы намечено переселить на плоскость свыше 70 тысяч хозяйств, причем более 15 тысяч из них пополнят ряды промышленных рабочих.

За годы Советской власти в Дагестане выросли новые города Избербаш, Каспийск, Огни. За десять лет, с 1949 по 1959 год, городское население республики выросло за счёт сельского населения почти на сто тысяч человек. Прогрессивно растущее перемещение населения тоже является одной из предпосылок сближения советских народов между собою.

Новым в жизни Дагестана является образование на территории отгонных пастбищ новых населенных пунктов. Уже сейчас таких населенных пунктов насчитывается пятьдесят. В них проживает свыше пятнадцати тысяч семейств горцев. Эти новые населённые пункты частью даже не нанесены на географическую карту, но они существуют и имеют немалые перспективы в своем развитии. Здесь помимо горцев в колхозное производство вовлечены русские, ногайцы, корейцы и другие народности. Переселенцы живут в гуще кумыкского населения. Знаменательно то, что местное население встречает переселенцев приветливо и помогает им в устройстве на новом месте. Все живут как добрые соседи.

II. Труд и коллектив

I. История человеческого труда в старинных горских обрядах

(Наброски к беседе с колхозниками)

Летом, когда университетский людской муравейник затихает и студенты разъезжаются по родным аулам, я, по обыкновению, тоже отправляюсь

в горы. Историкам без поездок нельзя. Старинные рукописи, книги, архивы — это наш хлеб, но живая жизнь — это воздух. Иной раз беседа со стариками наведёт на такую мысль, что потом копаешься целыми месяцами, пока разберёшь что к чему.

Но, чтобы беседа со стариками разворачивалась так, как нужно для историка, очень важно и старикам рассказать что-нибудь интересное. В старых моих записях сохранились намётки к таким рассказам. Возможно, они представляют и более общий интерес.

Кое-чем из этих набросков я решил поделиться с нашими сельскими пропагандистами.

* * *

Самое главное в жизни человека — это труд. По сути дела вся история человечества — это история труда и трудовых взаимоотношений людей. Трудом создано всё материальное, чем пользуется человек. Вся культура человечества — это тоже как бы сгусток трудовых усилий и трудовой творческой мысли миллионов людей, многих поколений, сменявших друг друга и бережно хранивших созданное предками.

Мало того, труд — это не только материальная культура. Всё, что связано с фантазией человека — это тоже труд, ибо фантазия — это прежде всего творчество.

А. М. Горький в 1934 году в докладе на Первом съезде писателей говорил: «Воображение создаёт то, что подсказывает человеку действительность», в ней «играет роль не беспочвенная, оторванная от жизни фантазия», а «вполне реальные причины и побуждения». Тогда же Горький подчёркивал, что смысл всех древних сказок и мифов, созданных фантазией человека, заключается во всегдашнем «стремлении древних рабочих людей облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов».

Старые обычаи и привычки, древние обряды — это тоже результат стремления людей помочь себе в трудовой деятельности.

Многое в старинных обрядах кажется сейчас непонятным, необъяснимым, даже нелепым, но это является результатом того, что тут правильные представления о возможности облегчить свой труд переплелись с представлениями ложными, ошибочными, вызванными тем, что человек не понимал, что происходит в окружающей его природе и фантастически объяснял её.

Наглядным примером того, что в основе всего, созданного нашими предками, лежит труд, являются широко распространённые старинные дагестанские обряды начала весенней пахоты, общей уборки урожая, вызывания дождя и т. д.

Особенно широкое распространение в горах имели обряды, связанные с началом весенних сельскохозяйственных работ. Это были в старину общенародные праздники. В разных местах они назывались по-разному. У аварцев — «оц бай», у даргинцев — «клубахруми», у лакцев — «карас шову» и т. д.

Праздники коллективного начала пахоты (праздники первой борозды) известны у всех древних земледельческих народов мира. В Дагестане такие древние народные трудовые праздники были описаны этнографами ещё в XIX веке.

В деталях этих праздников — вся история земледельческого труда, история представлений человека об этом труде.

День первой борозды в старину устраивался, как правило, тогда, когда «поспевала» земля, когда на основе трудового опыта предков известно было, что наступили самые благоприятные условия для сева.

Однако в некоторых аулах день первой борозды проводился не в зависимости от метеорологических условий, от погоды, а в астрономический день начала весны, в день так называемого весеннего равноденствия. Это — 22 марта, когда продолжительность дня равна продолжительности ночи. После 22 марта дни становятся длиннее, а ночи более короткими — значит дело идет к лету.

То, что далёкие предки нынешних горцев Дагестана выделили этот день, заметили, когда в при-

роде начинается поворот к лету и пора начинать сельскохозяйственный цикл нового года, — это тоже результат труда людей, их долгого трудового опыта.

В праздник «оц бай» или «клубахруми» на первую вспашку поля выходил весь аул. Быка,пряженного в плуг, украшали как невесту, а первую борозду проводил самый опытный в ауле пахарь, чаще всего тот, кому в прошлом году сопутствовала удача и на чьём поле был получен самый высокий урожай.

И вот тут в некоторых аулах в старом обряде сохранилась интересная деталь, в которой — тоже история земледельческого труда. Дело в том, что зерно, которым засеивалась обрядовая первая борозда, собиралось в старину в этих аулах по маленькой горсточке во всех домах. Каждый обязательно вносил свой вклад — хоть одно-два зерна.

Что это означает? Тут отголосок исторического порядка, своеобразное воспоминание об очень древнем этапе развития земледелия. Только коллективными, общими усилиями наши далёкие предки и могли обработать землю во времена, когда люди не знали ещё железа и вынуждены были обходиться палками и каменными топорами.

От этих далёких времен первобытного земледелия нас отделяют многие тысячи лет, но память о них прожила до наших дней. Она отражена в народных обрядах.

В сроках проведения «оц бая», в отзвуках древнего коллективного начала в «клубахруми» ощущаются реальные, правильные представления наших предков об условиях их труда. Но много в обрядах есть и фантастического, вызванного непониманием явлений природы, неверными, ложными представлениями о возможности воздействовать на неё.

Вот пример. На празднике «оц бая», «клубахруми» или «карас шову» после того, как пахарь провёл первую борозду, после того, как в борозду брошены общие зёрна, все собравшиеся начинают забрасывать пахаря и быка мокрыми снежками или обрызгивают водой.

В чём смысл этого обряда? А в том, что тут желаемое, ожидаемое выдаётся за действительное. В том, что тут в обряде сказывается наивная вера наших предков в возможность магическими, завлекающими действиями заставить природу делать то, что нужно человеку. После посева полям нужен дождь. Обливание пахаря и быка водой и изображает этот дождь, «заманивает» его на поле.

В некоторых аулах такой обряд вызывания дождя постепенно превратился в шутку, в увеселение. Пахаря обрызгивают не водой, а забрасывают грязью, старыми лаптями, всем, что попадётся под руку и может вызвать смех. Историческую подоплёку постепенного превращения серьёзного обряда в забаву, шутку можно объяснить так. Труд для человека — это всегда надежда, приятные ожидания, радость. А где приятное, там и шутка.

Недаром день первой борозды во всех аулах обязательно заканчивается всеобщим весельем — танцами, спортивными состязаниями, коллективным пиром.

* * *

Много элементов шутки имеется в старинных дагестанских магических обрядах вызывания дождя. Центральным моментом таких обрядов является чучело или человек, укутанный зелёными ветками и травой. Главного персонажа этого обряда водят по аулу, по полям и поливают водой, сопровождая поливание магическими песнями о дожде.

Обряды вызывания дождя по имени «героя» этих обрядов называют по-разному: у лезгин это — «пешапай», или «дядька из листьев», у аварцев — «ц'адал х'ама», или «осёл для дождя» и т. д.

Все эти обряды в конечном счёте тоже связаны с трудом человека, с наивной верой в то, что магическим обрядом можно заставить природу дать то, что нужно для реализации человеческого труда. А. Ф. Назаревич поделился со мной интересными наблюдениями по обряду «пешапай». Работая в первые годы Советской власти в ауле Ахты, он видел исполнение этого обряда со всеми его самы-

ми древними подробностями. А. Ф. Назаревич отмечает, что песни, сопровождающие обряд «пешапай», очень похожи на русские колядки. И там и тут главное — мысль о труде, магическое пожелание удачи в труде, хороших урожаев. Интересны наблюдения А. Ф. Назаревича о том, что в песнях, сопровождающих обряд, отражаются древние чаяния и ожидания не только горских пахарей, но и животноводов. Для гор, где главным было животноводство, это весьма характерно.

* * *

Древние земледельческие обряды и обычаи в основе своей всегда имеют труд, в частности труд коллективный. Но в классовом обществе — рабовладельческом, феодальном, капиталистическом — самым характерным признаком этого классового общества было присвоение труда, ограбление тружеников. Главное в таком обществе — наличие грабителей и ограбляемых, паразитов и работников, эксплуататоров и эксплуатируемых. Первых меньшинство, но в их руках сила и власть, вторых подавляющее большинство, но они неорганизованы, бессильны, не могут в силу своей темноты и забитости осознать своё положение и найти выход из него.

Классовый, эксплуататорский характер общества сказывается и на обычаях, на обрядах. Огромную роль здесь играет религия как идеологическое оружие классовой эксплуатации. Классовое, враждебное влияние уродует древние народные обряды, искажает их трудовой смысл. В результате в дореволюционные годы на том же весеннем празднике первой борозды пахарем был не лучший труженик аула, а первый богатей, в некоторых аулах даже мулла.

Трудовое, коллективное содержание древних земледельческих народных обрядов и обычаев особенно пострадало от воздействия религии. Именно религиозные наслоения и высмеивал Гамзат Цадаса в своих сатирических стихах, посвящённых «оц баю» и старинной обрядности.

И с этой точки зрения наш народный поэт прав. То, что теряет связь с трудовой основой, что отражает религиозную идеологию и испытало влияние господствующих классов, то перестаёт служить народу.

2. Новый народный герой и старые адаты

Острая классовая борьба во всём, что связано с трудом, особенно ярко отражена в горах в замечательном образе Хочбара — героя аварских эпических песен, распространённых также у даргинцев и лаков.

Хочбар защищал гидатлинское вольное общество от эксплуататорских притязаний хунзахского феодала — нуцала. В широко известной песне этот нуцал коварно заманивает Хочбара в свою крепость и тут же готовит всё для публичного сожжения его на костре. Герой, видя свою близкую гибель, сам бросается в костёр и захватывает с собой налету двух сыновей нуцала. Властитель гор рвёт свою бороду, предлагает народному смельчаку все свои богатства, но Хочбар непреклонен и сгорает в огне вместе с наследниками нуцала — злейшего врага горских пахарей и овцеводов. Л. Н. Толстой назвал песню о Хочбаре удивительной.

Недавно я провёл целое лето в гидатлинских аулах. Видимо, у народно-поэтического образа Хочбара был свой прототип. Он, конечно, не одно и то же, что и создание народной фантазии, но старики уверяли меня, что вот тут он совершил такой-то подвиг, вот здесь стоит сакля Хочбара и т. д.

Рассказы о Хочбаре легендарны, отделить легенды от исторической правды — дело будущего, но во всяком случае уже сейчас надо признать реальность существования предводителя гидатлинской бедноты (возможно, современника Степана Разина) и целой эпохи исторической борьбы, которую он вёл против крупнейшего в горах феодала, который был тогда грозой всего Кавказа.

Борьба Хочбара связана с защитой труда пахара, с защитой полей гидатлинской общины, с отра-

жением феодальной экспансии — борьбой, которая своеобразно переплелась со старинными горскими традициями.

Главным образом с этой точки зрения я и сделал в этой книге выборки из своих гидатлинских дневников.

* * *

Гидатль расположен в долине между двумя горами. Посредине — речка Гичино, впадающая в Аварское Койсу. Гидатль — это не один аул, а целое семейство родственных поселений: Урада, Мачада, Гента, Хотода, Тлях. Во всех аулах одинаковые обычаи, все аулы издавна действовали как одно целое.

Насколько помнят гидатлинские старики, их предкам всегда приходилось защищать свои владения от притязаний хунзахского хана. Из поколения в поколение передавались рассказы о ханских набегах. Потому-то и выставляли всегда гидатлинцы свои сторожевые посты, чтобы следить за дорогой из Хунзаха. Борьба была неравной, но всё равно хунзахским феодалам только иногда и ненадолго удавалось заставить гидатлинцев подчиняться им.

Главным предметом вожделений хунзахских ханов были земли гидатлинцев.

О борьбе за землю есть много преданий.

Вот одно из них.

Однажды хунзахский хан задумал тайком до рассвета переправиться вброд через речку Гичино и отсюда напасть на гидатлинские поля и уничтожить посевы. Но у людей, борющихся за правое дело, всегда найдутся друзья. Гидатлинцы были в хороших отношениях с телетлинцами, а один из телетлинцев только что вернулся из Хунзаха, где был у своего кунака и узнал про замысел хана. Он поскорей вернулся домой и предупредил гидатлинцев. Гидатлинцы уничтожили переправу через свою речку и выставили на почь засаду. План хунзахского хана сорвался. Отряды враждующих сторон стояли по обеим берегам горной реки два дня. Ханских войск было вдвое больше, но они боялись,

что на помощь гидатлинцам придут другие аулы. Пока те собирались, гидатлинский предводитель (легенда на этот раз не называет имя Хочбара) велел женщинам и детям набрать золы, взобраться на окрестные горы и подбрасывать вверх золу со стороны тропинок, которые ведут к Гидатлю из соседних общин. Хан увидел, что над горами клубится пыль, подумал, что это подходят войска соседних аулов, и вернулся в Хунзах. Гидатлинские поля были спасены.

* * *

В традиционной песне о Хочбаре и в легендах о нём причудливо переплетены старинные патриархальные представления, обычаи и реалистические картины современной социальной борьбы. В одном из вариантов песен то, что идет от старины и связано с адатами, особенно выпирает на первый план. Хочбар в этом варианте песни мстит феодалу тем, что ночью тайком пробирается в дом нуцала и крадёт шальвары его любимой жены. Это самое большое оскорбление с точки зрения ревнителей адата. Во всех сборниках адатов прикосновение к чужой женщине, к её платью, особенно головному платку, — это смертельное оскорбление мужа, братьев и всех родственников женщины. А шальвары — это что-то поражающее воображение!

* * *

Дагестанские адаты придают очень большое значение старикам-аксакалам. Они хранители древних обычаев. Они судьи в любом споре.

Рассказы о роли стариков есть и у гидатлинцев. Давным-давно хучадинский хан Шамхал покорил как-то Гидатль и Хунзахское ханство, обложив всех данью, заставил народ работать на себя. Народ поднимался против ханских порядков, но освободиться не мог.

Хучадинский хан знал, что сила вольных обществ в стариках, и поэтому приказал во всех покорённых им аулах стариков предать смерти.

Но в ауле Мачада людям удалось спрятать одного самого умного старика. Ему шел восьмой десяток лет и звали его Шихмагомед.

Гидатлинцы выбрали своих вожakov и послали к Шихмагомеду. Посоветуй, мол, как избавиться от хучадинского хана.

«А что чаще всего делает хан?» — спросил старик.

«Чаще всего он выходит на балкон своего дома, что стоит на краю ущелья, и смотрит, не поднимаются ли против него гидатлины».

«Ну что ж, — сказал старый Шихмагомед, — найдите смельчаков, которые ночью сумели бы тайком влезть по скалам к дому хана, и пусть они подрежут кинжалами опоры его балкона».

Смельчаки нашлись, и хан, выйдя утром на балкон, свалился в пропасть.

Гидатлинцы решили тут же пойти на ханскую Хучаду, чтобы вернуть награбленное.

К ним присоединился хунзахский нуцал.

Хан всегда остаётся ханом, и, прислав к гидатлинцам своих послов для сговора о походе, нуцал велел спросить: «Что вы возьмете в Хучаде — казну или землю?»

Шихмагомед посоветовал землякам: «Берите казну, а землю хунзахский хан всё равно с собой не унесёт».

Узнав о таком выборе, хунзахский нуцал подумал, что казну он всегда успеет отнять у гидатлинцев, и согласился на делёж.

А когда пришло время сева, гидатлинцы вспахали поля, принадлежавшие хучадинскому хану, построили укрепления, и хунзахский нуцал не смог добраться до этих полей так же, как и до полей гидатлинцев.

3. Разные заметки к вопросу о старых обычаях и трудовых традициях

Все представления человека неотделимы от его жизни, от материальных условий, от хозяйства, которым живёт человек. Хозяйство у горцев было

животноводческое. Потому-то в старинных обрядах и обычаях всё связано у нас с мыслью о животных, прежде всего об овцах.

Овца дает пищу и одежду (поговорка говорит: «Овца выгоняет бедность вон»), овца и охраняет человека. Отсюда почти во всех дагестанских аулах пошли обычаи украшать строения черепами овец.

Череп на доме,— чтобы он охранял жилище!

Череп в поле, в саду, на деревьях,— чтобы враждебная сила не погубила урожай!

* * *

Водораздел, отражающий основные противоречия, раздиравшие старый дореволюционный аул, шёл в адатах по одному руслу: «моё» и «чужое». «Мое» или принадлежащее «моему тухуму», «моему аулу» (или «нашему аулу», что в данном случае — одно и то же) — с одной стороны, и «чужое», «не моё», «не наше», принадлежащее «чужому» аулу — с другой стороны.

Вот старинные андалалские адаты, отражающие эти индивидуалистические тухумные межаульские противоречия. Записаны адаты в своде, который надо отнести, видимо, к XVII веку.

«Если кто из наших продаст кому из чужих землю или дом, то с него взыскивать триста баранов, а проданное отнять в собственность нашего джамаата».

«Если кто из наших возьмёт лошадь или оружие, чтобы служить хану Кази-Кумуха, то, что он взял, станет нашим, каким бы путём это не было бы взято или приобретено».

«Если кто силой возьмёт у нашего человека барана или его стоимость, то люди нашего джамаата не будут признавать этого человека, не будут принимать его как гостя, не дадут ему ни жилья, ни питания, а с того, кто даст это питание или даст в долг, будет взыскан бык».

* * *

В обычаях, связанных с откочёвкой наших горских овцеводов, явственно видны были в прошлом черты коллективного труда, являвшегося отголоском старинных трудовых установлений кровнородственной общины.

В старину у каждого рода на скоте было своё тавро. Таврёный скот при откочёвке на летние горные эйлаги пасли сообща (отзвук родовых установлений в организации труда в тухуме), но вечером в загоне, тоже общем для всех, каждая хозяйка доила только своих коз — тут царил полный индивидуализм.

Отголоском родовых порядков в организации труда были широко распространенные в горах обычаи супряги (у лезгин — «мэл», у даргинцев — «билка» и т. д.). Если член тухума имел большой посев и не мог убрать урожай самостоятельно, на помощь приходил тухум, — хозяину надо было лишь приготовить угощение.

В первые годы Советской власти этим обычаем широко пользовались кулаки. Они повернули старые обычаи на службу целям классовой эксплуатации. Батраки подбирались из разорившихся, не выбивавшихся из нужды дальних родичей по тухуму, а в страду на богача работал фактически весь тухум.

* * *

В ауле Дуреги Кайтагского района после уборки урожая снопы обычно свозили для молотбы к общему аульскому току. Здесь часты были стычки тухумов. Однажды у Халимбека (принадлежавшего к одному тухуму) копны оказались рядом с копнами Аширбека (принадлежавшего к другому тухуму). Пошёл дождь. Вода подтекла под копны Аширбека, а копны Халимбека остались сухими. В превратностях стихии враждующие роды усмотрели людские происки. Разгорелся спор. Дело дошло до драки и применения оружия. Примирение потребовало вмешательства адата.

С трудом, со старыми обычаями в дагестанских аулах переплетался и такой пережиток прошлого, как чухта. Чухта — это головной убор горянок. Сейчас чухту увидишь разве в музее, а в прошлом, ещё не так давно, аулы как бы соревновались между собой — у кого чухта вышла подиковинней. У гидатлинок и кахибок чухта была с висячими бляхами и множеством амулетов. У согратлинок чухту делали на вате, с характерными длинными висячими концами. В некоторых акушинских аулах женские головные уборы украшались монетами и бляхами и обычно закрывали левую половину лица. Это была своего рода половина обычной восточной чадры, закрывавшей всё лицо и распространённой в Средней Азии. В других даргинских аулах женщины носили чухту под платком, и из-под платка на серебряной цепи свисали монеты. Такие же монеты и другие украшения сверкали и на груди у женщин.

Обычай ношения чухты иногда принимал и совсем непонятные формы. В некоторых келебских аулах в старину существовал обычай: девушек перед выдачей замуж брить, бритую голову покрывать специальным чепцом, а поверх надевать чухту.

В Южном Дагестане среди азербайджанского населения была известна и чадра. Даже на первую в Дагестане шерстопрядильную фабрику женщины-азербайджанки в Дербенте ходили в чадрах. Рассказывают, как одна из женщин однажды потеряла на работе свою чадру. Это было целое событие. Женщина расплакалась и никак не хотела идти домой без чадры. Подруги дождались ночи и провели потерпевшую к родителям тёмными закоулками.

Куда же делись теперь все эти старинные головные уборы?

Они исчезли. Без них и работать удобнее, и ходить легче!

Когда побываешь в аулах, даже в самых глухих местах, приходишь к выводу, что если бы женщина колхозного села вышла сейчас на улицу в таком наряде, в каком шеголяли горянки ещё накануне Великой Отечественной войны, её бы высмеяли.

Это не значит, что в горах вообще отказались от чухты. Нет, её упростили, приспособили к новому времени и от старого оставили только то, что не мешает труду и практически удобно.

Во всём теперь властвуют новые принципы: хорошо то, что легко, прочно, красиво и удобно для женщины.

4. Старые обычаи и воспитание трудом

(Наброски к статье)

Человек коммунистического общества отличается высокими моральными качествами. Среди множества качеств коммунистической нравственности, которыми отличается наш современник, особо следует выделить любовь к труду. Настоящие труженики говорят: мало любить труд, надо ещё уметь честно относиться к нему.

До революции горский крестьянин на своём клочке земли тоже старался делать то, что вообще в состоянии был делать человек труда. Не трудясь, невозможно было и жить.

Огромную роль в материальном благополучии семьи играл труд горянок, которые всегда отличались большим трудолюбием.

Известно, что в старом Куруше горянки владели даже мужскими профессиями. Они в одиночку решались ездить верхом по труднопроходимым горным дорогам в Кубу, в Дербент, чтобы привезти оттуда зерно и необходимые для дома продукты. Для своих поездок горянки иногда переодевались в мужские одежды.

Старое время безвозвратно ушло в прошлое, труд курушской женщины значительно облегчился, но она по-прежнему трудолюбива и владеет уже многими видами современных, самых сложных специальностей.

Славятся своими трудовыми традициями жители аула Гимры. Они и сейчас бережно хранят и умножают славные трудовые традиции, — недаром в Ун-

цукуле в шутку говорят, что один гимринец равен пятнадцати унцукульцам и не одной сотне ирганайцев. А соседи говорят о гимринцах: «Дайте гимринцу расправить плечи, так он и гору пророет».

Замечательные многовековые трудовые традиции накопили ковроткачи Южного Дагестана. Труд ковроткачей вообще так высоко издавна ценился на Востоке и на Западе, что в Персии стриженные ковры были только во дворце и ходить по ним мог только шах-ин-шах. Известно, что римский император Нерон купил один из стриженных ковров искусных горянок-ковроткачей за четыре миллиона сестерций.

Когда бываешь в Кубачах, Гочатле, Унцукуле, Балхаре и наблюдаешь за работой ковровщиц, серебряков, дереворезчиков и гончаров, тебя всегда поражает фантазия наших замечательных мастеров и мастериц.

В старинных народных ремесленных центрах никто не сидит сложа руки. Все трудятся.

Любовь к труду — это замечательная народная традиция. Это самое драгоценное из навыков и обычаев старины.

Хорошим примером трудового воспитания является кубачинская семья.

У кубачинцев существует своего рода разделение труда по специальностям их ремесла. Одни специализируются на украшении оружия, другие на изготовлении бытовых предметов, третьи — на женских украшениях и т. д. Были и мастера такой узкой специализации, как насека серебром и золотом на стальных деталях для мужского пояса. При такой специализации каждый достигал исключительного совершенства в своей области, и редко кто мог соперничать с таким мастером.

Специализация помогла и трудовому воспитанию детей. Кубачинцы в воспитании детей не допускали никакой разбросанности. Если родители мастера, то и дети обязательно должны овладеть профессией отца. Это было неизменным правилом кубачинцев, и их дети поэтому с самого раннего возраста приучались к производительному труду.

Начиналось обучение с того, что кубачинец сажал своего пяти-шестилетнего сына напротив себя,

чтобы он мог видеть, как люди работают, чтоб подавал отцу инструменты, видел, как из куска металла получаются изумительной красоты вещи. Так в ребенке пробуждался интерес к труду и увлеченность красивым.

Как известно, серебряная, медная, железная пластинка, на которой мастер намечает сделать узор, закрепляется на просмоленной дощечке. Наложить смолу на дощечку отец поручает сыну. Чтобы придать металлу нужный оттенок, металлическая пластинка после гравировки нагревается на огне. Очистить пластинку после огня, отшлифовать её до блеска и сделать таким образом красивой отец тоже поручает сыну. Так сын учится работать. То, что сыну оказывается не под силу, отец доделывает тут же в присутствии ребенка.

Систематическое и целеустремленное воздействие родителя-мастера воспитывает ребёнка, приносит отличные плоды.

Когда сын подрастал и видно было, что ему не чужда смекалка, отец поручал ему более сложные трудовые операции, давал резец, показывал, как его держать, как бить по резцу молоточком, как гравировать на детали сначала простейший орнамент, а затем всё более сложный. Так шли упражнения за упражнением, и все упражнения были связаны с повседневной работой мастера, всё помогало работать не впустую, а высокопроизводительно, в условиях коллективного создания огромных художественных ценностей.

В воспитании трудом у кубачинцев не были обойдены и девочки. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что не было среди них ни одной, которая, повзрослев, не стала бы мастерицей своего дела. Девочки учились ткать шерстяные ткани для черкесок, вязали шерстяные разноцветные чулки, производили на шарфе и платках вышивки серебряными и золотыми нитями.

Ещё до школы ребёнок кубачинца приучался по-настоящему любить труд. В этом заслуга родителей. Они прививали ребенку те навыки, которые в свое время и им помогли войти в жизнь, стать мастерами.

В кубачинской школе продолжается то производ-

ственное обучение, которое начинается в семье. Осуществляется оно с пятого класса. В школе юноши получают необходимые практические знания, пополняют то, чем они овладели дома. По окончании школы многие из кубачинских юношей остаются работать на фабрике ювелирных изделий, как это сделал в своё время прославленный мастер своего дела Расул Алиханов, ныне заслуженный художник РСФСР.

Поучителен опыт трудового воспитания и в ауле Балхары. В Балхаре изготовлением гончарных изделий заняты только женщины. Это их профессия. Мужчины не прикасаются к гончарному кругу, и в их обязанность входит только доставка глины и реализация гончарных изделий.

Профессия гончаров в Балхаре тоже передавалась по традиции из поколения в поколение. Мать учила свою дочь гончарному ремеслу с детства, примерно с восьми-девяти лет. Начиналось обучение с простейших заданий. Девочка присматривалась к работе матери, подавала небольшими кусками приготовленную глину, училась замачивать глину. Месить глину — это и весьма трудоёмкая, и ответственная работа. Её выполняли взрослые женщины, но и дети учились месить глину, но брали её небольшими порциями. За гончарный круг матери сажали дочерей тоже не сразу. Для подростков существовал специальный маленький гончарный круг, и на этом круге мать показывала, как лепить небольшие миски, пиалы, свистульки, игрушки, как наносить на них узоры. Овладев первичными навыками, девочки переходили на более сложную работу, на изготовление глубоких сосудов.

Важно подчеркнуть, что в трудовом воспитании девочек балхарки ценят не вообще приобретение умения что-то делать, а то, что женщина с детства знает труд, что труд — это закон жизни и что без труда невозможно прожить.

В последние годы число учениц в Балхаре стало, к сожалению, заметно уменьшаться. Это, видимо, объясняется тем, что изготовление гончарной посуды в колхозе стало второстепенным ремеслом. Между тем балхарской посудой пользуется всё население

Дагестана, ремесло балхарцев — древнее горское искусство, и оно должно не свертываться, а наоборот, шириться. Надо только обогатить старинные традиции, обогатить балхарок техникой и материалами их производства.

Особо надо сказать о табасаранцах. Их женщины издавна славятся изготовлением хороших ковров. В Табасаране есть оригинальные орнаменты вроде «Сафар-чечне», «Мурад-чечне», «Вартар-чечне», «Сабят-чечне» и другие. На создание этих орнаментов оказала своё влияние природа, богатые табасаранские луга и цветы. Наблюдательные табасаранские женщины по-своему переносили краски природы на красочное поле ковров. Материал для окраски ковровой пряжи они тоже черпали в природе, и, в частности, выращивали марену, использовали скорлупу грецких орехов.

Ковроткачество в Табасаране — явление древнее. Умение ткать ковры здесь передавалось из поколения в поколение. Шестилетняя девочка уже садилась со своей матерью за ковроткацкий станок и делала у станка свои первые шаги к трудовой самостоятельной жизни.

Ковроткачество стало как бы обычаем. В селениях Чере и Мешгюль умение ткать ковер считается в прямом смысле слов обязанностью каждой женщины. Существовал даже обычай — при сватании невесты смотреть прежде всего, хорошо ли и быстро ли она ткёт ковер.

Сейчас ковровое производство в Табасаране перенесено на промышленную основу, созданы ковровые цеха, но домашнее обучение девушек этой профессии всё ещё остается традицией каждой табасаранской семьи.

Традиции трудового воспитания распространены в аулах во всём Дагестане. По традиции заведено так, что когда родители уходят в поле, дети отправляются вместе с ними и в зависимости от возраста принимают посильное участие в работе. Одни приносят родниковую воду, другие присматривают за малолетними детьми, а третьи и непосредственно участвуют в полевых работах. Возвращаться домой с пустыми руками в горах не принято. Подражая

старшим, дети обязательно прихватят охапку хвоста, мешок травы и т. д.

Воспитание у детей любви и уважения к сельскохозяйственному труду закрепляется и в школе. Почти во всех школах Дагестана имеются ученические производственные бригады. Сельская молодежь во многих аулах является основной опорой наших колхозов. Большинство юношей и девушек, окончивших школу, идут работать на поля и фермы родного колхоза и проявляют патриотическую инициативу в развитии колхозного производства.

Давно пора внимательно изучить опыт трудового воспитания в дагестанской семье, сделать этот опыт достоянием педагогики и поставить его на службу коммунизму.

III. Семья и быт

I. О патриархальном аде и о самом страдающем существе в этом аду

(Древние адаты, обряды, факты и документы, свидетельствующие о тяжелом в прошлом положении горянки в семье)

Необычайно разнообразны и причудливы в Дагестане обычаи и обряды, связанные с зарождением новой семьи. Что ни аул, то свои установления в этих обрядах. А ведь по сути дела все они — одно и то же. Помнится, ещё Лафарг писал: внутреннее существо одно, только эпизоды, оформление различное.

Чтоб быть более точным, вот цитата:

«Свадебные обряды это различные сцены одной пьесы, в которой чередуются пение, танцы, увеселения и жалобы, пиршество и насилие, пьесы, сочинённой и представленной народами всей земли. Тема всюду одинаковая, только эпизоды различны. Пьеса кончалась вступлением новобрачной в дом супруга, вступлением в патриархальный ад» (П. Лафарг. Очерки по истории культуры).

При анализе семейных отношений, существовавших в дореволюционном Дагестане, невольно особое

внимание обращаешь на заключительную фразу в этой лафарговской характеристике.

Редко где положение женщины в семье было таким тяжелым, как в горах Дагестана. Здесь вся жизнь была скована невыносимыми феодальными и патриархально-родовыми путами. Недаром одна из горских пословиц, сложенных горянками, гласит: «Дом мужа — раскалённая жаровня!»

* * *

«О самоубийствах в Дагестанской области.— За три года (1868—1870) — 52 человека самоубийц и два покушения. Из них женщин — 26. Повесились — 18 женщин, бросились в реку — 6, отравились — 1, застрелилась — 1. Причины — бытового порядка» (Из дореволюционных губернаторских отчётов).

Из старых отчётов я выбрал только один период — то, что было ровно сто лет назад. Каждый год за прошедшее столетие цифры не только не уменьшались, но росли. И всё больше и больше в числе самоубийц было горянок. А. Ф. Назаревич рассказывал мне, что в результате того, что факты самоубийства горянок были повседневным явлением, в дагестанском фольклоре есть даже специальный жанр скорбных песен, посвященных этим самоубийствам. Как правило, каждая песня рассказывала о каком-либо одном конкретном случае. Единичное было типичным, и художественного обобщения массового явления в каком-либо вымышленном индивидуальном образе не требовалось.

Вот одна из таких горьких историй-песен.

В ауле Гамсутль, в Аварии, была девушка, о которой по всем окрестным селениям шла самая добрая слава, — такая она была красивая, скромная, чистая душой и отзывчивая к людям. Быстро приходит время, когда девочку, не ставшую еще девушкой, в горах считают необходимым выдать замуж. Девушка мечтала о чистой взаимной любви — такой, о какой она слыхала по душевным народным песням и по ходившим в горах сказаниям о Лейле и Меджнуне, — но родители девушки были глухи к её чистым помыслам и признавали только древний,

безжалостный адат. Обычай говорит, что девушку следует выдать замуж пораньше, и хорошо, если она не уйдёт за пределы своего рода.

Так был подобран и жених девушке. Он был старый, хмурый, недовольный всем миром и злой сердцем. Но он доводился двоюродным братом девушке, и родители ни о ком другом и слышать не хотели.

Девушка пожаловалась матери, спросила, не рано ли ей думать о муже, но отец избил дочь и напомнил, что за непослушание родителям адат грозит девушке смертью.

С мыслью о смерти девушка тайком ушла из родного аула на хутор Гунтиб. Там она пошла к скале и, закрыв по обычаю голову платком, бросилась в бурные воды Койсу.

По этому поводу и сложена горянками песня-плач. Она многие годы была в среде горянок одной из самых распространенных. Скорбные песни — самые любимые песни наших женщин.

* * *

«Жёны не вмешивались в дела мужей. Жёны не спрашивали, что делал муж, что брал он, что давал. Порядочные жёны делали всё, что скажут мужья, не разбираясь, правильно ли это или нет. Они не ели при мужьях и даже воды не пили на их глазах. С отцами мужей они не говорили до самой смерти. Когда мужья уходили куда-нибудь, то жёны не спали до их возвращения.

Что же касается дочерей, то отцы никогда их не видели. Их растили и воспитывали матери. Когда Юсуф-Кади впервые увидел свою взрослую дочь, он спросил: «А чья эта девушка?»

(Из кумыкских адатов. «Дагестанский сборник»).

* * *

«Одинаково рады и тот, кто купил кусочек земли, и тот, у кого умерла дочь».

(Старинная поговорка, записанная в Гидатле).

* * *

При рождении дочери табасаранцы в старину говорили: «Родился камень для чужой стены».

* * *

Из старинных обычаев аула Хинта (в Гидатле): «Если мужчина вступился за женщину и из-за неё допустил драку, с него джамаат взыскивал штраф — два куса холста».

* * *

Тяжёлый, не дававший ни минуты отдыха труд лишал до революции горскую женщину даже самого главного, священного её права — права матери растить и воспитывать своего ребенка.

Дети в горах росли сами, без присмотра и заботы, как растёт придорожная трава. В относящейся ко второй половине прошлого века хронике известного шамилевского мемуариста Абдурахмана я вычитал такое свидетельство о материнском воспитании:

«Когда весной мать уходила в поле, ей тоже не было времени заниматься детьми. Она привязывала к колыбели коровий рог, а на него насаживала сырую соску овцы. Рог она наполняла коровьим или овечьим молоком и оставляла ребёнка с запасом этой пищи на целый день. Хорошо ещё, если возле ребёнка оставались престарелый дедушка или бабушка; старики, которые могли ходить без посторонней помощи, тоже отправлялись в поле».

Воспоминания Абдурахмана относятся к прошлому веку. Но ещё на моей памяти моя бабушка уверяла, что во время полевых работ самая лучшая пища для ребёнка в колыбели — кусок курдюка, посыпанный толочком.

* * *

Вплоть до недавних лет в горах Дагестана широко распространены были представления о том, что нечаянное прикосновение мужчины к лицу, руке или даже к платью женщины означает для неё бесчестие. В прошлом муж или жених такой женщины должен был обязательно покинуть её. Для родителей это было ещё большим позором.

Обычаем, связанным с прикосновением к женщине, пользовались злопыхатели, ненавидевшие новое, и те, кто хотел отомстить за что-нибудь девушке или её родителям. Чаще всего так поступали с девушкой, отказавшейся выйти замуж по принуждению.

Очень многие стычки, происходившие на этой почве, заканчивались кровопролитием. Архивные дела женотделов двадцатых и тридцатых годов полны свидетельств о таких стычках.

Отголоски предрассудков, связанных с нечаянным или умышленным прикосновением к женщине, сохраняются кое-где и поныне. Не пора ли усилить в печати и в беседах слюдьми разъяснительную работу в этом направлении?

* * *

В горах Дагестана и сейчас есть такие факты, когда в некоторых семьях жена в присутствии постороннего человека не осмеливается сесть за общий стол.

В прошлом жена не имела права сесть рядом с мужчинами, даже если дома никого не было. С этим пережитком патриархальной старины в наши дни покончено уже навсегда. Нет, наверное, ни одного дагестанского аула, в котором жена и муж садились бы за стол порознь.

Значительно сложнее обстоит дело со второй частью этого обычая — запретом жене сидеть со всеми в присутствии гостя. В каждом ауле есть ещё семьи, где в присутствии постороннего женщина ни за что не сядет за стол, хотя она сейчас уже присутствует в комнате, а не скрывается, как прежде. Один учитель в беседе со мною на эту тему заявил, что он около года работает в Унцукуле и ни разу не видел,

чтобы женщина при постороннем села за общий стол. И это в Унцукуле, который считается одним из культурных наших центров! Мне это показалось тем более странным потому, что в общественных местах этого обычая уже не придерживаются. Я сам видел, как в том же Унцукуле в колхозном клубе хорошо одетые унцукулки сидели вперемежку с мужчинами. Все к этому привыкли и не чувствовалось, чтобы это кого-нибудь стесняло.

Почему же в клубе одно, а дома другое?

2. Старое и новое в свадебных обрядах и в семье

Старое:

В даргинских сёлах Киша, Танти, Геба и в лакском ауле Турчи девушку не выдавали замуж за того, у кого собаки не изгрызли три палки. К установлению такого обычая толкала нужда. В горах не было ни земли, ни возможности заработков. Прежде, чем обзавестись семьей, горец, нищенствуя, бродил из аула в аул. Только так можно было скопить кое-какие гроши к самостоятельной жизни. Только юноша, прошедший суровую жизненную школу, признавался полноценным женихом.

В селении Бурдуки девушку не выдавали замуж за парня, не умеющего угонять ханский скот. Это тоже было подсказано нищетой.

(Из этнографических записей).

* * *

«Пир на старой горской свадьбе был нищий. Мой внук иногда один съедает за день столько конфет и печения, сколько до революции и за год не видали жители целого аула».

(Записано у Молла-Гусейна Гусейнова. 88 лет. Хунзах).

* * *

«Самый ранний возраст, в котором вступают курушцы в брак, есть семилетний. Несмотря на то,

что в этом возрасте курушские дети выглядят ещё совершенными младенцами, новобрачные начинают совместную жизнь со дня заключения брака, и с того дня жена переселяется в дом своего мужа».

(А. В. Пастухов. Поездка по высочайшим селениям Кавказа. 1894 г.).

* * *

Свадебный обряд в горах был наполнен в прошлом религиозными предрассудками, дикими суевериями и нелепыми приметами. Видимо, как наследие ещё родового строя очень важную роль играл в обряде огонь. В аварских районах старухи рассказывают, что их бабки получали в наследство от матерей тлеющие головешки или тлеющий кизяк. Этот огонь поддерживался всю жизнь, и часть его женщина обязана была передать в наследство и своим дочерям.

Огонь почти везде был обязательным спутником и в свадебной процессии. У цахуров впереди людей, отправляющихся на сговор о свадьбе, бежал мальчик с горящим факелом. В хивских аулах невесту вели в дом жениха с горящей лампой впереди, и лампу не тушили до конца свадьбы. В ауле Урари-Капути возле дома жениха разводили большой костёр. Когда приводили невесту, собравшиеся требовали у неё у костра пирог, а потом танцевали вокруг костра. У лезгин существовала примета: если по дороге в дом жениха у подружки невесты потухнет лампа, значит невесте предстоит несчастная жизнь.

(Из собранного в разных частях Дагестана).

* * *

По старинным горским адатам девушка и думать не могла о том, чтобы выйти замуж по любви. Родители засватывали её с детства, и жениха она не видала вплоть до замужества.

В некоторых далёких горных аулах сохранились предания о существовавших когда-то свадебных обычаях совершенно другого рода. Из этих обрядов видно, что девушка тогда сама выбирала себе буду-

щего мужа. В преданиях о таких обрядах сохранились, видимо, какие-то отзвуки матриархата.

Вот некоторые из легенд о древних обычаях сватовства.

Старухи рассказывают, что в Ахвахе давным-давно было принято, чтобы к девушке, которой пора выходить замуж, в определённый день заходили в дом все юноши, желающие жениться. Отец и братья девушки на это время уходили из дома, и с девушкой принимала женихов мать. Женихи, посидев немного и переговорив с матерью девушки, уходили, оставив в доме свои папахы. Девушка осматривала папахы и выбрасывала их одну за другой на улицу. Чью папаху девушка не выбрасывала, тот и считался женихом.

В статье Бутаева об обычаях лаков, напечатанной в дореволюционном «Сборнике сведений о местностях и племенах Кавказа», также упоминается о таком древнем свадебном обычае. Юноши собирались в определённый день все вместе в одном доме. Девушка тайком подходила к окошку и выкрикивала имя юноши, который ей нравится, и своё имя. Кого назвали, тот обязательно должен был жениться. По преданию, одна гордая девушка долго не хотела следовать этому обычаю, но в конце концов вынуждена была исполнить его. Она назвала имя юноши, но тут же крикнула: «Да будет проклят этот обычай!» Говорят, что после такого проклятья обычай пришлось отменить.

Ещё одно преданье. Говорят, что в ауле Кудияр-ресо у девушки, которая по каким-либо причинам засиделась без жениха, староста аула спрашивал, за кого она хочет выйти замуж. Она называла имя, и названный обязан был жениться на ней, даже если девушка ему не нравилась. В таком случае он мог развестись, но не раньше, чем пройдет половина луны.

* * *

Нарушить брачный договор женщина в горах не имела права. Адат строго-настрого запрещал это, потому что право дать развод принадлежало

только мужчине. Для развода мужу нужно было только три раза сказать жене: «Талак! Талак! Талак!»

Если муж сказал жене «Талак», а затем захотел, чтобы она снова стала его женой, он не имел права на это, пока его бывшая жена хотя бы один день не была женой другого человека и затем была разведена с ним. Только после этого муж мог вернуть свою бывшую «оталаченную» им жену.

(Из установлений шариата).

Даже в наше время старики настаивают, чтобы молодые соблюдали этот закон. Я знаю случаи, когда молодая женщина вынуждена была пойти на этот второй предусмотренный шариатом временный брак только потому, что муж при родителях всерьёз сказал ей «Талак», а потом раскаялся. Правда, второй, временный, брак в данном случае был фиктивным: друг мужа этой женщины принял её в свой дом, она провела ночь у его матери, а утром ей сказали «Талак!»

Новое:

В ауле Кубачи, всемирно известном центре искусных ювелиров, идёт свадьба гравировщика ювелирной фабрики Али Алиева и работницы этой же фабрики Патимат Атаевой.

В день свадьбы девушка и жених с традиционными дружками и подругами пришли в сельсовет и зарегистрировались. После этого молодые пошли каждый к себе домой, а затем на работу.

Вечером отмечали свадьбу — сперва в доме жениха, а затем в доме невесты. Веселье продолжалось до поздней ночи. На следующий день снова начался пир в доме жениха, и на нём один за другим побывали все жители села. К вечеру гости жениха отправились к невесте и привели её в дом жениха.

Свадебное шествие было весёлым и ярким зрелищем. Женщины и дети в нарядных платьях, весёлые, поющие, несли блюда с пловом, сладостями, фруктами. На ходу танцевали. Люди встреча-

ли шествие, столпившись на плоских крышах домов и балконов.

В этом шествии были элементы старого свадебного обряда, но в маленьком масштабе оно чем-то напоминало наши традиционные всенародные встречи героев-космонавтов.

(Из кубачинского дневника).

За последние годы в колхозных сёлах новым явлением стали так называемые комсомольские свадьбы. Называют новый обряд молодёжной или колхозной свадьбой. В качестве организаторов такой свадьбы выступают комсомольские организации, правление колхоза, иногда школа.

Такую свадьбу я наблюдал в селениях Цулакани, Гергебиль, Уллучара. В назначенный день жених и невеста в сопровождении празднично разодетых близких родственников и друзей направляются в клуб. Клуб украшен, полы застланы коврами. В торжественной обстановке проходит церемония регистрации брака. Все делается так, чтобы день бракосочетания был одним из самых радостных и запоминающихся дней в жизни юноши и девушки. Напутственное слово произносит секретарь комсомольской организации или председатель колхоза. Затем начинаются поздравления с вручением молодым коллективных подарков от школы, от правления колхоза, от комсомольской организации, от друзей. Под звуки оркестра все идут в дом жениха, и там до ночи продолжается веселье, песни и танцы.

Забота о молодых людях, начинающих семейную жизнь, продолжается и после свадьбы.

С самого рождения советский человек связан сейчас с богатой и содержательной жизнью коллектива. То, что навеяно новым, проникает и в семью, в семейные обычаи. Новое мы как-то не замечаем, но когда сравниваешь нынешние порядки

в семье с тем, что было раньше, изменения в жизни становятся прямо-таки разительными. В пример можно привести традиционные семейные праздники. Не помню, чтобы в ауле Гапшима, где я родился, увлекались семейными праздниками. Помню лишь два случая, когда их отмечали. Это когда появлялся в семье новый человек и когда женили сына. В первом случае устраивалась пальба из ружей и пистолетов, во втором — затевался пир.

Во всё, что происходило в семье, вмешивалось мусульманское духовенство. Семейные, бытовые обряды облекались в религиозную форму.

За годы Советской власти даже в укоренявшихся веками традициях многое изменилось. Возникли новые формы быта, появились новые обычаи и традиции, до того не известные в горской семье.

Прежде всего в горах покончено с замкнутостью семейной жизни, характерной для дореволюционной семьи. В новой семье шире стал мир чувств и глубже понимается смысл жизни. И на наших глазах зарождаются черты новых обычаев, призванных ознаменовывать те или иные события семейной жизни. Многие из новых традиций близки всем народам Советского Союза.

* * *

Радостным и торжественным событием стало в каждой дагестанской семье рождение ребенка, безразлично мальчика или девочки. В аулах все колхозники горячо откликаются на это событие. В дом, где появился новый гражданин Советского Союза, несут подарки, появились невиданные раньше поздравительные телеграммы и открытки. Собираются гости. Часто приезжают друзья из соседних аулов. Не оскудевает иногда целую неделю праздничный стол.

Сердечное отношение сельчан к радостному событию проявляется и в мелочах. При встрече с молодым счастливым отцом или матерью колхозники говорят: «Пусть ваш ребенок будет здоровым и принесет вам радость!» У кумыков есть и такое пожелание: «Пусть будет новорожденный стар-

шим братом пяти-шести своих младших братьев». То же говорят о девочке. В ауле Гимры особенно ценят сейчас девочек. Наперекор обычаям старины девочке в семье сейчас рады даже больше, чем мальчику.

В дореволюционные времена появление нового ребенка в семье всегда вызывало большие заботы. Боялись бедности, боялись лишений, боялись дурного глаза. Не случайно в сюргинских аулах Акушинского района в семью, в которой родился сын, приходили с магическим иносказательным пожеланием. Обычно говорили: «Пусть сын станет вором». Или: «Пусть будет волком». О воре упоминали, наверное, для того, чтобы обмануть нечистую силу («стоит ли заниматься этим их сыном, если он всё равно будет вором?»), а пожелание стать волком было вызвано самой жизнью — места наши суровые и, если не закалишься, не ожесточишься как волк, не выживешь!

Эта философия классового общества полностью искоренена в нашем семейном быту. Современная семья колхозника не знает тех трудностей и противоречий, которые раздирали семью горца в прежние времена. Она свободна от внутренних конфликтов и от бывшего неразрешимого бремени содержания и воспитания детей. Условия жизни, запросы и склонности новой семьи являются отражением всей нашей советской действительности.

* * *

Радостным событием стал в семье первый школьный день. В этот день во всех аулах родители делают ребёнку подарки, покупают школьные принадлежности, обзаводятся школьной формой. Во многих сельских школах первоклассник идет на первый свой урок с букетом цветов.

Торжественным и общеколхозным событием стал и день окончания школы.

3. О традициях дагестанского гостеприимства

Среди старых традиций дагестанских горцев, пожалуй, больше других издавна поражал всякого

впервые появлявшегося в горах человека обычай гостеприимства. Дагестанская пословица говорит: «Да не придёт такой день, чтобы в дом не пришёл гость!»

Обычаи дагестанского гостеприимства представляют интерес не только для истории быта народа. В них есть много положительного и в смысле нравственного воспитания людей.

В советское время содержание и характер старых обычаев гостеприимства изменились. Появились в них и элементы нового, не известного до революции. Мне кажется, что главным в этом новом являются черты дружбы народов, пронизавшие древний обычай.

Как-то мне пришлось побывать на родине народного поэта Дагестана Тагира Хурюгского. В доме одного из учителей собрались люди, приехавшие с разных концов Дагестана. Приняла нас пожилая, но очень энергичная горянка. Несмотря на всю её энергию, мы ей, конечно, доставили немало хлопот. Уходя из дома и поблагодарив хозяйку за гостеприимство, я сказал, чтобы она не сотовала на нас за неожиданное посещение её дома. Она воскликнула: «Вы же все пришли к нам как братья, а это большая радость».

Не так давно между городом Избергом и селением Мекеги введено автобусное сообщение. Автобус делал два рейса в сутки. Расписание было построено так, что одному шоферу поневоле приходилось ночевать в ауле. Гостиницы там нет, тогда колхозники договорились выделить для гостя маленькую комнату в школе и удобно её оборудовать. Мало этого, колхозники заметили, что шоферам скучно сидеть вечером в одиночку, и они один за другим стали приглашать приезжих в гости. Шоферы сменялись. Это были люди самых разных национальностей.

Любопытно отметить, что у багулалцев еще в старину тот гость, который заходил в дом и говорил «давайте будем братьями», считался самым почётным. Исторически эти тенденции межплеменного братства складывались, видимо, в процессе странствий горских мастеров-ремесленников. Толч-

ком была и торговля. Гергебильцы, унцукульцы, цудахарцы, хаджалмахинцы, гимринцы, балахнинцы, когда попевали фрукты, разъезжались с перемётными корзинами на ослах в самые отдалённые аулы Дагестана. Всегдашними путниками были и гончары-балхарцы со своей посудой.

Обычай был такой: если человек приехал для мира и обмена тем, что нужно было людям, его кто-нибудь обязательно приглашал к себе в гости. Случайный кунак часто становился другом на многие годы.

Черты межнациональной дружбы в старом обычае гостеприимства в наши дни сказываются с особой силой. Во время одной из поездок в Кайтаг мне довелось быть гостем одной русской учительницы. Я боялся стеснить её, но она сказала, что здесь народ гостеприимный, она не раз испытала это на себе и рада отплатить за доброту и сердечность усвоенным и ею обычаем гостеприимства.

Старый обычай благотворно отразился в Кайтаге и на отношении к приезжим специалистам: им здесь стремятся создать самые благоприятные бытовые условия.

Есть аулы, где традиции гостеприимства особенно сильны. В Лакском районе в этом отношении выделяются аулы Лахил и Кара. У гостя складывается впечатление, что люди месяц готовились к его приёму.

От старого в обычае гостеприимства сохранились и некоторые родовые черты. Вот пример: в ауле Гонода в Гунибском районе гость одного из братьев обязательно считается и гостем других братьев. Его так и водят из дома в дом.

Что ж, если бы всё, доставшееся нам от патриархальной старины, служило только укреплению дружбы, лучшего не надо было бы и желать!

* * *

Интереснейшая запись в одном из моих путевых дневников по Табасарану. Здесь в Верхнем Табасаране колхозники, отправляясь на работу

в поле, берут с собою запасы продуктов на целый день и обязательно запасаются кислым молоком. Оно утоляет жажду. Во время обеденного перерыва они устраивают привал у родника или у края дороги, и каждый, кто бы в это время ни проходил мимо, приглашается разделить трапезу. Сколько бы ни собралось людей, всё делят поровну. Трудней бывает делить молоко. Чтобы всем хватило, в него добавляют воду. Говорят, что подливать в кислое молоко воду можно только до тех пор, пока молоко не станет цвета синего неба. Это предел.

* * *

С обычаем гостеприимства тесно связан древний обычай приветствовать друг друга при встрече. Обычай этот известен всем народам земного шара. Везде он, на первый взгляд, одинаков. И везде в этом обычае отражена самая древняя и самая заветная мечта о мире и о дружбе. Недаром у нас говорят так: «Асаламу алейкум» — это значит: «Мир вам!» Люди отвечают: «Ваалейкум салам». Это означает: «И вам мир!»

У народов Дагестана, наряду с известным на всём Востоке «Асаламу алейкум», издавна существовали и местного происхождения приветствия на родных языках. Даргинские колхозники встречают друг друга обращением «ВалхIунри!», аварцы говорят «ВорчIами!», лакцы — «Изров!», лезгины — «Сабах хеир!», каратинцы — «Къарабуз!», андийцы — «ВучIчиде!», рутульцы — «Мид вахт хайир!», кумыки — «Хошгельды!» Все эти приветствия по смыслу можно перевести примерно так: «Доброе утро!», «Добрый день!», «Здравствуйте!» и так далее.

Заслуживает внимания почтительное обращение друг к другу, принятое в лакских колхозных селах. При встрече мужчины издавна принято говорить: «Здравствуй, брат отца», а при встрече женщины — «Здравствуй, сестра матери».

У луткунцев мужчины одинакового возраста или чуть старше тоже обращаются друг к другу

не иначе, как называя друг друга братом. Делается это так: к имени, например Рафи, прибавляется лезгинское слово «стха» и получается в переводе «брат Рафи». Считается неуважительным окликнуть человека просто по имени. В обращении к женщинам к имени прибавляется слово «вах» — сестра.

В наше советское время в фонд традиционных горских приветствий прочно вошло и русское «Здравствуй!» В горах с исключительным доброжелательством отнеслись к новому приветствию. Оно в духе самых заветных народных традиций. Там, где есть пожелание мира, дружбы и братства, там созвучно и пожелание здоровья.

Примечательно, что в горных колхозах русская форма приветствия переплелась с горскими национальными традициями. Как неприличным считается сказать «Рафи» и не прибавить тут же «брат», так неудобно обратиться с одним только словом приветия и к русскому человеку, которого уважаешь. Поэтому в горах старый колхозник, встретившись с учительницей, не скажет ей просто «здравствуйте», а обязательно добавит: «Здравствуйте, учительница». Я был свидетелем, как на уважение к человеку другой национальности отвечают тем же: русская учительница в горном ауле, приветствуя колхозников, с удовольствием прибегала к обращению на местном диалекте.

* * *

В горах издавна существуют определённые правила в приветствиях. Так, например, первым должен приветствовать тот, кто едет верхом. Младший приветствует старшего, спускающийся с горы — поднимающегося в горы, проходящий — сидящих, пришедший — собравшихся.

Думается, что во всём этом есть смысл. Надо воспитывать у подрастающего поколения правильное представление об элементарных правилах общежития. Моральная ценность человека не мыслится там, где нет места уважению друг к другу. Общечеловечески оправданным является правило,

чтобы молодой человек первым приветствовал товарища старше себя. Понятно и то, почему едущий верхом должен первым приветствовать пешего. Ведь пешеход находится в невыгодном положении по сравнению с едущим. Он утомлён ходьбой, ему предстоит дальний путь, и едущий верхом, зная это, отдает ему дань уважения. То же самое относится и к человеку, поднимающемуся в гору. Подошедший к собравшимся первым должен приветствовать товарищей, во-первых, потому, что он опоздал к моменту сбора и его приветствие является как бы извинением перед товарищами за опоздание и, во-вторых, приветствие в данном случае в то же время означает выражение пожелания успехов и благополучия в делах собравшихся друзей, к которым хочет приобщиться пришедший.

Как видим, в старом неписанном горском порядке приветствий всё продумано, всё оправдано, всё исходит из моральных устоев человеческого общежития.

На первый взгляд может показаться, что в том, что люди приветствуют друг друга, нет ничего особенного. В том-то и дело, что это не так. Здесь речь идёт о нравственном облике человека, о его отношении к окружающей среде, к близким и дальним людям.

Если углубиться в суть вопроса, я бы сказал, что исторически эта проблема социальная, игравшая немаловажную роль и в политической жизни Дагестана. В старом Дагестане люди жили потухумно. В зависимости от того, здороваются или не здороваются между собою люди разных тухумов, определялись между ними и мирные или немирные отношения. Аульская верхушка узденей, чтобы подчеркнуть своё социальное превосходство над лагами (рабами), считала возможным при встрече не здороваться с ними. Наконец, и борьба с обычаем кровной мести связана с нормальным общением людей, с уважением друг к другу, с приветствиями. Не случайно люди в аулах в старину старались не упускать из виду кровников, не допускать новой вспышки вражды между ними. По

обычаю, виновный должен был приветствовать пострадавшего. В обмене приветствиями окружающие видели первый признак примирения, которого ждал весь аул.

В своё время К. Маркс писал о непреходящей ценности простых законов «нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица». Думаю, что приветствия и добрые пожелания, которыми обмениваются горцы между собою и с приезжими, издавна принадлежали именно к этим простым и необходимым каждому человеку качествам.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СОДЕРЖАНИЕ

I. Наброски к древней истории Дагестана

1. Об этногенезе дагестанских народов	3
2. Место Дагестана в древней и средневековой истории Кавказа	6
3. О роли мелких народностей и этнических групп в древней и средневековой истории Дагестана	13
4. К вопросу о письменности в Дагестане	18
5. О некоторых вопросах истории культуры Дагестана	21
6. Происхождение названия Лезгинистан	29

II. Народные движения в Дагестане в X—XII веках

1. Обзор источников и литературы	43
2. Социально-политическое развитие Дагестана	48
3. Борьба народных масс Дагестана против феодализации в форме сопротивления распространению ислама	52
4. Городские и крестьянские восстания в Дагестане в X—XII веках	61

III. Вопросы историографии Дагестана

1. В. И. Ленин и некоторые проблемы историографии Дагестана	75
2. Историческая наука в Дагестане	92
3. Проблема происхождения дагестанских народов в дореволюционной историографии	102
4. Проблемы и темы по истории Дагестана	126

IV. Очерки, статьи, заметки

1. Горькие размышления у стен древнего Дербента	139
2. Из традиций героического прошлого горских народов	143
3. Заметки из истории и обычаев дагестанских аулов	149
4. Классовая борьба в народных преданиях и в воспоминаниях стариков	162
5. Исторические памятники—свидетели нашей истории	173
6. К истории города Махачкалы	178
7. Материал к истории гражданской войны в Дагестане	184

V. Воспоминания и встречи

1. О. Махаче Дахадаеве	190
2. А. А. Тахо-Годи	195
3. Несколько слов о Сулеймане Стальском	201
4. О Гамзате Цадасе	204
5. Эффенди Капнев	210

VI. Традиционное и новое

I. Человек и общество.

1) Разрушение задворков былой мелконациональной замкнутости	217
2) Ещё к этой же теме	218
3) Страницы далёкого прошлого	219
4) Тухум как наследие дикой старины	221
5) Одна из примет роста межнациональных связей	223
6) Несокрушимые традиции великой ленинской дружбы между народами	225

II. Труд и коллектив

1) История человеческого труда в старинных горских обрядах	228
2) Новый народный герой и старые адаты	234
3) Разные заметки к вопросу о старых обычаях и трудовых традициях	237
4) Старые обычаи и воспитание трудом	241

III. *Семья и быт* :

- 1) О патриархальном аде и о самом страдающем существе в этом аду 246
- 2) Старое и новое в свадебных обрядах и в семье. . . 251
- 3) О традициях дагестанского гостеприимства . . . 257

Магомедов Расул Магомедович

М 12 **Дагестан. Исторические этюды**

Махачкала, Дагкнигиздат, 1971.
268 с.

9(С 16 Даг)

Редактор А. Назаревич.
Художественный редактор
Е. Омельченко.
Технический редактор
М. Ханукаев.
Корректор Н. Шалбузова.

Цена 52 коп.

МАХАЧКАЛА 1971

Сдано в набор 22-III-1971 г. Подписано в печать 22-VII-1971 г.
Форм. бум. № 1 84×108¹/₃₂. Бум. л. 4,1875. Печ. л. 8,375.
Усл. печ. л. 14,07. Уч.-изд. л. 12,241. С 03203. Тираж 5000.
Цена 39 коп. Переплет 13 коп.

Дагестанское книжное издательство Управления по печати
при Совете Министров ДАССР, Махачкала, ул. Маркова, 55.
Зак. № 439.

Типография им. С. М. Кирова Управления по печати при
Совете Министров ДАССР, Махачкала, ул. Маркова, 51.

instituteofhistory.ru